

И. М. МИЗИЕВ

ИСТОРИЯ РЯДОМ

(БЕСЕДЫ КРАЕВЕДА)

1157869

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК · 1990

Каб.-Балк. республиканская науч-
ная библиотека им. Н. К. Крупской
г. Нальчик, ул. Ногмова № 42

63.3(2P — 37)
9(C16)
M583

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. И. Мусукаев*,
доктор филологических наук, профессор *И. Х. Ахматов*

Редактор *А. М. Башиев*

Мизиев И. М.

М583 История рядом.— Нальчик: Эльбрус, 1990.— 144 с.

ISBN 5-7680-0192-1

Книга представляет собой серию бесед об историко-культурном значении древнейших памятников окрестностей г. Нальчика и прилегающих районов Предкавказья.

На основании археолого-этнографических данных в книге раскрывается роль и место древних племен в формировании традиционной культуры народов Северного Кавказа.

В увлекательной форме автор знакомит широкий круг читателей с существующими в науке дискуссиями об этнокультурном наследии древних племен.

М $\frac{0503020900-144}{M125(03)-90}$ 90-89

63.3(2P—37)
9(C16)

ISBN 5-7680-0192-1

© Мизиев И. М., 1990

Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще более прекрасное—это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания...

П. Я. Чаадаев

ЧЕЛОВЕК — ТВОРЕЦ ИСТОРИИ

Можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком; но не любить историю может только человек неразвитый умственно.

Н. Г. Чернышевский

Многогранная человеческая деятельность преобразует окружающий мир, создает материальные и духовные ценности, формирует моральные идеалы и мировоззрение общества. Погруженные в сиюминутные заботы, мы еще нередко не отдаем себе должного отчета в том, что и нынешние творения рук и разума человека завтра, через год и десятилетия будут восприниматься потомками как неопровержимые и наглядные свидетельства нашей эпохи.

С этих позиций оценивая дела и помыслы людей, их мировоззрение и нравственные принципы, мы должны признать равнозначными памятниками истории и культуры человечества и первый грубо слепленный горшок и наши межпланетные станции, которые, каждый по-своему, отражают свое время.

Опираясь на совокупный опыт и постоянно совершенствуя свой труд, человечество неуклонно продвигается по пути прогресса в материальной, идеологической, социально-политической сферах. Выдающиеся умы человечества не раз выражали справедливую мысль о том, что, не зная прошлого, нельзя понять настоящее и предвидеть будущее. Наше прошлое сформировало не только сегодняшние проблемы, но и нас самих, обогащенных накопленным человечеством опытом. Без знания прошлого невозможно самознание и самоощущение человека, выработка надежных ориентиров в бурлящем потоке сегодняшних событий. Все это в наши дни возбуждает небывалый интерес к правде истории, к социальной памяти народов, спрессованной в историческом прошлом.

Далекое прошлое человека и окружавший его мир изучаются археологами, антропологами, палеоботаниками и представителями других смежных областей знания, обращенных в глубь веков. Где бы ни проживал человек, он всегда оставляет после себя следы деятельности в виде созданных его руками изделий и сооружений. В условиях первобытной разобщенности и сравнительной изоляции древних общностей деятельность и достижения отдельных групп долгое время оставались неизвестными другим. На протяжении ве-

ков одни оставались собирателями злаков, корней и плодов диких растений, другие—охотниками и рыбаками. Каждый из этих видов занятий был продиктован своеобразием среды обитания первобытных людей. С течением времени одни из них научились изращивать зерна, другие приручать и одомашнивать диких животных, третьи загонять зверье, охотиться и т. п.

Таким, примерно, образом происходило становление и постепенное обособление племен — ранних земледельцев, пастухов-скотоводов, рыбаков и охотников. Каждый из них оставил после себя самобытные и оригинальные памятники, которые не перестают привлекать к себе внимание любознательного человека.

Племена, обособленные и в силу географических условий, и по роду занятий, не могли бесконечно оставаться в полной и постоянной изоляции, а постепенно сближались, вступали в продиктованные жизненной необходимостью контакты друг с другом. Происходило взаимное знакомство с достижениями соседей, налаживался естественный обмен продуктами своего «производства», а вместе с ними перенимались и определенные жизненные навыки. Этот обмен и взаимообогащение жизненного опыта росли прямо пропорционально степени развития миграции и смешения различных племен, диффузии их культур. В результате подобных контактов происходило взаимопроникновение и взаимообогащение и в материальной, и в духовной сферах человеческой деятельности. Все это, естественно, сопровождалось языковыми контактами, обогащением словарного фонда соседствовавших племен, так как различного рода материальные и духовные нововведения проникали в соседние общества вместе с их наименованиями.

Если с изложенных позиций подходить к древней истории и культуре Кавказа, то мы еще раз убедимся в правоте давно установившегося в науке утверждения, что Кавказ издревле представляет собой уникальный регион евразийского континента, является «горой языков и культур».

Громадный «водораздел» между Азией и Европой, преграждавший извечные пути миграции племен с севера на юг, с запада на восток, нельзя было миновать или обойти, люди не могли не замечать Кавказ, их не могли не привлекать его плодородные долины и альпийские луга, богатейшая флора и фауна. Подталкиваемые различными историческими событиями с севера и с юга к Кавказу, различные по культуре и языку народы сталкивались здесь как друг с другом, так и с аборигенами края, оседали в его глубоких ущельях, а с течением времени представляли перед объективной необходимостью приспособиться к условиям гор. И земля, по образному выражению средневековых авторов, брала верх, многие степные народы в конце концов превращались в горцев Кавказа.

Все эти процессы оставили большой след в истории. Археологическая наука о Кавказе знает множество фактов проникновения культуры южных народов Передней Азии и Ближнего Востока на территорию Армении, Грузии, Азербайджана. А из этих областей культурные достижения древнего Востока проникали на террито-

рию Дагестана и Прикубанья. Эти контакты хорошо прослеживаются в древнейших памятниках Кабардино-Балкарии. В районы Предкавказья, Прикубанья, Приморского Дагестана проникают носители культур южноевропейских и Средне-Азиатских регионов. В горах Кавказа происходило столкновение и симбиоз этих культурных течений с культурой древнего населения края. Одновременно древние культурные достижения кавказцев проникали далеко на север в южнорусские степи, Приуралье, Поволжье, а также в районы Ближнего Востока и Передней Азии.

Изученные на Кавказе элементы культуры столь далеких областей древнего мира не могли так глубоко укорениться в чужеродной кавказской среде без достаточного этнического обоснования. Накопленные различными областями науки материалы позволяют говорить о том, что взаимораспространение достижений культуры и языка различных регионов зачастую происходит вместе с его создателями и носителями.

В наше время стремление как можно глубже познать историю и культуру народов является составной частью духовных потребностей советских людей, и это стремление в последние годы набирает особую силу и широкий размах. Свидетельством тому является небывалый рост туристических познавательных путешествий по необъятным просторам нашей Родины, стремление «лучше один раз увидеть». Хотя развернувшаяся туристическая индустрия, различные услуги и сервис позволяют широко знакомиться с историко-культурными памятниками многих областей, все же порой для познания исторического прошлого вовсе не обязательно отправляться в далекие края. Всегда можно найти такие маршруты, на которых воочию увидишь, прикоснешься рукой и ощутишь многовековую историю родного края, историю, которая всегда рядом с нами. И отправным пунктом интереса к прошлому всегда является современность, которая непременно задает людям минувших времен многочисленные вопросы, волнующие нас в настоящем, чтобы понять и проследить, как в новых проявлениях сохраняются достижения исторического прошлого и как они обогащают современную культуру народов.

Наши представления о культуре древних племен будут более верны и объективны, если мы будем рассматривать их, строго следуя непреложному ленинскому учению о том, что для более ясного понимания отдельных частных вопросов истории и культуры необходимо всегда иметь в виду общие закономерности, на которые постоянно будет наткнуться человек, пытающийся решать конкретные частные вопросы в отрыве от общих. Руководствуясь при изучении истории и культуры древних обществ ленинским указанием, необходимо помнить, что огромные просторы, заключенные между горными грядами Алтая, Карпат, Тянь-Шаня, Урала и Кавказа, представляя собой бескрайние степи Евразии и примыкают к древнейшим земледельческим центрам мировой цивилизации — Европы, Южного Кавказа, Ближнего Востока и Средней Азии. Как в зонах стыка и симбиоза культур кочевников и земле-

дольцев, так и в зонах перехода степей в плодородные горные долины и предгорья — везде встает вопрос о смешении, соотношении, взаимовлиянии и взаимопроникновении как элементов культуры, так и отдельных этнических групп.

Отсутствие письменных источников, отражающих начальные этапы древних этнокультурных контактов населения евразийских степей с горцами Кавказа, выдвигает археологические памятники на первое место. Исследования говорят о том, что материально ощутимые активные контакты степных и горных племен хорошо фиксируются в памятниках предгорий Кабардино-Балкарии.

Предлагаемая книга посвящена одному из древнейших и повсеместно распространенных памятников раннебронзового века Кабардино-Балкарии и сопредельных областей, а именно древним курганам, которые являются живыми свидетельствами интереснейших исторических событий, протекавших как на Кавказе, так и в евразийских степях. Приглашая читателя предпринять путешествие в глубь веков истории, хочется начать его с живописных окрестностей курорта Нальчика, потому что древнейшие памятники Нальчика вошли в золотой фонд мировой археологической науки и тесно связаны с древнейшими цивилизациями Кавказа и европейского континента. В таком широком географическом и хронологическом охвате мы сможем лучше понять их роль и значение в мировой истории.

НАЛЬЧИК В ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

История людей явилась процессом развития самого человечества, и задача научной мысли свелась к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса...

Ф. Энгельс

Горная система Кавказа никогда не была непроходимой преградой для древнейшего населения. Историко-географические исследования свидетельствуют, что через Кавказ еще в древнекаменную эпоху (палеолит) началось заселение каспийско-черноморских степей, а в период среднекаменного века (мезолит) уже возникла связь и складывалась определенная культурная близость населения степей и Кавказа. В эпоху новокаменного и раннебронзового веков (неолит и энеолит) Кавказ не без оснований считается одним из важнейших очагов, откуда в Северное Причерноморье и Поволжье проникала культура земледелия и металлургии.

На юге Кавказ примыкает к Передней Азии — древнейшему очагу возникновения и развития мирового земледелия, а на севере предкавказские районы смыкаются со степями Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья. Благодаря такому положению Кавказ издревле являлся связующим мостом между Передней Азией и Юго-Восточной Европой. В системе связей с Юго-Восточной Европой особенно важную роль играла центральная часть Предкавказья, заключенная в географических рамках между Кубанью и Тереком, Эльбрусом и Казбеком. Неудивительно поэтому, что наиболее ранние памятники оседлого населения были обнаружены в самом центре Предкавказья, в пределах нынешнего города Нальчика.

Благоприятные климатические условия этого региона, богатая флора и фауна, насыщенная густой водной сетью, не могли не привлечь внимания древних людей, полностью зависящих от природных условий обитания. В этом регионе густые лесистые хребты предгорий Большого Кавказа в виде огромной подковы окаймляют плодородную долину небольшой речной системы Ак-су, Кенже, Шалушка.

С точки зрения древнейшей истории Кавказа и Юго-Восточной Европы Нальчик примечателен тем, что культура древних племен

эпохи неолита и энеолита нашла отражение в археологических памятниках в непосредственной черте города. На первом месте среди этих памятников по праву стоит так называемое «Агубековское поселение». Оно было открыто еще в 1924 году, а в 1929-м здесь небольшие раскопки проводил бывший заведующий Нальчикским краеведческим музеем М. И. Ермоленко. Поселение располагалось на участке местного владельца Агубекова и потому вошло в науку под таким названием.

Экскурсанты по г. Нальчику могут посетить район размещения этого уникального археологического памятника — это нынешний район города, именуемый «Затишье», примерно в юго-западном углу земель Кабардино-Балкарской опытной станции садоводства. Поселение размещалось на правом берегу высохшего древнего протока, некогда отделявшегося от р. Нальчик. В 1932—1933 годах на поселении работали археологи из Академии наук СССР А. П. Круглов и Е. Ю. Кричевский.

Культурный слой поселения, содержащий следы деятельности человека, составлял 40—60 см. Жилища древних поселенцев представляли собой легкие плетеные хижины. Основную группу находок составляли более 1000 экземпляров фрагментов керамических сосудов.

По заключениям специалистов Института исторической технологии Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), ныне Институт археологии АН СССР, «материал для изготовления керамики — глина низкого качества, сильно загруженная вкраплениями слюды и кварца, это, вероятно, зависело от отсутствия подходящих выходов гончарной глины в окрестностях стоянки... Керамика производилась без гончарного круга».

Сосуды Агубековского поселения все без исключения имели плоское дно, выделяется лишь один фрагмент круглодонной чашечки, которая будет привлекать наше внимание по ходу изложения.

Среди керамического материала важное место занимает фрагмент стилизованной глиняной статуэтки, изображающей человека. Сохранившаяся часть статуэтки, длиной 5 см, представляет собой тонкую шею, оканчивающуюся своеобразно моделированной головой, которая имеет форму вытянутого овала. Вдоль обеих сторон овала, по краям «лица», имеются с одной стороны 4, с другой 5 дырочек, расположенных вертикальными рядами.

На поселении в большом количестве встречались разнообразные каменные орудия из кремня и вулканического стекла (обсидиана) местного происхождения. Это были всевозможные скребки, ножевидные пластинки, различные острия, использовавшиеся для обработки кожи, дерева и пр. Авторы раскопок считают существенным обстоятельством наличие на поселении двух каменных топорков с полированной поверхностью. Типичными для Агубековского поселения считаются каменные терки, терочки и песты. Растирание злаков на них производилось вручную.

Завершая обзор добытого материала, археологи писали: «У

нас нет оснований предполагать у древних обитателей Агубековского поселения наличие земледелия. Среди всех терок, представленных в наших материалах, нет ни одной, которую можно было бы считать зернотеркой. Все они слишком незначительны по своим размерам, для того чтобы употребляться для растирания зерна. Этому также противоречит пористая структура камня. С другой стороны, эти терки могли быть удобными для растирания съедобных корней, диких плодов, орехов или желудей. Набор терок Агубековского поселения дает, следовательно, возможность говорить не о земледелии, а о собирательстве».

На поселении встречались кости дикой свиньи, которые также не давали авторам основания говорить о домашнем скотоводстве, а скорее свидетельствовали об охоте на диких животных.

Весь набор найденного материала позволяет датировать поселение неолитическим временем — второй половиной IV тыс. до н. э.

Такие предметы, как полированные топоры и навершия булав, дают археологам право связать этот памятник с неолитическими культурами Моравии, Югославии, Южной Украины, с так называемой трипольской культурой Восточной Европы. На правобережной Украине каменные булавы «в виде креста с шаровидными оконечностями» были найдены на поселении древнего этапа трипольской культуры и в погребениях древнейшего слоя Мариупольского могильника на нижнем Дону (ныне г. Жданов). Глиняная статуэтка с оригинальной моделировкой лица очень похожа на статуэтку из кургана Катарагач-тапа в Дагестане (А. А. Русов). Статуэтки, с которыми сопоставляли А. П. Круглов и Е. Ю. Кричевский найденный ими экземпляр, представляли собой изображения женщин, что могло, по их мнению, олицетворять охотничье-собирательское хозяйство при матриархально-родовом строе.

Агубековское поселение до сих пор привлекает пристальное внимание ученых-кавказоведов. Современные исследователи несколько пересматривают взгляды первооткрывателей 30-х годов и считают жителей поселения ранними земледельцами и скотоводами Северного Кавказа (Р. М. Мунчаев). Об этом может свидетельствовать каменный жернов от ручной мельницы, найденный будто бы на поселении и тогда еще хранившийся в Нальчикском краеведческом музее.

Каменные орудия из Агубеково в общих чертах похожи на соответствующий инвентарь из закавказских памятников, в частности с поселения Тетрамицы. Такую же близость эти орудия проявляют и с Гинчинским поселением в Дагестане. Все это позволяет ученым говорить о близости агубековцев с оседлым населением Дагестана и Грузии (Р. М. Мунчаев, М. Г. Гаджиев, Р. Ж. Бетров). Вместе с тем анализ всего комплекса находок из Агубековского поселения, особенно керамика, позволяет ведущим специалистам по неолиту и энеолиту Кавказа считать, что неолитическая или поздненеолитическая культура Центрального Предкавказья имела свои некоторые, ярко выраженные локальные особенности. При этом они ссылаются и на упомянутую статуэтку. Подобные

антропоморфные изделия в памятниках Кавказа чрезвычайно редки, причем агубековская находка относится к числу наиболее древних. Поэтому внимание к ней со стороны специалистов не ослабевает и поныне.

Подводя итог сказанному об Агубековском поселении, можно несколько развить мысль выдающегося советского археолога, лауреата Ленинской премии Е. И. Крупнова и сказать, что, перекликаясь с памятниками трипольской культуры Восточной Европы, с Мариупольским могильником и другими находками на севере от Кавказа, и с поселениями Тетрамыцы в Грузии и Гинчи в Дагестане, а через них и с культурными достижениями древнего Востока, Нальчикское поселение имеет решающее значение при изучении истории всего степного юга нашей страны и Кавказа. Эта значимость еще более подчеркивается тем, что рассмотренный памятник свидетельствует о том, что уже в середине IV тыс. до н. э. население Центрального Предкавказья было знакомо с достижениями так называемой неолитической революции, т. е. начинало переходить от присваивающего (охотничье-собираательского) к производящему способу хозяйствования, т. е. к земледелию и скотоводству.

Вторым очень важным памятником, почти одновременным с описанным поселением, является Нальчикский могильник, также прочно вошедший в арсенал «золотого» фонда советской археологической науки о древней истории Кавказа и Восточной Европы.

Могильник располагался сравнительно недалеко от Агубековского поселения, в том же районе г. Нальчика, примерно там, где ныне размещены корпуса Кабардино-Балкарской республиканской клинической больницы. В 20-х годах эта западная окраина города была занята огородами горожан, и потому называлась Базки. В 1923 году владелец одного из огородов, проводя межевую канаву вокруг своего участка, прорезал ею южную полу находившейся здесь расплывшейся возвышенности, высота ее едва достигала 67 см при диаметре более 30 м. В обресе канавы были обнаружены человеческие кости, обломки глиняных сосудов. В том же году М. И. Ермоленко раскопал на могильнике 26 погребений.

В 1929—1930 годах археологические экспедиции ГАИМК исследовали этот памятник и раскопали здесь еще 121 погребение. Раскопки А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского, Г. В. Подгаецкого как академически изученные погребения и вошли в археологическую литературу.

По описаниям авторов раскопок могильник имел плоскую и низкую насыпь, резко отличающуюся в этом отношении от сравнительно высоких насыпей курганов эпохи бронзы. Именно поэтому этот могильник некоторые не считают курганом, хотя дошедшие до нас древнейшие курганы были высотой 40, 60, 70 см и редко превышали 1 м (Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов, Н. Я. Мерперт).

Раскопанные экспедицией погребения (121) размещались небольшими группами, от 5 до 8 могил в каждой. Можно предположить, что первоначально это были близко расположенные друг к другу мелкие курганчики, впоследствии оплывшие и образовавшие

общую возвышенность. Ученые полагают, что каждая семейно-родовая ячейка имела здесь свой участок. Захоронения в таких группах производились не одновременно, на что указывает разница в глубине залегания, а также случаи перекрытия одной могилы другой.

В тех случаях, где удалось проследить очертания могил, они представляли несколько расширяющиеся в изголовьях овальные ямы. Мужские захоронения покоились на правом (36 могил), женские — на левом боку (27 могил), в 5 случаях погребенные лежали ничком, на груди. Для нашего дальнейшего повествования очень важно отметить, что 12 погребенных: № 7, 10, 29, 34, 36, 38, 79, 84, 86, 105, 117, 120, т. е. почти 10%, покоились на спине с подогнутыми в коленях ногами.

Из 121 погребения 80 имели следы окрашенности красной охрой. Иногда краска лежала под скелетом сплошным слоем, иногда же были окрашены только конечности и черепа погребенных. Исследователи подметили, что сильная окрашенность была свойственна более древним погребениям, ориентированным головой на восток.

На могильнике был собран большой археологический материал, включающий изделия из кремня, обсидиана, поделки из клыков кабана, медведя, мелкие каменные и пастовые бусы, каменные браслеты и пр. Бросается в глаза, что наиболее бедными оказывались погребения, лежавшие на спине с подогнутыми ногами. В 6 таких погребениях не было ничего, в погребении № 10 обнаружен череп кабана, в № 29 — коренной зуб дикого быка или зубра, в № 36 — пластинка из кабаньего клыка, на которой было изображение змея, в № 117 — осколок кремня, а в № 120 — кусок мела. Исключение из этих 12 погребений представляет по «богатству» погребение № 86. В нем был обнаружен скелет женщины 25—30 лет, покоившейся на спине с подогнутыми в коленях ногами. Весь костяк и подстилающий грунт были сильно окрашены красной охрой. В могиле было найдено большое количество мелких бус цилиндрической формы, рубленных из белой пасты, небольшая медная сережка в виде колечка и два каменных браслета. У костей левой ноги погребенной лежали 16 подвесок из просверленных клыков оленя и 31 подвеска из просверленных резцов быка.

Если говорить об инвентаре Нальчикского могильника, то надо отметить частые находки подвесок из коренных зубов быка, клыков кабана, медведя, лисы, фрагменты оленьих рогов. В погребениях № 46, 83, 86 и вблизи могил № 54, 55 были найдены каменные браслеты, которые вырезались из плиток сланца острым орудием, в качестве которого служили, вероятно, всевозможные скребки, отщепы, пластинки из кремня, обсидиана. Подобные браслеты были найдены на поселении в местности Тетрамыцы близ г. Кутаиси, у с. Криволучье-Ивановка на Волге в Куйбышевской области, в кургане между станицами Тульской и Севастопольской в Краснодарском крае и других местах.

При раскопках могильника было найдено много фрагментов

глиняной посуды, однако исследователи «с полной уверенностью утверждают, что они попали в погребения случайно, а не преднамеренно». Исходя из этого утверждения первооткрывателей современные археологи считают, что керамики в Нальчикском могильнике не было. Однако наше внимание привлекает «маленькая глиняная плошка в виде круглодонного бокальчика» из раскопок М. П. Ермоленко, которая, судя по его словам, находилась рядом со скелетом.

Большой интерес представляет и найденная Ермоленко в одном из погребений статуэтка из мергеля, изображающая женщину. Голова ее имеет вид шарообразного утолщения, в то время как остальные части уплощены. Два округлых выреза на середине ее длины подчеркивают талию фигурки. Руки у статуэтки отсутствуют, а ноги не расчленены. При изготовлении ее мастер хотел придать изображению вид сидящего человека, что отчетливо видно при рассмотрении статуэтки в профиль.

По большинству археологического инвентаря ближайшей аналогией Нальчикскому могильнику А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий считали могильник у г. Жданова (Мариупольский могильник). Однако последний, по их мнению, относился к несколько более ранней эпохе, так как в нем не было медных предметов и пастовых бус. Отличительной особенностью того могильника, на наш взгляд, является и вытянутое положение погребенных, чего не было в Нальчикском могильнике. В поздних погребениях Мариупольского могильника наблюдается такое же, как и в Нальчикском, положение покойников на спине с подогнутыми коленями, которое получает распространение и в районах Донца и Волги.

Касаясь идеологических представлений и анализируя в этой связи различные изделия из клыков и зубов диких животных, авторы раскопок писали: «Нам кажется, что мы не ошибемся, если подчеркнем особую значимость в представлениях изучаемого общества двух животных — кабана и оленя... Именно на обработанном кабаньем клыке нанесены изображения двух змей. Говорить о том, что кабаньей клык в данном случае был лишь подходящим поделочным материалом и тем самым отрицать органическую, смысловую связанность между предметом и нанесенным на нем изображением, было бы неправильно».

О социальной структуре общества, оставившего Нальчикский могильник, по предположениям авторов, кое-что могут сказать обнаруженные ими на могильнике группировки могил, несомненно, отражающие определенные семейно-родовые общественные отношения. В этой связи важно подметить, что подобные группировки кровно-родственных ячеек соблюдалась на могильниках народов Северного Кавказа вплоть до недавнего времени и неоднократно фиксируются этнографами и сегодня.

В археологическом инвентаре могильника есть очень архаичные предметы, прежде всего каменные браслеты, аналогии которым имеются в памятниках Месопотамии VI тыс. до н. э. (Джармо,

Телль-Магзалия, Телль-Сотто). На Кавказе же эти изделия доживают вплоть до времени Нальчикского могильника. Данные, полученные в нальчикских памятниках, наглядно свидетельствуют о тесных связях Северного Кавказа в IV тыс. до н. э. с культурами Передней Азии, южного Кавказа и степного юга европейской части нашей страны.

Завершая наш первый экскурс, следует отметить, что до IV тыс. до н. э. ни в Европе, ни в Передней Азии, Иране и Индии, ни в евразийских степях археологические культуры не содержат курганов, которые позднее можно встретить почти повсеместно. Мы отмечаем эту деталь потому, что в дальнейшем повествовании нам часто придется вслед за распространением древнейших курганов затрагивать историко-культурную ситуацию в различных областях Евразийского континента. Отправным пунктом и причиной поиска истоков «курганной» культуры являются упоминавшиеся 12 погребений Нальчикского могильника, относящихся к так называемой древнейшей археологической культуре древнейших кочевых, скотоводческих племен Восточно-Европейских степей. Одновременно с Нальчикским могильником и позднее в окрестностях г. Нальчика и в ближайших районах Северного Кавказа появляются неоспоримые археологические «паспорта» кочевого степного населения, т. е. курганы. Это обстоятельство и заставляет нас обратиться теперь к вопросу о том, где и когда впервые стали появляться курганы — эти замечательные памятники, повсюду украшающие степной пейзаж.

Во второй половине IV тыс. до н. э., возможно ближе к ее концу, в междуречье низовьев Дона, Волги, Урала и Эмбы, в бассейнах небольших рек: Еруслан, Узень, Большой и Малый Иргиз, Таргун — формируется новая археологическая культура, содержащая в своем внутреннем развитии большую потенциальную силу. Эта культура, первоначально занимавшая степные районы южного Урала, охватывая южные окраины нынешней Башкирии и сопредельных регионов, была сформирована древним населением, преимущественно занятым скотоводством, главным образом овцеводством. В силу специфики своего хозяйства эти племена были чрезвычайно подвижными из-за необходимости постоянных поисков все новых и новых сезонных пастбищ для своих стад. Поэтому на древнейшей прародине этой культуры археологи до сих пор не располагают сведениями о поселениях древних кочевников. Лишь в прибрежных долинах изредка обнаруживаются небольшие кратковременные стойбища пастухов. Поселения этих племен выявлены только в тех районах, где они приходили в долгосрочные контакты с древними земледельческими племенами, смешивались с ними и оседали.

Многолетние исследования видных русских и советских археологов — А. В. Городцова, С. В. Киселева, К. Ф. Смирнова, И. В. Синицина, Н. Я. Мерперта — установили основные черты этой культуры.

Для погребения усопших вырывалась обширная подквадратная,

овальная или прямоугольная яма, ее стены облицовывались деревянными брусками или плахами, дно ямы устилали камышом, травой, корой дерева, грубой рогожей, циновкой или войлоком. Умершего клали на спину, головой ориентировали на восток, ноги в коленях подгинали вверх. Подстилающий грунт и самого покойника обильно обсыпали красной охрой. Погребальную яму сверху перекрывали накатом из деревянных бревен, брусьев, плах, застилали камышом или древесной корой и пр. Поверх всего этого возводили курганную насыпь. Так впервые стали появляться курганы. Родиной их были степи в междуречье Волги и Урала. В наиболее ранних курганных погребениях вместе с умершим клали очень бедный инвентарь, чаще всего это были ножевидные кремневые пластинки с ретушированными краями, поделки из трубчатых костей и рогов животных. Как правило, в изголовье клали части туши жертвенной овцы или барана — в основном это были черепа, лопатки, астрагалы. Иногда в могилах обнаруживались круглодонные с широким туловом или остродонные, яйцевидные глиняные сосуды грубой ручной лепки из низкокачественного теста. Поверхность таких сосудов заглаживалась пучком травы, покрывалась сплошными нарезками, насечками. В более поздних погребениях обнаруживают изделия из меди — ножи, кинжалы, стрелы, шилья и пр. Из-за характерной погребальной ямы вся культура получила в литературе название — древнеямной. Подвижный характер жизни «ямников» вызвал необходимость использования населением этой культуры тягловой силы домашних животных и распространения в их быту повозок. Они же явились и первыми создателями курганов, чтобы при частых перекочевках с места на место не терялось место захоронения их сородичей в степных просторах.

По наблюдениям О. А. Кривцовой-Граковой, наиболее древние погребения были перекрыты поперечными и продольными бревенчатыми накатами. В одной из могил под г. Никополем она проследила весь накат из 10 бревен, под которыми и над ними был выявлен тлен от тростника и камыша.

Таким образом, основными археологическими, этнокультурными признаками культуры древнейших кочевников-овцеводов были:

- курганная насыпь;
- погребальная грунтовая яма, облицованная и покрытая деревом, устланная камышом, рогожей, циновкой, войлоком, травой;
- наличие в могиле костей мелких животных — астрагалов, костей лопаток, черепов;
- умершего клали на спину с подогнутыми в коленях ногами, или в скорченном состоянии на боку.

Эти признаки являются своего рода лакмусовой бумажкой, которая позволяет выделить памятники древнейших кочевников на больших территориях, далеко отстоящих от района их зарождения.

Характеризуя неолитическую культуру евразийских степей, Н. Я. Мерперт приходит к заключению, что различные группы скотоводческих племен, «соприкасаясь с древнейшими центрами про-

изводящего хозяйства и подвергаясь их влиянию, приспособливали достижения последних к специфике естественных условий своего существования. В степных, горных, полупустынных областях появились коллективы, ведущей отраслью хозяйства которых было скотоводство в подвижных его формах (отгонное, полукочевое, а далее кочевое), резко ограничивающих или даже исключаящих возможности одновременной земледельческой практики». К наблюдениям Мерперта стоит добавить, что и земледельческие племена, сталкиваясь со скотоводами, не чурались перенимать у последних новейшие достижения их культуры, навыки разведения и ухода за скотом, пользоваться их способами передвигаться на значительные расстояния и т. п. Такое дополнение само собой напрашивается, если вспомнить важное замечание Ф. Энгельса: «В Азии они (древние пастухи-скотоводы.— И. М.) нашли животных, которых можно было приручить и в дальнейшем разводить в прирученном состоянии. За самкой дикого буйвола нужно было охотиться, прирученная же — она ежегодно приносила телят и, кроме того, давала молоко. У некоторых наиболее передовых племен — арийцев семитов, может быть, уже и у туранцев — главной отраслью труда сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров: это было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие. Они имели, сравнительно с теми, не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен». Поскольку первоначальное приручение, а позднее уход за скотом были делом мужчины, поэтому, продолжает Энгельс, скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Так в скотоводческой среде стали появляться патриархально-родовые вожди, в руках которых концентрировались огромные богатства.

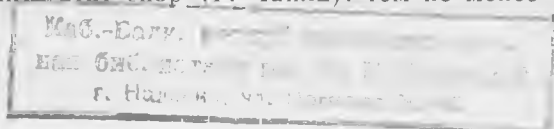
Численность скота увеличивалась, стада росли, и скотоводы осваивали все новые участки степи. Так вслед за расширением пастбищ расширялись и основные территории скотоводческих племен, и на огромных просторах от Эмбы на востоке до Днестра на западе сложилась в конце IV — начале III тыс. до н. э. наиболее древняя из культурно-исторических областей, получившая название древнейшей (Н. Я. Мерперт).

Огромная степная полоса, занятая этой культурно-исторической областью, непосредственно соприкасалась с тремя раннеземледельческими центрами — Европой, Передней и Средней Азией. С этого момента, как справедливо подметили советские археологи, степные пространства из фактора, разделяющего древние общества, превратились в фактор соединяющий их. Они способствовали значительным перемещениям больших групп скотоводов, облегчали процесс смешения и ассимиляции древних племен, а также давали

возможность для быстрого распространения экономических и культурных достижений как самих скотоводческих племен, так и населения других областей, с которыми соприкасались древние кочевые племена. Именно поэтому первая и древнейшая культурно-историческая область знаменовала собой первую ступень широкого освоения степных просторов, распространение в них производящих видов экономики, т. е. разведение скота и выработку подвижных, кочевых форм ведения хозяйства. История этой историко-культурной области предстает перед нами как длительный, сложный и многообразный этап развития и взаимодействия ряда племен Каспийско-Черноморских степей.

На такой огромной территории эта культура не могла оставаться единообразной и видоизменялась в соответствии с миграцией или диффузией из древнейшего очага зарождения (Волго-Уральского междуречья), обогащаясь новейшими достижениями культуры и экономики иных племенных групп, с которыми вступала в контакт. В силу этих причин древнейшая (или курганная) культура в период своего наивысшего расцвета распадалась на девять локальных вариантов, имеющих свои общие и специфические особенности. Исследования показали, что это были: Волжско-Уральский (наиболее древний), Предкавказский, Донской, Северо-Донецкий, Приазовский, Крымский, Нижнеднепровский, Северо-западный и Юго-западный варианты, которые, имея свои отдельные отличительные черты, объединялись единством погребального обряда и общностью керамики.

Исходя из общей характеристики этой культуры, теперь можно попробовать проследить различные этапы и пути миграции ее и выяснить вопрос, в каких позднейших культурах продолжали бытовать ее основные этнокультурные компоненты и как далеко они проникали в соседние общности древних племен. Но прежде чем пуститься в это путешествие, надо иметь в виду, что когда речь заходит о перемещениях древних племен, необходимо в каждом конкретном случае выявлять не отдельно вырванные из общего комплекса культуры элементы, а сумму возможно полного набора этнокультурных признаков той или иной древней культуры. Но и в этом случае необходимо выяснять: было ли обнаружение тех или иных черт отдельной культуры вдали от основной территории ее бытования связано с миграцией носителей этой культуры или же это результат культурных, соседских контактов? Дело в том, что одни утверждают, что вследствие общего единообразия человеческих умов любое общество на соответствующей стадии технологического, экономического, культурного и социального развития должно сделать те же самые открытия. Другие же убеждены в том, что каждое крупное открытие или изобретение было сделано лишь однажды на протяжении истории, и относят, таким образом, зарождение, скажем, металлургии, гончарного круга, земледелия, изобретение лука, приручение и оседлание коня и т. п. к одному определенному району земли. Хотя некоторые считали, что археологи не смогут разрешить этот спор (Г. Чайлд), тем не менее со-

временные достижения науки могут внести существенный вклад в его прояснение. Так, например, находки морских раковин, изделий из минералов в местах, где этот минерал в природе не встречается и куда они не могли быть занесены естественными путями, или же обнаружение изделий человека вдали от места их изготовления — гончарный круг, повозки на колесах, вращающиеся мельницы, или обычай возведения курганной насыпи, использование верхового коня и пр. — является неоспоримым доказательством межплеменных связей, а может быть, и миграций племен, освоивших эти изобретения. Конечно, передача предметов быта, так же как и распространение идей, служат в определенной степени указаниями на перемещение людей с места на место. Но поскольку чисто археологические предметы, взятые в отдельности, слишком сомнительны в решении этих вопросов, археологи давно придерживаются того мнения, что если «движение вещей» в эпоху неолита и бронзы не сопровождается керамикой, которую за редчайшим исключением вряд ли когда могли экспортировать в древности (по причине ее хрупкости), тогда говорить о перемещениях этнических групп нет достаточных оснований. Если даже наблюдаются отдельные сходные черты в профилировке и орнаментации сосудов, все же остается большой риск видеть за этим сходством этнические перемещения, так как эти детали нередко могут оказаться результатом культурных связей и изучения технологических навыков соседей. Поэтому есть опасность делать выводы о генетических связях населения только на основе сходства керамики. «Сходство керамики нередко может говорить,— писал П. Н. Третьяков,— лишь о том, что население заимствовало у своих соседей неизвестные ему ранее способы выделки и орнаментации сосудов». Живым примером может быть знаменитая майкопская культура раннебронзового века Северного Кавказа с ее курганным погребальным обрядом и массой предметов переднеазиатского происхождения. Вот этот феномен — сочетание степного погребального обряда и материальной культуры древнего земледельческого мира Передней Азии — и не дает возможности ученым до сих пор до конца раскрыть происхождение и суть майкопской культуры.

А между тем когда и легко подвижный археологический инвентарь — украшения, оружие и прочие предметы, чаще всего являющиеся предметом обмена,— сочетается с керамикой, а все это вместе поддерживается еще и погребальным обрядом — самым стойким этническим показателем, тогда говорить об этнических перемещениях можно достаточно обоснованно.

Руководствуясь этими соображениями, мы и попытаемся теперь рассмотреть, в каком окружении находились древние племена Северного Кавказа — носители курганного обряда.

ДРЕВНЕЙШИЕ КУРГАНЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ РАССКАЗЫВАЮТ...

Мировоззрение «всадничества» было основным элементом любой кочевнической культуры, элементом, который всех их объединял в своеобразную «культурную общность», раскинувшуюся по всей евразийской степи.

С. А. Плетнева

Предгорные районы Кавказа составляют естественное продолжение Волго-Донских степей евразийского континента. Процесс внедрения сюда древнейших курганов ученые отмечали уже давно (Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, Р. Ж. Бетров). Касаясь этого раздела наших экскурсий в глубь веков, мы затрагиваем очень интересную тему, которую можно было бы назвать: древние кочевники и Кавказ, степи и горы.

О первом столкновении степной и местно-кавказской культур говорит сам факт появления здесь курганных насыпей — существенно новых, прежде нехарактерных элементов в этнокультурном комплексе погребального обряда кавказских племен. Отсутствие курганного обряда в неолитическую эпоху на севере и юге Кавказа, а также в прилегающих к Кавказу с юга, юго-востока и юго-запада территориях является свидетельством нововведения курганов в традиционную культуру древних кавказских племен. Археологическая наука установила, что древнейшие курганы появляются на Северном Кавказе еще в эпоху раннемайкопского (если не сказать домайкопского) времени. По словам ведущих археологов, сама майкопская культура Северного Кавказа целиком связана своим появлением с курганным, т. е. степным погребальным обрядом и испытывала заметные степные воздействия, в том числе и в погребальном обряде. Поздний этап древнеямной курганной культуры смыкается с ранним этапом майкопской культуры (Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев).

Очень раннее соприкосновение древнеямных кочевых племен с Кавказом документируется достаточно четко. Приведем хотя бы несколько фактов:

1. Находки весьма архаичных, не свойственных неолитической и энеолитической керамике Северного Кавказа яйцевидных, шаро-

видных круглодонных сосудов древнеянного типа в курганах у станиц Кубанской, Казанской, Тифлисской, Усть-Лабинской.

2. Упомянутые 12 погребений из Нальчикского могильника с явным древнеянным погребальным обрядом и круглодонной чашечкой.

3. Курган у сел. Верхний Акбаш, в котором майкопское захоронение (№ 10) оказалось впускным в курганную насыпь, сооруженную над могилой древнеятника (погребение № 11). Это погребение датируется XXVII—XXVI веками до н. э. (Р. Ж. Бетров). т. е. оно намного древнее, чем ранние майкопские курганы, не уходящие глубже XXV века до н. э. (Р. М. Мунчаев).

4. Такая же картина наблюдается в Большом Кишпекском кургане, в котором майкопское захоронение (№ 3) было совершено на вершине кургана, возведенного над ямным захоронением № 8 (И. М. Мизиев).

Особенно активными становятся контакты степняков-кочевников с кавказцами в период существования майкопской культуры, прежде всего на ее развитом этапе, т. е. в XXV—XXIII веках до н. э. С этого времени уверенно можно говорить о двустороннем характере воздействия друг на друга степной и кавказской культур, о подлинном взаимодействии древнеянных племен со значительным культурным очагом Северного Кавказа. Кавказский металл именно в данный период начинает широко распространяться в Восточной Европе, и в этом решающую роль стали играть степные племена, связывавшие Кавказ с Восточно-Европейскими областями и Поволжьем. Основная роль в процессе взаимодействия степного и кавказского миров сохраняется за древнеянными племенами. Об этом хорошо говорят их культурные элементы, проникавшие на Кавказ. Так, например, в ряде погребений и в слоях майкопской культуры найдены типичные древнеянные сосуды, орудия, украшения (Н. Я. Мерперт). Более того, нередко под майкопскими погребениями, как в случае Верхне-Акбашского, Большого Кишпекского курганов, или в одних стратиграфических горизонтах с майкопскими захоронениями открыты древнеянные погребения.

Достижения советской археологии «позволяют говорить и о более сложных, глубоких, прежде всего о безусловно единых чертах в погребальном обряде древнеянных и майкопских племен: от положения погребенного и оформления могилы до самой курганной насыпи» (Н. Я. Мерперт, А. А. Формозов). Может быть, из этого исходила в свое время М. Гимбутас, когда говорила об этническом и культурном единстве степного и северокавказского населения эпохи энеолита. Другими словами, можно сказать, что древнеянные степные племена привнесли на Кавказ курганный обряд погребения и специфические образцы керамики, являющиеся этнокультурным «паспортом» древнейших овцеводов-кочевников IV—III тыс. до н. э.

Для того чтобы этот тезис стал более наглядным, стоит привести общие черты погребального обряда ранних «майкопцев» и «древнеятников»:

— просторные грунтовые ямы с округлыми углами, стены укреплены деревянными плахами, бревнами, дно устлано камышом, корой дерева, органической подстилкой (рогожей, циновкой, войлоком);

— сверху яма перекрывалась накатом из деревянных бревен, затем насыпался земляной курган;

— усопший покоился в скорченном положении на боку, либо на спине с подогнутыми ногами, ориентирован головой преимущественно на восток, северо-восток;

— кости погребенного и дно могилы обильно обсыпались красной охрой.

Но погребальный инвентарь майкопских захоронений имеет уже явно иной облик:

— красноглиняные, шаровидные и округлые сосуды из хорошо отмученного теста без примесей;

— массивные медные топоры, кинжалы, тесла, шилья;

— украшения из золота, серебра с инкрустацией, чаще всего переднеазиатского происхождения.

Все эти предметы ничего общего не имеют с бедным инвентарем древнеямников, проникавших на Кавказ на самых ранних этапах формирования майкопской культуры:

— грубые, лепные, остродонные, яйцевидные сосуды плохого теста и обжига;

— кремневые ножи и ножевидные пластины;

— поделки из кости — шилья, проколки;

— мелкий рубленый бисер из бесцветной пасты и пр.

Вот этот симбиоз ямно-майкопского погребального обряда с нехарактерным для ямников инвентарем развитого «майкопа» и необходимо всегда иметь в виду при этнокультурной интерпретации майкопских древностей Северного Кавказа.

Проникшие на Северный Кавказ древнейшие и очень бедные курганы ко времени самого Майкопского кургана, давшего культуре свое имя, превращаются в захоронения крупных патриархальных вождей, сосредоточивших в своих руках крупные стада и утопавших в роскоши заморских, переднеазиатских украшений из драгоценных металлов и камней. Ярчайшим примером сказанному служит Майкопский курган, раскопанный Н. И. Веселовским в 1867 году. Курган высотой 10,65 м находился на одной из улиц г. Майкопа, которая теперь носит название Курганной. В центре под насыпью кургана была открыта четырехугольная яма с закругленными углами. Стены ямы были укреплены деревом, по углам были врыты четыре деревянных столба, поддерживавших, вероятно, погребальное перекрытие — балдахин. Могильная яма перегородками из камыша или дерева разделена на северную и южную половины, а северная, в свою очередь, еще на две равные части. Таким образом, могила была трехкамерная.

В более обширной южной половине в позе спящего, скорченно на боку лежали останки мужчины, густо засыпанные красной охрой. На мужчине найдено было 68 золотых штампованных пласти-

нок, изображающих львов, 19 пластинок с изображениями быков и 38 массивных колец, 10 двойных пятилепестковых розеток. Здесь же лежала богатейшая низка бус из золота, серебра, сердолика, лазурита, морской пены и бирюзы. Уже эти находки бус свидетельствуют о южном привозе (лазурит из Бадахшана, бирюза — из Ирана, морская пена — из Малой Азии).

На голове погребенного была коническая тиара с золотыми обручами, украшенными цветками из золотых лепестков. И по рисунку, и по технике выполнения эти цветы совершенно аналогичны украшениям короны царицы Шубад и знатных женщин из могилы «74 скелетов» царского некрополя I династии Ура в Месопотамии (XXV век до н. э.). Перед погребенным, параллельно друг другу, лежали шесть серебряных стержней длиной по 1,03 м. На концы четырех из них насажены массивные статуэтки быков: два отлиты из серебра и два — из золота. Их стиль также ближе всего стоит к шумерским скульптурам середины III тыс. до н. э. Поразительно схож с этими скульптурами медный бык, найденный в одной из древнейших могил Аладжа Эйюка (Центральная Турция), датированной XXV—XXIV веками до н. э. Автор раскопок и позднейшие ученые полагают, что эти стержни поддерживали балдахин во время погребального шествия (Н. И. Веселовский, Р. М. Мунчаев).

Вдоль стен могилы были расставлены 17 сосудов: два золотых, один каменный, шаровидной формы с накладным горлом и крышкой из золота; 14 серебряных, в т. ч. один с золотыми ручками-ушками, а другой с золотым ободком у горловины.

На одной из серебряных ваз отчеканен прекрасный пейзаж, изображающий цепь Кавказских гор с двугорбыми вершинами Эльбруса и Казбека. С гор стекают две реки, вливающиеся в море. Ученые полагают, что эти реки можно сопоставить с двумя крупными реками Северного Кавказа, либо с крупнейшими реками Передней Азии — Тигром и Евфратом. Последнее более вероятно, потому что художник видел хребет с юга: двуглавая вершина Эльбруса изображена слева, а не справа, как она видится, если смотреть на горы с Северного Кавказа.

Обнаруженные в Майкопском кургане вещи говорят о том, что перед нами захоронение крупнейшего патриархального вождя племени, хорошо знакомого с достижениями переднеазиатской цивилизации. Зона контактов древнеямников с кавказскими племенами охватывает значительную территорию от калмыцких степей до Кубани и Терека, почти вплотную подходя к входам в глубокие горные ущелья. Чтобы в этом убедиться, достаточно перелистать несколько страниц истории, отраженной в новейшей археологической ситуации на Северном Кавказе вообще, и в Кабардино-Балкарии в частности.

Огромным степным плацдармом древнеямников для освоения Предкавказья являлись районы Кума-Манычского междуречья — степные просторы нынешней Калмыкии, имевшие более чем благоприятные условия для развития кочевого овцеводства.

Только в последние годы исследованиями И. И. Старостина, У. Э. Эрдниева, Е. В. Цуцкина, Е. В. Шнайдштейна на Маньчжоу изучено 556 ямных захоронений с ярко выраженными чертами культуры и в погребальном обряде, и в археологическом инвентаре. В этих захоронениях очень часто обнаруживаются остатки древнейших деревянных повозок со сплошными колесами. Вероятно, колесный транспорт в степях Калмыкии достаточно был освоен еще в III тыс. до н. э. Судя по найденным остаткам, колеса повозок изготовлялись либо из трех скрепленных штифтами брусьев, либо из цельных сплошных дисков, спиленных из больших бревен. По мнению лесоводов, повозки, найденные в Калмыкии, сделаны из бука, который произрастает вблизи только на Кавказе.

Ученые полагают, что с этого плацдарма «ямники» продвигались на территорию Среднего и Нижнего Прикубанья. По подсчетам В. А. Сафронова, только в Среднем и Нижнем Прикубанье на позднем этапе майкопской культуры (Новосвободненском этапе) более чем в 40 случаях обнаружены остатки повозок с древнейшими сплошными колесами. Вкупе с находками в Калмыкии, Дагестане, Грузии это число во много раз превосходит весь «мировой запас» подобных находок.

Древние кочевники активно продвигались и овладевали предгорьями Кавказа как в Прикубанье, так и на Центральном и северо-восточном Предкавказье. Это продвижение археологически документируется отмеченными погребениями из Нальчикского могильника, захоронениями в курганах у ст-цы Мекенской в Чечено-Ингушетии, а также упоминавшимися курганами у селений Кишпек и Верхний Акбаш.

В кургане у с. Верхний Акбаш было обнаружено 11 погребений. Основное из них, в честь которого был возведен первоначально курган, находилось в прямоугольной яме с округлыми углами. Погребенный лежал на спине с подогнутыми в коленях ногами и был ориентирован головой на восток, под останками прослежен тлен, возможно, от войлока. В могиле найдены медные полусферические бляшки, кремневый нож, полированный клиновидный каменный топор. Е. И. Крупнов отнес это погребение к энеолиту, а А. А. Формозов включил его в раннюю группу майкопских памятников. Р. М. Мунчаев же пишет по этому поводу следующее: «Нам, однако, думается, что, несмотря на безусловно ранний возраст погребения, относить его без всяких оговорок к майкопской культуре нельзя. Оно по ряду особенностей (как в обряде, так и в инвентаре) выпадает из общей группы всех известных майкопских захоронений». Вероятно, он прав, потому что единственным фактором, связывающим это захоронение с майкопской культурой, является сама курганная насыпь, привнесенная, кстати, в майкопскую культуру, как отмечалось, древнеямниками. Точку зрения Р. М. Мунчаева поддержал Р. Ж. Бетров, который более определенно вынес этот курган за пределы майкопской культуры и связал его с первым проникновением курганов на Северный Кавказ в XXVII—XXVI веках до н. э.

Характерный для древнеямников погребальный обряд многократно прослеживался в Прикубанье у ст-цы Усть-Джегутинской; не имеет аналогий в памятниках майкопской культуры и костяная булавка с расширяющимся, грибовидным навершием, найденная здесь же (А. Л. Нечитайло, Р. М. Мунчаев). У станиц Келермесской, Новолабинской, хут. Зубовского в курганах, не имевших даже признака ритуала «майкопцев», еще в 1899, 1904 годах были найдены типичные древнеямные предметы из бронзы, кости, керамики.

Не менее явно прослеживается археологический комплекс древнеямной культуры на Центральном Предкавказье. Верхне-Акбашское захоронение здесь далеко не единственное. Раскопки последних лет в бассейне рек Баксана и Чегема значительно дополнили этот список. Здесь в 1972—1976 годах выявлены 8 комплексов, неоспоримо связанных со степняками-кочевниками. Эти комплексы обнаружены в курганах у селений Чегем I, Кишпек, Кызбурун III, Лячинкая, Быллым (И. М. Мизиев, И. М. Чеченов, Р. Ж. Бетров, В. М. Батчаев). Захоронение у с. Быллым, в местности «Шилтрак», особенно ценно, потому что оно является, пожалуй, самым высокогорным захоронением степняка-кочевника — на подступах к перевалу Донгуз-орун.

Таким образом, новейшие исследования выделяют ряд древнеямных комплексов, сочетающих и погребальный обряд, и характерный археологический инвентарь. Вместе с 12 захоронениями Нальчикского могильника они отражают довольно ощутимое внедрение древних кочевников на Центральное Предкавказье, вплоть до самых высокогорьев Баксанского ущелья.

Кроме уже сказанного, в результате раскопок 1972—1976 годов в Кабардино-Балкарии в разных курганах, в различных погребениях III тыс. до н. э. выявлено достаточное количество отдельных проявлений степной древнеямной культуры, иногда в виде некоторых элементов погребального обряда, иногда в виде специфических предметов степного происхождения. Чтобы раскрыть этот тезис, достаточно отметить такие предметы, как:

— уникальные каменные полированные «клювовидные» топоры-молотки (кург. № 5, погр. 2 у с. Чегем I; кург. № 27 у с. Чегем II). Аналогии этим оригинальным предметам имеются только в захоронениях древних ямников у хут. Степана Разина в Нижнем Поволжье. Молоткообразные предметы из рогов оленя (кург. № 27 у с. Чегем II);

— круглые в сечении костяные шилья с уступом для черенка (кург. № 31 у с. Чегем I);

— большая ножевидная кремневая пластина (кург. № 31 у с. Чегем II);

— бронзовый черенковый наконечник стрелы ромбовидной формы (кург. № 2 у с. Кишпек);

— наличие костей мелкого скота (овцы), скопление астрагалов и пр.

Исследователи отмечают, что все эти предметы не находят

аналогий в майкопских памятниках и связаны с ямной культурой Нижне-Волжского района и Приманычья (Р. Ж. Бетров, В. М. Батчаев).

Специалисты по бронзовому веку считают: «Установлено, что отличительной особенностью ранней группы майкопских курганов является отсутствие камней в их насыпи и сооружение в материковом слое больших прямоугольных ям, ориентированных по линии В—З, а также частая засыпка их красной охрой». К этому следует добавить, что к таким отличительным особенностям относятся и деревянные накаты, перекрывающие могилы, облицовка их стен деревянными плахами, наличие подстилки из камыша, рогожи, войлока.

На северо-восточном Предкавказье захоронения древнейших кочевников известны с конца 50-х годов в курганах у селений Бамут, Новый Аршти и у ст-цы Мекенской, которые, по словам Р. М. Мунчаева, совершенно не характерны для неолитических местных погребений региона и находят прямые аналогии с ямными погребениями Нальчикского могильника.

КУРГАНЫ у ст-цы Мекенской, Наурского района, Чечено-Ингушской АССР, были исследованы в 1956 и 1959 годах Е. И. Крупновым и Н. Я. Мерпертом. Было раскопано 48 погребений в курганах, из которых основными были: погр. 5 кургана № 1, погр. 4 кургана № 2, погр. 16 кургана № 4, погр. 9 кургана № 6. Исследователи писали, что «особенностью мекенской группы является восточная ориентировка погребенных в отличие от южной ориентировки основной группы майкопских курганов». Керамический материал говорит о сочетании здесь образцов северного и южного происхождений. Так, например, маленькие тонкостенные сосуды с чернолощенной поверхностью (кург. № 4, погр. 16) хотя и близки к керамике из майкопской культуры по своим формам, но прямых аналогий не обнаруживают в ней. Зато они почти тождественны сосудам первой половины III тыс. до н. э. из Закавказья. А грубый круглодонный сосуд из погребения 11 кургана № 6 «резко отличается от кавказской керамики эпохи энеолита и ранней бронзы. Этот сосуд с короткой цилиндрической шейкой несомненно связан с древнейшей керамикой. Прямые аналогии ему можно видеть среди различных групп памятников древнейшей культуры как в курганах на Волге, Северском Донце, Молочной, Днепре, так и в культурных слоях поселений, относящихся к первой половине III тыс. до н. э.»

Стратиграфические данные кургана № 6 мекенской группы доказывают синхронность определенного этапа ямной культуры с майкопской.

Таким образом, по нашим подсчетам, на Северном Кавказе, на пространстве между станицами Мекенской и Усть-Джегутинской к культуре древнейших кочевников относятся 33 непо потревоженных комплекса. Любопытно сравнить, что этих памятников в 2,5 раза больше, чем известных погребений первого этапа среднеднепровской культуры, почти столько же, сколько погребений второго эта-

па той же культуры, в 1,5 раза больше, чем памятников раннего этапа кобанской культуры Центрального Кавказа, в 11 раз больше, чем известных катакомбных захоронений эпохи бронзы на территории Кабардино-Балкарии. Следовательно, говорить о значительном внедрении степных племен в кавказскую среду еще в домайкопское время более чем резонно.

Завершая экскурс о ямно-майкопском симбиозе и кавказско-степном синкретизме культуры периода ранней бронзы, необходимо напомнить, что майкопская культура не имеет местнокавказских истоков ни в погребальном обряде, прямо восходящем к древнейшей культуре, ни в материальной культуре, преимущественно связанной с цивилизациями Южного Кавказа, а через них с Передней Азией, особенно с месопотамскими городами.

В связи с этим уместно привести справедливые слова М. В. Андреевой, которая пишет, что до сих пор не выяснен вопрос о предшественниках «майкопцев» на Северном Кавказе, так как «нет оснований считать, что эта культура существовала на Северном Кавказе в течение тысячелетий». Исследовательница права потому, что майкопская культура появляется здесь практически неожиданно в XXV веке до н. э. и существует до XXIII—XXII веков до н. э. — до так называемого новосвободненского этапа своего развития, который некоторые исследователи считают уже новой культурой. Даже если считать, по-прежнему, новосвободненскую культуру определенным этапом майкопской, то и тогда майкопская культура существует лишь до XVII века до н. э., то есть до начала уже новой северокавказской культуры развитой бронзы Северного Кавказа. Таким образом, в любом случае время существования майкопской культуры определяется не более чем восемью веками (XXV—XVII века). К сказанному следует добавить, что курганному обряду и культуре нет истоков ни на Южном Кавказе, ни в Передней Азии, ни в европейском Причерноморье, ни в Центральной Азии или Иранском нагорье. К сожалению, этот феномен не только не изучен, но, по существу, даже не поставлен в науку в широком историко-культурном и этно-географическом планах.

Теперь обратимся к вопросу о том, как древнейшие курганы проникали в Закавказье и Переднюю Азию с территории северокавказских предгорий. Но прежде отметим несостоятельность попытки обосновать обратный скачок высокоразвитых земледельцев Передней Азии в первобытную «невинность» и превращение их в кочевников (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов). Есть много примеров превращения кочевников в оседлое и полuosедлое население, а вот обратное развитие — явление достаточно феноменальное, вряд ли это можно исторически обосновать.

ДРЕВНЕЙШИЕ КОЧЕВНИКИ НА ПУТИ В ЗАКАВКАЗЬЕ И ПЕРЕДНЮЮ АЗИЮ

Ни в инвентаре своем, ни в погребальном обряде ни Кюль-тепе, ни последующая куро-аракская культура никаких связей с культурой древнеямыных племен не имеют.

Н. Я. Мерперт

На этом пути первое место занимают древние курганы Краснодарского края и Приморского Дагестана:

КУРГАН у ст-цы Ново-Тигаревской. Особый интерес представляет основное погребение № 12 одного из курганов высотой 8 м, диаметром — 90 м. Оно было совершено «в большой прямоугольной яме, перекрытой большим овальным покрывалом из кожи или войлока». Поверх нее, плотно примыкая друг к другу, лежали не менее 30 тонких деревянных планок. В. И. Козенкова предполагает, что планки и покрывало являлись каким-то надмогильным сооружением-перекрытием, опиравшимся на деревянные колья. По словам исследователя, дно погребальной ямы было покрыто войлоком коричневого цвета, на котором прослеживался орнамент из арко-красных полос и спиралей.

В могиле были обнаружены четыре колеса от деревянной повозки. «Дно повозки,— пишет В. И. Козенкова,— представляет прямоугольную раму, связанную из четырех тонких досок. Колеса состоят из четырех отдельных кусков каждое и имели односторонние выпуклые ступицы. Диаметр колеса — 72 см». Вторая повозка была найдена в другом погребении того же кургана. Вокруг ямы и здесь выявлены темные отпечатки покрова. Поверх ямы поперек были положены пять деревянных досок, плотно пригнанных одна к другой и орнаментированные резными кругами.

Несмотря на массивные повозки, инвентарь погребений отличается крайней бедностью, в основном это были скопления астрагалов, кости челюсти и конечностей жертвенной овцы. Как отмечалось, эти детали обряда совершенно чужды раннемайкопским погребениям. Ново-титареvские курганы датируются последними веками III — нач. II тыс. до н. э.

Для выяснения путей продвижения «курганников» на юг Кавказа большого внимания заслуживают **КУРГАНЫ у с. Утамыш**, Каякентского района, Дагестанской АССР. Как пишут В. Г. Ко-

тович, В. М. Котович, С. М. Магомедов, «сосредоточенные в основном на узкой подоше приморской равнины и прилегающем к ней предгорье, они свидетельствуют о многократно имевших место проникновениях сюда в разные периоды древности и средневековья более или менее значительных групп иноэтнического степного населения». Сочетание здесь курганов ранней бронзы и гуннского времени говорит о том, что районы эти издавна служили дорогой степняков на юг Кавказа.

В разрушенном кургане в урочище Токачи, к северо-востоку от с. Утамыш, механизаторы совхоза «Утамышский» обнаружили погребальное сооружение, перекрытое двумя накатами крупных бревен. Под ним в сильно деформированном срубе находилась четырехколесная повозка с помещенным на ней массивным саркофагом, изготовленным из двух половинок толстого (до 1 м) ствола, распиленного вдоль. Колеса повозки были составлены из трех массивных брусьев, соединенных внутренними шипами.

В одном из курганов (высота 1 м, диаметр 18 м) исследователи раскопали подпрямоугольную погребальную яму с закругленными углами. В ней находился сруб из крупных дубовых плах. Вдоль южной стены сруба стояла повозка, а на ней погребальный саркофаг, состоящий из двух выдолбленных половинок чрезвычайно толстого бревна, диаметром не менее 1,2 м. Каждое колесо повозки изготовлено из трех плоских брусьев, соединенных внутренними шипами. В другом кургане такая же просторная погребальная яма была перекрыта девятью плотно подогнанными одна к другой плахами. Под перекрытием находился деревянный сруб, в центре которого находился аналогичный погребальный саркофаг.

Среди археологического инвентаря следует отметить серебряные и золотые подвески, бронзовые ножи-клинки, браслеты, бусы из горного хрусталя, сероглиняный, плохо обожженный сосуд яйцевидной формы.

Авторы раскопок датируют эти погребения концом III — нач. II тыс. до н. э. и сближают погребальный обряд с ранними курганами майкопской культуры, в которых особенно четко прослеживается влияние древнейшей культуры древних кочевников.

Таким образом, еще во времена Нальчикского могильника древние степные племена стали проникать на Северный Кавказ, принесли сюда прежде не характерный курганный погребальный обряд. Важно, что этот обряд повсюду сопровождается и специфическими предметами материальной культуры степных племен: яйцевидной формы круглодонными сосудами, бронзовыми листовидными ножами-клинками, костяными проколками, булавками, иглами. Отдельные археологические предметы быта, украшения, оружие и пр., не подкрепленные стойкими признаками погребального обряда, еще не могут непременно говорить об этнических перемещениях. А вот в сочетании с обрядом погребения эти вещи говорят о подобных перемещениях достаточно аргументированно. И в этой связи весьма уместно вспомнить утверждение Р. М. Мунчаева о том, что

керамика майкопской культуры не находит никаких аналогий в куро-аракской культуре древних кавказских племен.

Достаточно хорошо изученная майкопская культура и многочисленные «импортные» вещи переднеазиатского происхождения в захоронениях этой культуры говорят лишь о тесных культурно-экономических связях «майкопцев» с Передней Азией и южным Кавказом, при полном сохранении всего комплекса погребального обряда «ямников», совершенно чуждого указанным регионам.

Прочно овладев Северным Кавказом в центре и на окраинах, носители курганной культуры проникли и на южный Кавказ.

КУРГАНЫ южного Кавказа. Ранние курганы на южном Кавказе известны во многих районах и относятся к различным эпохам, но самые древние из них раскопаны в урочище Уч-тепе (Три холма), что находится в Мильской степи в 4—6 км к югу от реки Каркарчай в Азербайджане. Известный советский археолог А. А. Иессен, раскопавший один из трех уч-тепинских курганов, отнес его к концу или ко второй половине III тыс. до н. э. А К. Х. Кушнарера, определяя место и этнокультурную атрибуцию этих курганов, писала: «В конце III тыс. до н. э. в Закавказье «внезапно» появляются крупные курганы со сложными конструкциями внутри, предназначенные для погребения одного лица и отражающие какие-то новые веяния в социальной жизни древнего общества. Мы говорим «внезапно»,— продолжает она,— сопоставляя их с известными могилами предшествующего периода, лепящимися тут же, среди жилых построек. Камень или черепок под голову, а в лучшем случае низка бус, грубый горшок или примитивный обсидиановый нож, сопровождавший усопших в V—IV тыс. до н. э.» — вот и весь археологический инвентарь древних погребений Закавказья до проникновения сюда курганной культуры.

По описаниям А. А. Иессена, в Уч-тепе на месте предстоящего захоронения прежде всего была выровнена площадка, на которой затем вырыли огромную яму (14×2,6 м). Эту яму перекрыли двумя накатами крупных бревен (80—100 штук, длиной 7,5—8 м, диаметром 50—70 см). Бревна были уложены вперемежку с камышовым настилом. На бревенчатом накате в ходе раскопок были обнаружены фрагменты керамики, которым, по словам А. А. Иессена и Р. М. Мунчаева, в закавказской керамике аналогий нет.

Поверх бревен был насыпан каменный курган в объеме 700 кубометров с «широким использованием камыша»,— как пишет Иессен. Затем уже была возведена земляная насыпь, которая неоднократно наращивалась в процессе позднейших впускных захоронений.

«В 30-х годах VII века,— пишет Кушнарера,— первоначальное захоронение со всем реквизитом было вынесено через специальную штольню, а на его месте оказался похороненный хазарский воин».

Интересно отметить, что первоначальная насыпь кургана, включая каменную, составляла 6500 кубометров, вторичная — еще 1700 и в третий раз было насыпано столько же. Таким образом,

только для возведения кургана потребовалось 16,4 тыс. кубометров земли и камня, что ярко характеризует тот социальный аспект курганов майкопского времени, о котором мы упоминали.

В историко-культурном осмыслении уч-тепинских курганов безусловно прав Р. М. Мунчаев, который не внес их в круг памятников куро-аракской культуры кавказских племен, так как курганная культура, впервые отраженная в Закавказье в Уч-тепе, для этих районов явление новое, не имеющее местных истоков, проникшее сюда с Северного Кавказа.

Аналогичные Уч-тепе курганы обследованы и на высокогорном плато Тетрицкаро у с. Бедени в Грузии. В этих курганах в огромную грунтовую яму, объемом 343 м³ были впущены деревянные срубы. Погребенный в одном из курганов лежал на разукрашенных золотом носилках, покоящихся на четырехколесной повозке. Г. Ф. Гобеджишвили, открывший и изучивший курганы, пишет, что погребальные ямы облицованы и перекрыты бревнами. Пол срубов был устлан циновками и войлоком. Исследователь отнес эти памятники ко второй половине III — началу II тыс. до н. э. и одновременно отмечает, что в погребальном инвентаре обнаруживается переднеазиатский характер, а в обряде, орнаментальных узорах и в отдельных вещах явно видна связь с майкопской культурой. Он справедливо полагает, что курганы продвигаются в Закавказье с севера.

В беденских погребениях обнаружены фрагменты деревянной мебели, деревянной посуды — плоские блюда, подносы. Носилки и повозки были украшены (увешаны) войлочными коврами, шкурами животных. Рядом с одним из женских погребений, сопровождавших мужчин, лежало одно из древнейших женских орудий труда — веретено. Г. Ф. Гобеджишвили и К. Х. Кушнарера отмечают, что «обряд погребения у этого племени был совершенно иным, чем у племен мильской степи».

Однако со времен Уч-тепе и Бедени курганный обряд отныне надолго сохраняется в Закавказье и получает блестящее продолжение в знаменитых курганах II тыс. до н. э. на плато Триалети, Зуртакети, Лчашени и др. Только в этих курганах вместо огромных, просторных грунтовых ям со срубами третьего тысячелетия постепенно появляются каменные залы с коридорами, а позднее вместо них приходят относительно небольшие каменные ящики, то есть происходит постепенное перерождение курганного погребального обряда, от которого остается всего лишь насыпь, но уже с совершенно иным этнокультурным содержанием.

Исследования установили, что курганы проникают в Закавказье на финальном этапе развития куро-аракской культуры (2500—2000 годы до н. э.). Поскольку каменные курганчики непосредственно над погребальной ямой характерны только для новосвободненского этапа майкопской культуры, т. е. 2300—2100 годы до н. э., то Уч-тепе с его 700-кубометровым каменным набросом над могилой явно синхронно этому этапу майкопской культуры. Именно на этом этапе культура начинает распространяться на восток, вплоть

до Дагестана, районов Нальчика. Вероятно, в эти же века курганная культура переваливает через хребет.

В связи с этим интересно обратить внимание читателя на одно обстоятельство. Дело в том, что в XXIII веке до н. э. целый ряд ведущих куро-аракских поселений (Амиранис-гора, Хизанаат-гора, Бешташени, Квацхелеби, Караз, Ахалцихское, Ахалкалакское, Коруку-тепе) постигает грандиозная катастрофа, жизнь на них прекращается внезапно, но спустя некоторое время вновь они возрождаются. Исследователи устанавливают, что катастрофа настигает эти поселения в конце XXIII — начале XXII века до н. э. Но любопытно, что в верхних, вновь возникших слоях в глаза бросается резкое возрастание костей мелкого рогатого скота (овец) и лошадей, чего не было прежде. В алазано-беденских курганах появляются мощные деревянные конструкции и повозки, «что совершенно не характерно для памятников куро-аракской культуры и не вяжется с оседло-земледельческим характером хозяйственного уклада». В поздних слоях куро-аракских поселений Грузии исчезают роговидные очажные подставки — атрибут культа быка: глиняные фигурки быков заменяются фигурками овец и собак, происходит значительное скопление различных антропологических типов (В. Л. Ростунов). Устанавливается, что богатый инвентарь в курганах, повозки и кости лошадей, обилие украшений и оружия скорее всего свидетельствуют о новом этнокультурном клине кочевых племен в среде древнейших оседлых земледельцев.

Курганный обряд, войлок, срубы, кости овец и лошадей, не имеющие истоков в древнейших земледельческих культурах на юге и юго-западе от Кавказа, позволяют предполагать участие в упомянутой катастрофе куро-аракских поселений племен, носителей курганной культуры, нахлынувших в Закавказье с Северного Кавказа именно в тот период.

Незадолго до III тыс. до н. э. курганная культура проникает через Закавказье в Восточную Анатолию. По мнению М. М. Уинн, III Бекенаи и др., в районах Коруку-тепе, Норсун-тепе, Тепесик появляется «культура чужеродного облика, не местного характера». Она не имеет местных истоков, не фиксируется в прежних анатолийских памятниках и свидетельствует об инфильтрации нового населения в эти районы в конце энеолитического периода.

Продвижение «курганников» в Восточную Анатолию и Переднюю Азию, вероятно, вызвали соответствующие этнокультурные изменения в данном регионе. Об этом говорят не только отмеченные новации в самой Анатолии. Об этом свидетельствуют результаты многолетних раскопок Леонарда Вулли в долине Амук на северо-западе Сирии, у подножий гор Аманус и сопредельной тверской провинции Хатай. По его наблюдениям, черная, груболепная и неорнаментированная керамика в этот период появляется на поселениях северо-запада Сирии, а на юге Сирии и в Палестине ее нет. Этот факт приводит Вулли к выводу о том, что «самые ранние поселения пришли на равнину Амук и к подножию Аманус с севера, возможно, с нагорий Анатолии; они явно отличаются по

происхождению и культурным традициям от своих южных соседей. Вся история этого района свидетельствует, — пишет он, — что развитие культуры шло здесь под влиянием севера». В племенах, нахлынувших с севера в долину Амука в конце IV тыс. до н. э., Вулли видит представителей племен, продвинувшихся в Анатолию из южного Кавказа, а оттуда массой переселившихся в долину Амука. Причину того, почему эти племена массой хлынули в долину Амука — на чужбину вместе с гончарами, детьми, женами, т. е. большой миграционной волной, а не отдельной военной дружиной, автор конкретно не объясняет. Он предполагает голод, засуху, вторжение более сильных племен. Мы склонны предположить тесную связь указанных событий с внезапным вторжением племен древнеямной, курганной культуры на южный Кавказ, а оттуда в Восточную Анатолию, что вызвало передвижение местных племен далее на юг — в Сирию, в долину Амука. Та же, примерно, картина происходит и в Месопотамии. Там период Урук (3400—3100 годы до н. э.) был временем бурного развития и процветания, а следующий период Джемдет-Наср (3100—2900 годы до н. э.) становится более скучным в области искусства, лишен творческого порыва, и «население в этот период, безусловно, составляли пришельцы, теми или иными способами подчинившие страну и по крайней мере поначалу не усвоившие более высокую культуру коренных жителей... Со временем они достигли определенного развития и, возможно, подготовили почву для замечательных достижений шумеров раннединастического периода» — 2900—2350 годы до н. э. (Л. Вулли). Любопытно подметить, что этот период упадка примерно совпадает с экспансией «курганников» в южном направлении.

Итак, дорогой читатель, мы прошли по древним маршрутам движения курганов с первоначальной территории их зарождения на Кавказ и далее в Переднюю Азию. Но наши знания о древнейших племенах, создавших курганный обряд, будут односторонними, если мы не будем учитывать и другие маршруты движения «курганников», веерообразно расселявшихся с Волго-Уральского междуречья в различных направлениях: на Алтай и в Минусинскую котловину, в Среднюю Азию и на юг Туркмении, вверх по Волге и в Приднепровье. Во всех этих направлениях древнейшие «курганники» — степняки-кочевники сталкивались с различными племенами и культурами, вступали с ними в разносторонние контакты.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ КУРГАНЫ

Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болото, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность.

Н. Г. Чернышевский

Кажется, Туру Хейердалу принадлежит мысль о том, что представители смежных отраслей науки, каждый в отдельности, углубляются в недра своей области и выдают оттуда «на гора» бесценные факты. А исследователю, пользующемуся этим материалом, вовсе не обязательно каждый раз вновь опускаться в эти шахты. Вполне достаточно собрать и систематизировать уже признанные в науке положения и приложить их к разрабатываемой проблеме. По этому принципу собранный и систематизированный материал наших экскурсов позволяет сделать важные наблюдения, группирующиеся по ряду аспектов.

Археологический аспект:

1. Об этнических перемещениях на основании археологического материала можно говорить лишь при неразрывном сочетании триединого комплекса: погребального обряда, типического археологического инвентаря, характерных культовых, ритуальных предметов. Судить о подобных перемещениях только по отдельным предметам быта и культуры рискованно.

2. Возникновение нового производящего хозяйства — кочевого скотоводства (прежде всего овцеводства) обусловило появление над могилой курганной насыпи, чтобы не затерялось в степях место погребения сородичей при частой смене кочевнических стоянок. В появлении подобных насыпей в древних оседло-земледельческих обществах не было необходимости, так как умерших здесь хоронили в самих жилищах, на многовековых поселениях. Курганы появились в степи и являются ее этнокультурным паспортом на протяжении многих тысячелетий.

Дошедшие до нас древнейшие курганы, едва достигавшие в высоту 40—60—70—100 см, содержат очень скудный, бедный инвентарь. Этот факт не позволяет связывать первое появление курганов с причинами социального расслоения общества, выделения из общей массы бедных или богатых.

3. На крайнем востоке евразийских степей происходит смешение древних культур курганников-европеоидов и неолитических племен Забайкалья и Саяно-Алтайского нагорья, имевших в своем облике монголоидные черты. Процесс синкретизма и интеграции названных племен протекал на протяжении многих веков. Поэтому еще в карасукских и пазырыкских погребениях I тыс. до н. э. встречаются европеоидные типы. Устоявшийся, но ничем не обоснованный стереотип представлений о тюркоязычных племенах Средней Азии как об извечных монголоидах давно себя не оправдывает.

4. В Южной Туркмении и северных предгорьях Капу-Дага (Копет-Дага) степная культура сталкивается с древним земледельческим миром. Скрещение этих культур вызывает особый интерес в истории древнего Востока. Антропологи прочно обосновали положение о том, что демаркационная линия между северными и южными представителями европеоидных типов на территории Средней Азии в эпоху неолита и доземледельческого хозяйства проходила намного южнее, чем в эпоху энеолита и бронзы, когда эта линия продвинулась на юг Туркмении (В. П. Алексеев).

В конце V—III тыс. до н. э. воздействие южного очага цивилизации на материальную культуру населения Южного Приаралья в определенной степени проявилось в типах керамики, орнаментальных узорах, окраске поверхности в кельтеминарских комплексах.

«Южные черты в керамике кельтеминара связаны,— пишет М. А. Итина,— не с прямым, а опосредствованным воздействием. Достаточно сказать, что предметов южного происхождения здесь не найдено». Свидетельством существования прочных контактов с севером служит могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении, краниологический материал из которого связан с памятниками Куйбышевского Заволжья и Восточного Прикаспия. Сочетание северного (кочевого) и южного (земледельческого) культурных течений во II—I тыс. до н. э. дает в Южном Приаралье тазабагыбскую культуру пастухов-овцеводов и земледельцев (М. А. Итина).

5. Раскопанные на р. Сумбар у пос. Кара-кала в Южной Туркмении 200 бескурганных катакомб IV—II тыс. до н. э. приводят исследователей к выводу, что «теперь вопрос о путях проникновения индоариев и иранских племен на территорию Ирана и Средней Азии можно считать решенным: в погребальных камерах середины IV тыс. до н. э. найдены красноангобированные расписные, светлоангобированные нерасписные и сероглиняные сосуды одной формы, что свидетельствует о сугубо местном происхождении серой керамики (с которой обычно связывают движение индоариев. — И. М.). Если эта серия керамики впоследствии и распространялась по значительной территории Среднего Востока, то ее исходным пунктом следует считать район Юго-Восточного Закаспия» (Н. И. Хлопин).

6. Открытие сумбарской культуры вновь поставило вопрос о происхождении катакомбной культуры. «Анализ всей совокупности фактов,— пишет И. Н. Хлопин,—показал, что катакомбы в эти места не привнесены извне, а все этапы ее формирования представлены на месте, начиная с самых древних периодов. Более того, в долине Сумбара есть весь эволюционный ряд данного погребального сооружения вплоть до современности». Таким образом, бытование катакомб с IV тыс. до н. э. и до наших дней в долине Сумбара и у современных таджиков доказывает принадлежность катакомб ираноязычным племенам и заставляет «радикально пересмотреть многие вопросы хронологии, генезиса, взаимосвязей и др., касающиеся не только культур Средней Азии, но и Ирана, а может быть, и Закавказья»,—продолжал И. Н. Хлопин. Здесь можно добавить, что этот вопрос столь же важен и для истории северокавказских племен. Исследователь сумбарской культуры убежден в том, что «могильники среднего течения Сумбара представляют собой отдельную культуру, в определенной степени родственную однотипным культурам Северного Ирана и входящую с ними в одну культурно-историческую провинцию, которая спустя несколько веков стала местом формирования мидийско-иранского этнического объединения». По справедливому мнению Н. Л. Сухачева, катакомбы Сумбара играют огромную роль в вопросах происхождения катакомбной культуры юга СССР, «поскольку катакомбы связаны с поисками прародины индоевропейцам, которым эта культура приписывается».

7. В этот сложный узел вплетается и проблема проникновения на Северный Кавказ средневековых катакомб ираноязычного населения региона. Если проникновение катакомб II тыс. до н. э. в этот край из Поднепровья доказано, то пути средневековых катакомб в Предкавказье не исследованы.

Одно можно констатировать определенно: продвижение средневековых катакомб на Северный Кавказ с востока, из-за Каспия, археологически не документируется. В этом вопросе, кажется, по верному пути идет М. П. Абрамова, нащупывающая связь между древними и средневековыми катакомбами Северного Кавказа посредством памятников IV—III веков до н. э. Крыма и Таманского полуострова. Заслуживает внимания вновь повторенное ею утверждение, что «рассматривать предкавказские катакомбные могильники как памятники ираноязычных сармато-алан у нас нет оснований», так как они не находят аналогий «среди погребальных памятников сарматов». Исследовательница, вероятно, имеет в виду так называемую прохоровскую сарматскую культуру нижнего Заволжья. Неудачная ссылка В. А. Кузнецова на Ю. В. Готье, будто бы доказавшего принадлежность средневековых катакомб аланам, не подкрепляется исследованиями сарматологов. Следовательно, мнения Ю. В. Готье и В. А. Кузнецова надо считать уже устаревшими. Впрочем, точка зрения В. А. Кузнецова с самого начала была построена на искажении мыслей Готье. Последний доказывал лишь сходство катакомб на харьковщине (Верхнее Сал

тово) и в Северной Осетии, но не принадлежность катакомб аланам, как это воспринял В. А. Кузнецов. Вот слова Ю. В. Готье, на которые ссылается автор: «Все, что я хочу сказать, это то, что в IV—V вв. на всем юге России от Оренбургской и Черниговской губерний и Изюмского уезда Харьковской губернии, и от Северного Кавказа до Курской губернии господствовала единая культура, которую Ростовцев и другие исследователи называют Сарматской, а сарматы в лице алан существовали на Северном Кавказе до XIV века... **Сходство культуры Верхнего Салтова** и сходных с салтовскими могильниками городищ по среднему Дону и Донцу с такими могильниками Осетии **можно считать доказанным**». Вот эти слова оказались достаточными для В. А. Кузнецова, чтобы заявить: «Принадлежность катакомбных могильников эпохи раннего средневековья потомкам ираноязычных сарматов — аланам доказана». Однако теперь становится очевидным, что подобная уверенность была преждевременна и не находит подтверждений в новейших исследованиях сарматологов.

Изучение археолого-этнографических и письменных источников приводит к определенному выводу: катакомбы, древние и средневековые, принадлежали индо-иранским племенам, но назывались ли последние аланами — весьма и весьма сомнительно хотя бы потому, что среди массы первоисточников об аланах нет ни единого упоминания об их ираноязычии.

8. Южные районы Туркмении и горные проходы хребта Капу-Даг (букв.: «Воротные горы») извечно служили той воронкой, по которой на север и на юг взаимопроникали носители двух различных культур: кочевников-северян и земледельцев-южан. Именно этот проход, по словам греков, закрыл Александр Македонский железными оковами. Возможно, те же проходы в Гиссарском ущелье назывались в Орхоно-Енисейских надписях VII—VIII веков «Железными воротами» — Темир-капу (И. В. Стеблева). О смешанности языков и народов именно в этой зоне стыка двух различных культур говорят античные авторы Эратосфен, Страбон, Арриан. А Юстин, например, прямо писал о скифских изгнанниках-парфянах: «...язык у них средний между Скифским и мидийским, помесь того и другого» (В. В. Латышев). То же самое, как мы уже знаем, о языке аланов и асов, переселившихся сюда с севера, говорил выдающийся энциклопедист Востока Аль-Бируни. Возникновение «Железных ворот» — явный памятник извечной борьбы Ирана и Турана. Любопытно, что напротив тех — восточных, на западном берегу Каспия, сасаниды построили такие же ворота у Дербента.

9. На Средней Волге носители курганной культуры вступают в контакт с угро-финнами, на западе — в Приднепровье с поздними трипольцами. На кавказском направлении они оставили свой отчетливый след еще в Нальчикском могильнике.

Археологи-кавказоведы постоянно пользуются терминами: «степное влияние», «степные элементы», «предметы степного типа» и т. п. Этими терминами изобилуют почти все работы, касаю-

ищеся майкопской, северокавказской, прикубанской, кобанской, каякенто-хорочоевской культур Северного Кавказа III—I тыс. до н. э. К сожалению, никто из авторов не раскрывает подлинного лица этих аморфных «степняков». А ведь для «майкопцев» — это были ямники, для северокавказской, прикубанской культур — это были катакомбники и срубники, для позднекобанской культуры — скифы.

Вместе с ямниками на Северный Кавказ впервые приходят курганы и характерный погребальный обряд под курганной насыпью. На базе симбиоза и синкретизма культуры северокавказских автохтонных племен и степняков-древнеямников сложилась знаменитая майкопская культура середины III тыс. до н. э. По словам Н. Я. Мерперта, эта культура испытывала заметные степные воздействия, в том числе в погребальном обряде. Но автор тут же замечает, что в материальной культуре майкопская очень отличается от древнеямной культуры.

На ранних этапах формирования майкопской культуры еще сохранялись степные традиции: могильная яма облицовывалась деревом, дно устилалось корой, чистой желтой глиной, камышом; умерших сопровождали прежде не характерные для туземного населения кости конечностей, лопаток, астрагалов-альчиков овец и пр. (Р. Ж. Бетров, А. Х. Нагоев, В. М. Батчаев). Позднее все более проявляются кавказские черты: каменные наброски над могильной ямой, галечная вымостка дна могил и др. (Р. М. Мунчаев). Меняется и хозяйственный облик племен. Вот что пишет по этому поводу Н. Я. Мерперт: «Что касается характера скотоводства стационарных майкопских поселений (типа Мешоко) с характерным для него преобладанием свиней в стаде, то и он заметно отличается от древнеямного... Если в наиболее ранних слоях майкопских поселений кости мелкого рогатого скота составляют лишь 18% (при 50% свиньи), то позднее — под явным воздействием самих степных племен — число их возрастает до 48%».

10. С Северного Кавказа курганы проникают на южный Кавказ (Уч-тепе, Бедени, Лчашени и др.) и далее в Переднюю Азию и Восточную Анатолию, где в курганах впервые появляются кости домашней лошади и характерный древнеямный погребальный обряд (Корук-тепе, Норсун-тепе, Тепесик). Древнейшие курганники растворились в земледельческой среде, и в позднейших курганах Закавказья от их первоначального этнокультурного содержания почти ничего не сохранилось, кроме утилитарной насыпи самого кургана. Слияние кочевнической и земледельческих культур представляет первую интеграцию земледельцев и кочевников на далеком юге. В таких случаях, как говорил Ибн-аль-Асир, «земля берет верх» и кочевники превращаются в оседлых и полuosедлых земледельцев и скотоводов.

11. Территориально локальные варианты древнеямной культуры почти полностью совпадают с территорией локальных вариантов салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата и половецкой культуры Восточно-Европейских степей:

Древнеямн.	Хазарск.	Половецк.
Волжско-Уральский	Средневожский	Поволжский
Предкавказский	Дагестанский	Предкавказский
Приазовский	Приазовский	Приазовский
Крымский	Крымский	Крымский
Донской	Нижнедонской	Нижнедонской
Северско-донецкий	Верхнедонской	Донецкий
Северо-западный	Дунайский	Приднепровский
Юго-западный	— — — — —	Лукоморский
Нижнеднепровский	— — — — —	— — — — —

Как видно, степные просторы Восточной Европы с конца IV тыс. до н. э. по XI—XII века н. э. занимали племена примерно с одинаковым хозяйственно-экономическим укладом, сформировавшие стойкое кочевое общество, удачно и прочно приспособленное к степному ландшафту. В связи с этим выводом очень уместно вспомнить слова Н. Я. Мерперта: «Курганы являют разительный контраст погребальному обряду раннеземледельческих обществ, где мертвые оставались в пределах своего поселка, даже своего дома... В степи же курганы являются определенной закономерностью, обусловленной и естественными, и психологическими предпосылками. Здесь курганы насыпались в самые различные периоды и самыми различными племенами: от древнеямных до половецких и татарских — во времени, от монгольских на востоке до паннонских на западе и южнубийских на юге — в пространстве».

Палеоэтнографический аспект. Хорошо известно, что при этнокультурной атрибуции археологических культур, как пишет В. Файрсервис, важную область составляет то, что обычно называют «этнографической реальностью». Речь идет об изучении живых культур современного мира, который свидетельствует, что определенные типы поведения реализуются не в отдельных культурных чертах, а в их комплексах. Этнографы знают, что если мы сталкиваемся с определенным типом жилья вкуче с определенным способом погребения, а также с определенными экономическими зависимостями, тогда весьма высока будет вероятность определения этносоциальной организации той или иной культуры. Таким ретроспективным методом, как мы уже отмечали, установлена генетическая связь ямной-срубной-скифской культур. Но преднамеренно остановив ретроспективный разрез культур, ученые искусственно прервали эволюционный ряд развития, не проследив дальнейшую эволюцию курганной культуры после скифов.

Хотя некоторые уважаемые авторы и «запрещают» искать истоки традиционной культуры тюрко-монгольских племен в скифской культуре (С. Л. Тихвинский, И. Алиев), однако, вопреки их желаниям, в перспективном развитии скифская культура продолжает бытовать лишь только исключительно в культуре тюрко-монгольских народов. Ретроспективное изучение традиционной культуры этих народов вновь ведет исследователей к культуре скифов. И здесь имеются в виду не отдельные черты, а весь без

исключения **этнокультурный комплекс**: уклад ведения кочевого хозяйства, покрытые войлоком шатры и повозки, юрты, доение кобылиц, изготовление и употребление кумыса, конины, почитание коня, погребальные срубы, деревянные колоды-саркофаги, захоронения лошадей, курганная насыпь, специфические обряды, обычаи, навыки и пр.; обычай побратимства, способы гадания, доения кобылиц, варки мяса и т. п. Ни один из этих элементов не характерен для «катакомбников» ни древней, ни средневековой эпох. Попытки объяснить этот феномен ссылками на то, что ираноязычные кочевые племена с переходом на оседлый образ жизни потеряли необходимость продолжать развитие элементов кочевой культуры, не проясняет ситуацию, потому что об этих элементах культуры, как отмечалось, не сохранилось следа даже в фольклоре и словарном фонде, например, у осетин, считающихся «прямыми потомками» скифов. Кроме того, и ныне известны кочевые ираноязычные племена в Афганистане, Иране, но и им чуждо употребление кумыса, конины, коневодство вообще.

И тем не менее, оказавшись в безвыходном положении, даже некий В. Н. Каминский (СА. 1988. № 4) пытается ухватиться за известную соломинку, что будто бы пили кумыс, ели конину все кочевые народы. Но он, как и многие его покровители, в пылу гнева «забыл» подкрепить свои слова хотя бы перечнем древних и средневековых кочевников и указанием среди них бесспорно ираноязычных доителей кобылиц, пьющих кумыс, употребляющих в пищу конину.

Осознав безнадежность в подборе подобной конкретики, мой оппонент вопиет к небу и мечет молнии. Оно и понятно, ничего другого для него не остается уже потому, что ни в языке, ни в фольклоре индо-иранских народов (будь то оседлые или кочевые) не отложился термин, адекватный понятию «кумыс», начертанный на известной новочеркасской фляжке VII — VIII веков, известный еще Эсхилу и Страбону (если это не вторжение переводчиков в оригинал их трудов). Его не удручает даже то обстоятельство, что у осетин кумыс именуется не иначе, как «молоко лошади-самки», у других индоевропейцев — просто «кобылье молоко», хотя кобылье молоко и кумыс — это такие же совершенно различные вещи, как молоко и кефир, айран и простокваша и т. д. Не смущает запальчивого оппонента и тот факт, что и индоевропейцам-цыганам, которым не откажешь в вековых кочевнических традициях и любви к лошади, так же чужды эти элементы культуры. Чужды они и кабардинцам-коневодам XIV — XVI веков.

Неразрывная территория обитания курганников-кочевников в евразийских степях от Алтая до Карпат на протяжении 6 тысяч лет породила определенную и очень стойкую социальную организацию — кочевое общество, оптимально приспособленное к физико-географическим условиям и использованию пастбищ — основной базы своей экономики (Д. Кшибеков).

Аспект исторической лингвистики:

1. Курганная насыпь, как серьезный индекс погребального

обрядов степной этнокультуры уже с конца IV тыс. до н. э., глубоко внедрилась во многие инокультурные общности, надолго в них прижилась. Но странно, что ни на одном из индоевропейских, индо-иранских, угро-финских, кавказских языков термин «курган» не имеет смысла и не этимологизируется. Семантика слова раскрывается только на тюркских языках:

Карач.-балк.; татарск.: КУР — строить, создавать, возводить. Киргизск., алтайск.: КЮР, ГЮР — грести землю, окапываться землей. Отсюда: КУРГАН — построенный, созданный, возведенный (Н. А. Баскаков).

Такая же картина наблюдается с десятками названий древнейших земледельческих поселений VIII—III тыс. до н. э. в Передней и Средней Азии, в которых непременно присутствует не объяснимое ни на каком другом языке, кроме тюркского, слово ТЕПЕ — холм, восходящее к таким общетюркским терминам, как: ТЕППЕ — макушка, ТОП — шар, мяч, ТЕБЕ/ТЕПЕ — бугор, холм.

Заставляет задуматься такой факт. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов доказывают, что лошадь впервые была одомашнена индоевропейскими племенами в древней Передней Азии. Тогда непонятно, почему же у расселившихся с этого очага индоевропейских племен и народов нет единого корня для обозначения этой особи? Более того, как могло так случиться, что многие индоевропейские языки пользуются тюрко-монгольскими терминами «лошадь» (алаша), «мерин»? Трудно уповать на то, что представители множества языков все разом «забыли» столь характерные в их жизни явления и термины «лошадь», «мерин», «курган», «тепе» и ждали, чтобы им вновь о них напомнили в Восточной Европе гунны через 4 тысячи лет, а в Передней Азии огузы 50 веков спустя, даже в таких регионах, где они не оседали (например, Ирак).

2. Вероятно, эти факты вкупе с рассмотренными выше археологическими данными о расселении курганников подтверждают точку зрения тюркологов о глубоких исторических корнях теснейшего контакта тюркских языков с языками древнего мира (М. Ш. Ширалиев, А. М. Демирчизаде, З. Ямпольский, Н. З. Гаджиева). Эти контакты, как пишет К. М. Мусаев, прослеживаются на всех уровнях как в тюркских, так и в нетюркских языках — в лексике, фонетике, грамматике, причем более древние контакты отражены во всех тюркских языках, что может свидетельствовать о едином очаге и времени распространения тюркских языков. По мнению специалиста, на востоке — это контакты, прослеживаемые в тюркизмах санскрита, палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских языках; на юге — это контакты с иранским языком; на Кавказе — с картвельскими, абхазо-адыгскими, нахско-дагестанскими языками; в Европе — с праславянскими языками; на севере — с угро-финскими и т. д. Во всех этих языках остались влияния контактов с тюркскими. Этот вывод тюрколога как нельзя лучше корреспондирует с древнейшим распространением курганной культуры и

интеграцией ее во всех отмеченных направлениях с культурами названных народов. Эти события совпадают с периодом распада и расселения индоевропейской этнокультурной общности в конце IV тыс. до н. э. по теории Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова.

3. Особый интерес представляет обилие тюркизмов на всех уровнях иранских языков, которые никогда не учитываются иранистами при их этногенетических или этнокультурных построениях.

По поводу постоянно наблюдающегося преувеличения одностороннего влияния иранского языка на тюркский, К. М. Мусаев справедливо приводит одно важное замечание А. Мейе своим коллегам по индоевропеистике: «Одна из самых грубых и чаще всего встречающихся ошибок,— пишет Мейе,— состоит в убеждении, что всякое слово санскритского, германского и других языков, не заимствованное из известных нам языков, должно быть индоевропейским; никто прямо не выставляет такого нелепого принципа, но искать, как это часто делается, индоевропейского объяснения всех слов, каждого слова — это значит рассуждать так, как будто этот принцип принимается». К сожалению, опасения А. Мейе дают о себе знать и в наши дни. Этот принцип взят на вооружение многими иранистами. Живой пример тому — попытки современных иранистов обосновать поголовную ираноязычность скифов, ссылаясь на Авесту, тексты которой наука знает лишь по списку 1274-го или 1324 года, т. е. канонизированного в период повсеместного распространения тюрко-монгольских кочевников в евразийских степях и Передней Азии. В такой исторической ситуации вряд ли можно надеяться, что тексты Авесты были записаны в «ираноязычном» вакууме. Прямым опровержением такого мнения являются обоснованные этимологии, семантические параллели, символические совпадения в тюрко-монгольских, бурятских языках и сказаниях с авестийскими терминами: «гаты» — хат, хут; Ахура Мазда — Хурмуста; «хара» — кара и мн. др. (С. Ш. Чагдуров).

4. Очень раннее внедрение курганов в среднестоговскую, среднеднепровскую культуры, вероятно, оставило древнейшие тюркизмы в общеславянском языке. И. Г. Добродомов выделяет слова, заимствованные еще в праславянский период, во время распада праславянского единства. Он справедливо подчеркивает, что роль тюркского вклада в славянские языки, «как правило, недооценивается по чисто априорным соображениям: кочевники-де не могли оказать влияния на оседло-земледельческое население». К сожалению, и этот постулат чрезвычайно живуч и наносит науке большой вред, и не только тюркологии.

5. Исследования Г. И. Рамстедта, Н. Поппе, Б. Мункачи, М. Рясенена, Д. Фокош-Фукса, Б. Я. Владимирцева, Н. А. Баскакова приводят тюрколога Дж. Г. Киекбаева к выводу, что тюрко-монгольский язык-основа (если таковой был) существовал приблизительно до IV тыс. до н. э., затем распался на монгольские и тюркские языки. Хронологически это совпадает с бытованием близкородственных, генетически и культурно тесно связанных

между собой древнеямной и афанасьевской культур, объединяемых археологами в ямно-афанасьевскую этнокультурную общность. Позднее на западе и востоке евразийских степей их сменили во II тыс. до н. э. такие же родственно близкие племена срубной и андроновской культур, объединяемых в срубно-андоновскую этнокультурную общность. Их разделение в исторический период дает два близкородственных этнических массива: на западе — скифов, на востоке — сако-массагетов. Вероятно, к такой же глубине, к периоду срубно-андоновской общности, уходит разделение тюркских языков во II тыс. до н. э. на западно-тюркские и восточно-тюркские языки (Дж. Г. Киекбаев). С таким же разделением мы склонны связывать извечное деление тюркского этноса на западные и восточные «дома».

Древнейшие пратюркские или праалтайские племена (древнеямники, афанасьевцы, андроновцы, срубники) индоевропейского антропологического типа по мере продвижения на восток, в глубь Азии, приобретали монголоидные черты, особенно при интеграции с окуневцами. А те, которые перемещались в западном и кавказском направлениях из своего древнейшего очага, сохранили свой древний, европеоидный облик. Этим обстоятельством, вероятно, объясняется тот факт, что древние авторы отмечали среди скифов и европеоидные и монголоидные типы. Ведь еще даже в карасукских погребениях обнаруживаются и те и другие типы. Сказанное прекрасно иллюстрируется подсчетами известного антрополога Л. В. Ошанина: «Монгольская складка (эпикантус) верхнего века среди настоящих монголоидов имеется в 80—90%. Процент людей с этой складкой уменьшается с востока на запад, причем лучше держится у женщин, чем у мужчин. У киргизов она есть примерно у 85% женщин и 50% мужчин; у казахов ее имеют 35% женщин и 22% мужчин; у узбеков 18% женщин, 13% мужчин; у туркмен, считающихся биологически стопроцентными массагетами, — 10% женщин и 6% мужчин; у азербайджанцев лишь 2% с эпикантусом, а у турок его практически нет» (цитирую по И. М. Дьяконову).

6. Древнейшая история прототюркских или протоалтайских племен начинается с появлением курганной культуры со всем комплексом ее специфики. С этого времени мы можем говорить о полнокровном характере их хозяйства, культуры и языка. Исследования показывают возможность пересмотреть вопрос о древнейшей прародине древнейших тюркских племен в пользу Волго-Уральского междуречья, где в конце IV тыс. до н. э. появились первые курганы. Если верны выводы лингвистов о том, что тюркские языки обособились в IV тыс. до н. э., тогда эта точка зрения получает в прямом и переносном смыслах материальное «заземление» посредством археологических памятников древнеямной и афанасьевской культур, оставленных ямно-афанасьевской общностью, представлявшей, по нашему мнению, праобраз древнейших прототюрков или протоалтайцев.

7. На Северном Кавказе древнейшие тюрко-иранские смеше-

ния и синкретизм их культур уходят в глубь истории смешения древнейшей-катакомбной-срубной культур. Археологические исследования и картографирование памятников говорят о том, что древнейшие курганы, а позднее и катакомбы вклиниваются между протоабхазо-адыгским массивом на северо-западе и протонахско-дагестанским массивом на северо-востоке Предкавказья. Древних «курганников» и «катакомбников» есть возможность рассматривать как праоснову позднейших клиньев в указанный промежуток далеких предков тюркоязычного и ираноязычного населения Центрального Кавказа.

Переднеазиатско-тюркский аспект вызывает у отдельных ученых особую щепетильность (С. Л. Тихвинский, И. Алиев, В. А. Кузнецов, Ю. С. Гаглойти, В. И. Марковин и др.). Однако, когда имеются письменные источники, на которых обосновывали свои труды Г. Винклер, Ф. Гоммель, Б. Грозный, В. В. Струве, А. И. Тюменев, Б. А. Тураев и другие видные востоковеды, следует, вероятно, несколько умиротворять свои амбиции и подчинять их объективной исторической действительности, зафиксированной в фактах. В самом деле, наверное, необходимо предпочитать трезвый взгляд, если в клинописных гекстах III—II—I тыс. до н. э. значатся:

племена — «турукки», «су», «Субир», «ку-ту»;

реки — «Балих», «Кара-су»;

страны — «Субарту», «Мелухха»;

горы — «Кара-Даг», «Ак-Даг» и т. д.,

или же, если Геродот называет в языке скифов такие явные тюркские слова, как «ойр» — муж, мужчина; «асхи» — горький; «жюн» — шерсть, а византийский автор добавляет еще и «бальк» — рыба.

Всякого рода амбициозные нападки должны учитывать и ниже следующие факты.

В. В. Струве писал: «Согласно одному из наиболее правдоподобных толкований, термин «арий» восходит к слову «харри» — названию многочисленных неиндоевропейских племен, разбросанных на большой территории и подвергавшихся в течение веков сильнейшему воздействию со стороны различных племен и смешавшихся с ними. Если это лингвистическое толкование правильно, из него следует, что племена ариев, пребывавшие некогда в близком соседстве с племенами «харри», настолько смешались с ними, что приняли их этническое название, хотя сохранили свою языковую систему.

Но в таком случае, — продолжает В. В. Струве, — арии Вед не могут претендовать на «чисть» быть представителями чистой, несмешанной расы. Точно так же неправильно считать представителями «чистой» расы и носителей древнейшей известной нам культуры Индии. Раскопанные в поселениях долины Инда костные останки свидетельствуют о таком расовом смешении в этот период истории Северной Индии, датируемый XXV—XV веками до н. э., что какие-либо определенные антропологические выводы о расо-

вой принадлежности древнего населения Хараппы и Мохенджо-Даро невозможны. Специалисты относят обнаруженные здесь костные останки к четырем антропологическим типам: протоавстралоидному, средиземноморскому, монголоидному и альпийскому».

В связи с этими неиндоевропейцами «харрами» жившими на Иранском нагорье и в Северной Индии, нельзя не вспомнить, что мидийцы, именовавшие себя мадаями, называли свою армию термином «кара» — «народ-войско». Тюрко-монгольская этимология слова «хара»/«кара» в его социальном аспекте, как «простой», «простолюдин», «невежественный», «темный» и т. п., объясняет, почему мидийцы называли своих солдат этим термином. Для раскрытия этого тезиса необходимо исходить из того, что основным занятием у мидян было коневодство, что многие имена мидян IX—VIII веков до н. э. были не иранскими и, самое главное, что основная масса топонимов Мидии остается не иранской в продолжение всего ассирийского периода. Этногенез мидян сводится к постепенному распространению у «каспийского (?) населения иранского языка со второй половины VIII века до н. э. Для имени мидян — «мадай» нет индоевропейского объяснения. Это слово не иранское» (И. М. Дьяконов). Следовательно, вполне приемлемы сопоставления С. Ш. Чагдуровым этого этнонима с эпическим героем алтайского эпоса «Маадай Кара», с этнонимами МАДИ — среди енисейских татар, МАТТАР — среди сойотов и с другими историческими именами.

В этот же ряд становится имя скифского царя Мадия, во-рвавшегося в Переднюю Азию.

Завершая эту о мидийско-ассирийской эпохе, хотелось бы отметить, что на глиняных табличках I тыс. до н. э. у ассирийцев и мидян упоминаются долины рек Хабур, Карасу, Аджи, Джегуту, Хар-Хар, а в еще более ранних источниках II и даже III тыс. до н. э. известны топонимы: Харши, Харан, Хандари, Урук, Сибар, Сибур и т. п. Вряд ли эти названия можно правдоподобно объяснить, не прибегнув к тюрко-монгольским языкам. Для нас особенно интересно отметить тождественные названия рек «Джегуту» в Мидии и Карачаево-Черкесии.

Несколько слов необходимо сказать и о термине «кара», употребляемом мидянами. С. Ш. Чагдуров пишет: «Вообще говоря, использование мидянами слова «кара» выходит далеко за рамки значений «грубый», «простой», «простонародный». Обратимся к топонимам. По территории Центральной Мидии текла река КАРАСУ — южный приток Аракса. Удивляет даже не то, что это название зафиксировано на глиняных табличках в I тыс. до н. э. (быть может, оно возникло там еще раньше). Удивляет больше то, что оно в разных вариантах (Карасу, Караус, Кара усу, Каракол, Кара-гол, Кара-чай и т. п.) поразительно широко распространено во всем ареале расселения тюрко-монгольских племен и народов... Изоглоссы тянутся через всю Азию с запада на восток. Между прочим, мидийская Карасу протекала у подножий хребта Кара-Даг, ее огибали горы Херем-Даг, Савалан-Даг, Ак-Даг. Со-

шем недалеко от нее в эпоху ассирийского господства располагались города и крепости Каринташ, Каркемиш, Карибту, Каркарихундур, Кар-Иштар и др... Страбон сообщает о племени КАРЫ. Были известны царство Кар-Дуньяш (II тыс. до н. э.), а также Кардухи — жители гор к северу от Ассирии, которые, как и каситы, не входили в мидийский контингент Атропатены (по П. М. Дьяконову). Во всех этих топонимах и этнонимах содержится корень КАР(А) или другие тюрко-монгольские корни. Как ни сравнить их, — продолжает С. Ш. Чагдуров, — хотя бы с топонимами и этнонимами Кара-Тау (правого берега Сыр-Дарьи) — родины библейского Булджахана или страны мифического Огузхана, сына Кара-хана». Исследователь справедливо сопоставляет этот распространенный в Передней Азии топоним с первозданной мифической горой ХАРА — обителью Ахура Мазды.

Пути проникновения «курганников» с их прародины — с североприкаспийских степей через Приморский Дагестан (Утамышские курганы), Азербайджан (Уч-тепинские курганы), Грузию (Беденские курганы) в Переднюю Азию и через Армянское нагорье в Восточную Анатолию — хорошо документируются известными клинописными текстами из Таргимского городища Дагестана, недавними находками в Енотаевском районе Астраханской области таких же текстов и изображения Гильгамеша, сражающегося со львами. Имя божества и героя Гильгамеша, или Билгамеша, открывает еще одну параллель между древними шумерами и прототюрко-монгольскими племенами. Несомненно, что в основе этого эпического имени лежит древнейшее шумерское слово БИЛГА — предок, старец, герой, богатырь (И. М. Дьяконов). Окончание МЕС, по мнению И. М. Дьяконова, могло указывать на принадлежность героя к народному собранию. С. Ш. Чагдуров считает более обоснованной точку зрения Г. И. Пелих, которая, ссылаясь на П. Деймеля, возводит эту часть слова (меш) к шумерскому названию МАШ, МУШ, МЕШ — к имени духов, связанных с почитанием солнца, огня и т. д. И. М. Дьяконов пишет, что «акт размножения был священен — шумерам смутно казалось, что от него зависит не только плодородие семьи, но каким-то образом и общее плодородие страны; и вождь — правитель, олицетворявший общину перед лицом бога, гордился не только своим богатством, отвагой в бою и мудростью, но и своей мужской силой». В развитие этой мысли С. Ш. Чагдуров приводит следующие факты:

— словом БЭЛГЭ буряты, калмыки, монголы уважительно обозначают мужской половой орган;

— в арабо-персидско-тюрко-монгольском словаре Ал-Замахшари «Мукаддимат ал-Адаб», в «Сокровенном сказании» слова БЕЛГЕ/БЕЛКЕ употребляются в значении «свидетельство», «знак», «знамение»;

— в древнетюркских языках слова БЕЛГИ/БИЛИГ/БИЛГА означают «признак», «примета», «мудрый», «знахарь», «разум»;

— в Орхонских надписях значатся исторические имена: БИЛ-ГИ-бек, БИЛГИ-хан;

— в монгольском сказании «Алтын тобча» есть герой по имени СЭНГУМ-БЭЛГЭ, в переводе означающему «Мудрый полководец»;

— Рашид ад-Дин именует одного из монголязычных найманов титулом ИНАНЧ-БИЛЬГЕ.

Интерес представляет и вторая часть имени — «мес/меш». Предположение И. М. Дьяконова, что это окончание могло указывать «на принадлежность», как нельзя лучше корреспондирует с утверждением тюркологов, что «в енисейских памятниках представлена во всех сферах языка форма на «мыш/миш» (Н. З. Гаджиева, И. А. Батманов). Примеров этой формы словообразования множество: «тегмиш» — коснувшись, «эрмиш» — было, «гетмиш» — ушедший, «кельмиш» — пришедший и т. д. Подобные словообразования отмечены и в сочинении Абу-л-Гази, хана Хивинского. Таким образом, можно предположить, что имя Бильгамес/Бильгамеш означает: «Знающий», «Мудрый», «Разумный» и т. п., и образовано оно от слова БИЛГА с помощью словообразовательного аффикса «мес/меш/миш». Такому предположению не противоречит ни мнение И. М. Дьяконова, ни показания тюркологов.

Шумеро-тюркским сопоставлениям определенную силу придают работы проф. Ю. Б. Юсифова, в которых серьезное внимание уделяется приурмийской стране Субарту, по которой протекает река БАЛИХ. Название этой реки трудно не сравнить с тюркским словом «Балык» — река, «Булак» — родник, с балкарской рекой «Балык» — р. Малка и т. д. В приурмийской стране Субарту жили племена «СУ», давшие стране свое имя, которое ученые отождествляют с шумерским названием Северной Месопотамии — Субир, «сабир», «савир», «сувар».

Исследования показывают, что в южных и юго-восточных районах Урмийского озера шумерские тексты упоминают «Горную страну» — Алатейя/Аратейя, название которой характерно для алтайской географической номенклатуры и стоит в ряду таких топонимов, как Ала-тоо, Ала-тау, Алтай и др. Ю. Б. Юсифов справедливо сопоставил алтайское слово «Аратта» — гора с шумерским Алатейя/Аратейя — «горная страна». Более того, автор уверен в том, что жившие в этой стране в III—II тыс. до н. э. и поддерживавшие тесные контакты с шумерами племена, известные под названием СУ, КУ-ТУ, ТУРУК-КИ, ЛУЛУ-БИ, «были разноназванными жителями страны Аратта и, вероятно, принадлежали к алтайской языковой общности». В связи с подобным предположением весьма уместно вспомнить следующий этнонимический факт из работы З. Ямпольского: «В XIV в. до н. э., т. е. почти три с половиной тысячи лет тому назад, ассирийская клинопись отмечает в районе озера Урмия «турукков»... После этого, в начале первого тысячелетия до н. э., т. е. около трех тысяч лет тому назад, урартийская клинопись из Калагранна отмечает в зоне Азербайджана область, население которой по нормам урартийского языка именовалось «турухи». Археолог И. Г. Нариманов археологически документировал в Азербайджане отгонное (яйлажное)

скотоводство эпохи бронзы (II—I тыс. до н. э.). Но в Азербайджане в районе Мингечаура наши археологи обнаружили в слоях эпохи бронзы глиняные макеты кибиток на колесах, т. е. жилищ кочевников. Вероятно, эти кибитки свидетельствуют об архаических проникновениях кочевников в Азербайджан. Среди них могли быть и тюрки».

Если эти лингвистические и археологические сопоставления верны, то, по нашему мнению, необходимо вспомнить и этнонимы волжских татар, чувашей: Сувар (сув-ар, т. е. «речные люди»; вар.: сув-аз) и связать проникновение этого этнонима в Переднюю Азию с рассмотренными нами в предыдущих разделах путями проникновения древних курганов и носителей курганной культуры из Поволжья через Кавказ и юг Туркмении в Переднюю Азию. Ведь недаром источники, повествующие о продвижении шумерийцев в Двуречье с севера, северо-востока, со стороны гор, стали давно уже хрестоматийными (В. И. Авдиев). По сведениям С. Крамера, у самих шумеров существовала легенда о том, что они пришли откуда-то с северо-востока. Академик В. А. Тураев связывал происхождение шумеров с Дальним Востоком, большинство зарубежных и советских ученых сходятся на том, что шумеры пришли в Двуречье откуда-то с восточных нагорий. Большой интерес представляет мнение чешского ученого Б. Грозного, который еще в 1940 году писал: «Кажется, всё свидетельствует о том, что в более древний период, в VI тысячелетии до нашей эры и раньше, шумеры жили где-то в Туркестане или в Казахстане (Киргизии) и, вероятно, в их восточных частях... Шумерское название «Agali», на аккадском языке «Agallu», употребляемое для ада и для так называемых «пределов мира» — места, в которых родились боги, которое, по Исайе (гл. 14/13), находилось на крайнем севере, — является, по нашему мнению, по всей вероятности, шумерским названием Урала; гласные А и У часто чередуются в шумерском языке. Горы Agall и ассирийцы называли «горами золота», так же как и горы Kabchüsi, в имени которых я вижу ассирийское название Кавказа. Золото имеется и на Урале, и на Кавказе. Наоборот, — продолжает Грозный, — имя Аральского озера, кажется, киргизского происхождения и значит «озеро островов»... Шумерийский язык содержит, с одной стороны, некоторые алтайские и тюрко-татарские черты (например, агглютинацию и склонность к гармонии гласных), с другой стороны — некоторые индоевропейские черты (например, в местоимениях). Кажется, что шумерийский язык является смесью индоевропейских и тюрко-татарских элементов». Эту мысль значительно дополнил выдающийся лингвист Н. С. Трубецкой, который по поводу агглютинативности тюркских языков писал: «Правда, в большинстве индоевропейских языков принцип флективности выступает уже не в таком гипертрофированном виде, как в языках кавказских, но до технического совершенства агглютинирующих алтайских языков индоевропейским языкам еще далеко. О том, что вопреки утверждениям индоевропейских лингвистов, агглютинирующий строй по сравнению не только с гипер-

трофированно-флектирующим, но и с умеренно-флектирующим представляется некоторым идеалом,— об этом свидетельствуют опыты создания искусственных языков. Шарль Балли совершенно верно заметил, что эсперанто, который состоит исключительно из индоевропейских лексем, тем не менее является языком чисто агглютинативным. Таким образом, когда индоевропейцы хотят «исправить природу» и создать более совершенный искусственный язык, они невольно упраздняют флективность и прибегают к агглютинации. Между тем обратное явление было бы немислимо: нельзя представить себе финна, эстонца, венгра, турка или японца, который, желая создать более совершенный искусственный язык, стал бы упразднять принцип агглютинации и вводить принцип флексии. Итак,— продолжает Н. С. Трубецкой,— индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу. В этом процессе они, однако, не дошли до конца, не успели создать в «доисторический период» устойчивый тип языкового строя, подобного, например, строю алтайскому. А потому они и продолжают эволюционировать все в том же направлении, однако не порывая с некоторыми элементами своей «переходной» структуры. Это и делает их столь изменчивыми, особенно по сравнению с языками алтайскими». Возражая Н. С. Трубецкому, Вяч. Вс. Иванов все же пытается отстоять тот самый обратный скачок, о котором говорил Трубецкой и о котором, повествуя о «превращении» древних земледельцев в древнейших кочевников, говорили и мы выше. Оппонент Н. С. Трубецкого пишет: «...развитие, скорее всего, происходило циклически: от агглютинации к флексии и далее опять к агглютинации». Вряд ли в истории когда-либо была необходимость, чтобы для продолжения прогресса и эволюции культуры и языка бросаться в бездну первобытности и все начинать заново, как это происходит в трудах ученых-индоевропейцев на примере археологии, когда цивилизованные народы, достигнув вершин культуры, превращаются в первобытных пастухов, или на примере языка, когда для достижения совершенства агглютинации народы бросаются в изначальную колыбель флективной речи.

В заключение хочу привести один пример агглютинации в карачаево-балкарском языке:

ЗАН — бок, сторона.

ЗАН+ы — его бок, его сторона.

ЗАН+ы+м — мой бок, моя сторона.

ЗАН+ы+м+да — у моего бока, с моей стороны, рядом со мной.

ЗАН+ы+м+да+гъы — тот, кто (что) рядом со мной, с боку, с моей стороны.

ЗАН+ы+м+да+гъы+н — то, что (кто) рядом со мной, с боку...

ЗАН+ы+м+да+гъы+н+а — тому, кто (что) рядом, с боку, со стороны...

ЗАН+ы+м+да+гъы+н+а+н — от того, кто (что) рядом со мной, с боку, с моей стороны (шел, сидел, стоял и т. п.).

Большого внимания заслуживает тот факт, что И. М. Дьяко-

нов, найдя почти эту же фразу ЗА-МУН-ДА-ГИН-АМ на статуе Гудея (XXIII век до н. э.) перевел ее «рядом шел».

Вполне допустимо, что некоторые из вышеприведенных сопоставлений покажутся спорными. Но если их сравнить с весьма популярной в науке теорией о том, что слова Дунай, Днестр, Днепр и схоже звучащие названия европейских рек трактуются как индоевропейские лишь на основании одного-единственного упоминания слова ДАНУ в Ригведе [I, 32(9)] в выражении «Дану лежит словно корова с теленком», в котором «Дану» лишь предположительно возможно возвести к значению «река», тогда наши сопоставления находятся в значительно более выгодном положении. Последняя мысль подкрепляется еще двумя заслуживающими внимания фактами:

1. Во времена Геродота, когда на берегах упомянутых рек жили будто бы ираноязычные скифы, эти реки именовались совершенно иначе — Истр, Тирас, Борисфен, Гиппанис и т. п. Почему бы?

2. Ни в Индии, ни в Иране, Афганистане, вообще в Передней, Средней, Центральной Азии — нигде нет ни одной реки, в названии которой можно было бы отыскать корень «дану», «дуна» или «дон». Почему бы?

Плодотворные дискуссии и борьба мнений — это нормальное состояние науки, они лишь продвигают науку вперед, если к научным спорам подходить с ленинских позиций. В статье «Статистика и социология» В. И. Ленин указывал: «Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно подозрение в том, что вместо объективной связи исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела».

Именно с этих позиций мы предлагаем обсудить следующие таблицы соотношения культур Передней Азии и евразийских степей.

Таблица 1

Древнеямники, срубники и их наследники	Древние индоевропейцы Передней Азии
1. Курганная насыпь	_____
2. Могила, облицованная деревом, подстилка из коры травы, камыша, бревенчатый накат над могилой	_____
3. Погребальный сруб и колода	_____
4. Жертвенная пища: в могилах кости лошади, овцы	_____
5. Круглодонная, остродонная, яйцевидной формы керамика	_____
6. Костяные и медные псалии	_____
7. Кости лошади на поселениях	_____
8. Захоронения лошади с человеком	_____

Индоевропейцы Передней Азии	Древнеямники
1. Государство, цари, жрецы, храмы	— — —
2. Храмовое хозяйство, налоговая система, войско	— — —
3. Земледелие, культ земледелия	— — —
4. Ирригационные сооружения	— — —
5. Многослойные, многовековые поселения	— — —
6. Дома, общественные здания из глинобита, сырца и обожженного кирпича	— — —
7. Высокий уровень металлургии	— — —
8. Высокий уровень гончарного ремесла	— — —
9. Могилы под полом жилища	— — —
10. Могилы на поселениях	— — —
11. Захоронения в плетеных, глинобитных гробах, кувшинах	— — —
12. Погребальные гробницы из сырцовых и обожженных кирпичей	— — —
13. Печатки, титулы, штандарты	— — —
14. Царские гробницы	— — —
15. Группосожжение	— — —

ВСЁ ЛИ МЫ ЗНАЕМ О СКИФАХ?

Давайте выяснять наше прошлое без предвзятых убеждений, без «ретроспективного империализма».

И. М. Дьяконов

Наши экскурсии подвели нас к одному из самых важных вопросов: с каким древним народом связывается рассмотренная в предыдущих разделах курганная культура древнейших кочевников? В историко-археологической литературе сложилось мнение, что все без исключения археологические культуры евразийских степей: древнеямная, афанасьевская, катакомбная, срубная, андроновская, суяргинская, тазабагыбская со всеми многочисленными вариантами на огромном пространстве от Саяно-Алтайского нагорья до Днепра и Карпат, от Среднего Поволжья до Приаралья, от Средней Азии до Предкавказья и на всем протяжении от IV до конца I тыс. до н. э. — являются историко-культурным наследием одних только индоевропейских племен. Это и есть тот самый «империализм», о котором мы упомянули.

В наиболее концентрированном виде эта концепция отражена в упомянутом труде Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. А в археологической литературе это же попытался сделать Н. Я. Мерперт на страницах первого тома (из 12-томной серии) «Истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (М.: Наука, 1966).

Ретроспективно прослеживая действительно имеющее место генетическое родство между археологическими культурами скифов, срубников и древнеямников (курганная насыпь, могильная яма, усталанная камышом, корой, войлоком, обрамленная деревом, плахами, перекрытая бревенчатым накатом, погребальный саркофаг-колода и пр.), сформулируем другой постулат: все известные миру племена Евразии с глубокой древности до распада Римской империи были индоевропейцами, индоариями (в т. ч. 15 «скифских» племен Геродота, несколько сако-массагетских, четыре сарматских, три аланских племени), полонившими огромный регион от Алтая до Карпат (В. И. Абаев, Н. Я. Мерперт, Е. Е. Кузьмина и др.). Такая предвзятая трактовка истории огромного региона и множества племен порождает закономерные вопросы:

1. Почему в таком случае «курганно-скифский» погребальный

обряд, успешно развивавшийся четыре тысячи лет, передававший-ся из поколения в поколение, переходивший от племени к племени, вдруг прекращает свое существование на скифах и не получает дальнейшего развития ни у одного из ираноязычных племен и народов?

2. Почему же на огромном пространстве от Алтая до Дона нам приходится искать индо-иранские, индоевропейские топо-гидронимы, что называется, под микроскопом? Ведь такие горы, реки, как Алтай, Енисей, Чу, Иртыш, Ишим, Тобол, Яик, Капу-Даг и др., должны были попадаться на глаза столько тысячелетий жившим здесь индоевропейцам. Не случайно ведь Птоломей в период расцвета сарматской прохоровской культуры назвал р. Урал его древним тюркским именем Джаик (Даик, Яйык, Яик), а Плиний именовал реку Терек почти тем же его тюркским названием — Дирик?

Откровенно говоря, эти вопросы в историко-археологической литературе даже не ставились, а эволюционный ряд развития древних культур был искусственно прерван на скифах, будто бы являвшихся ираноязычными.

Однажды высказанная и весьма заманчивая идея об индоевропейском ираноязычном содержании древних культур без надлежащей проверки на научную обоснованность была радушно воспринята в определенных кругах и, кочуя из книги в книгу, из статьи в статью, к настоящему времени превратилась в непреложную аксиому. И страшнее всего для науки то, что некоторые авторитетные ученые почти запрещают не только изучать, но и затрагивать эти концепции (С. Л. Тихвинский, И. Алиев). Нижеследующие высказывания акад. Тихвинского С. Л. трудно воспринимать иначе, как диктат и указку, что и как писать об истории народов. Вот его слова:

«Имеют место попытки искать тюрок в Передней Азии уже в глубокой древности и приписывать им ведущую роль в создании древнейших передневносточных цивилизаций, а также местных закавказских культур и государств (прежде всего Кавказской Албании, скифов и т. д.)...»

«В Армении в последние годы писатели объявляют Урарту армянским образованием...»

«Среди части грузинских археологов бытует концепция раннего Колхидского царства, отрицание роли греческой колонизации в Колхиде, точка зрения о более раннем, чем считалось до сих пор (а разве верно только то, что считалось до сих пор? — И. М.), возникновении грузинского государства Картли и т. п.»

Далее идут упреки, что в Казахстане преувеличивают или искажают роль великого казахского ученого Чокана Валиханова; что в Татарии почему-то не согласны с тем, что Казанское ханство преподносилось до сих пор как осколок Золотой Орды; что в Якутии преувеличивают роль своих просветителей и представителей общественной мысли и т. д. (см. «Вопросы истории». 1986. № 9). Вот

таким образом, с высоты птичьего полета, академик Гихвинский С. Л. указал, какому народу, какой историей заниматься, что им можно, что нельзя. Такой всеуказующий перст вряд ли украшает советскую науку. Попробуем разобраться. Прежде всего, наверное, ученому неархеологу не стоило так уверенно упрекать специалистов, археологов-кавказоведов, а во-вторых, хочется спросить у почтенного академика: почему попытки, зачастую баснословные, искать корни истории и культуры одних народов в Передней Азии поощряются, а попытки для других расцениваются не иначе, как «имеют место...». Не менее интересно узнать, а чьим же историко-культурным образованием является Урарту с одним из центров в Еребуни; почему верно только то, что считалось до сих пор о Картли и Колхиде, почему нельзя вести дальнейшие исследования, искать уточнений? Историки знают много того, что считалось «верным» в прошлом и во что это обходится теперь советскому обществу. Наконец, почему Ч. Валиханов и представители общественной мысли Якутии хуже таких же восхваляемых, «безгрешных» деятелей науки и культуры других народов?

Совершенно очевидно, что статья Тихвинского писалась так, будто бы не существует этих вопросов. Редакция журнала должна была их задать автору статьи, прежде чем обвинять всех и вся. Сегодня всем нам хорошо известно, к чему приводит «писание» истории по указке, из-под палки, по трафарету. Коммунистическая партия все настойчивее требует совершенствовать методы, активизировать резервы в вопросах воспитания правдой истории, правдой накопленного историко-культурного опыта всех народов нашего многонационального государства. И если мы сегодня все чаще говорим о «белых пятнах» истории, то это для того, чтобы впредь не было в истории «запретных зон» для изучения, чтобы мы не преподносили подрастающему поколению слащаво приукрашенную, ложно поблескивающую, одностороннюю историю. Только правда истории, правда жизни сближает и укрепляет дружбу как отдельных людей, так и многих советских народов, представляющих уникальное явление в мировой истории, новую историческую общность — советский народ. И в связи с этим требует не голый декларации и запрета, а толкового, членораздельного ответа вопрос: почему нельзя искать (если материал более чем позволяет) переднеазиатско-тюркские параллели, идти дальше и глубже в исторических исследованиях о Колхиде и Урарту, чем это было «принято считать»? что в этом плохого, кому это мешает, чью историю и культуру это обкрадывает и искажает, чье национальное чувство оскорбляет?

Как хорошо сказал однажды Расул Гамзатов: «Изучение истории своего народа не мешает изучению истории других народов... Я с подозрением гляжу на людей, которые высокомерно говорят про историю других народов: «Приукрашение». В Узбекистане — древняя история. В Грузии — древняя история. В Армении — древняя история. Разве можно в этом сомневаться? Да и зачем? Что

есть, то есть. Чья-то история моложе, чья-то древнее, глубже. Надо изучать друг друга. А не завидовать. Это прекрасно, когда народы будут знать историю друг друга. Ведь столько еще не познанного в любой истории».

Односторонняя правда есть правда искаженная, выборочная, а распространение, пропаганда и требование признания только такой правды есть порочная практика отдельных авторов, привыкших диктовать народам их историю, не зная ни языка, ни культуры, ни этнопсихологии, ни этнографии, ни археологии этих народов.

Мне уже приходилось выступать с обоснованием того, что прошло то время, когда исторические факты и явления рассматривались только с одной, заранее выбранной и очень удобной, а кому-то, может быть, и приятной для глаза стороны, что настала пора начинать изучать их всесторонне. Только в таком случае мы можем стряхнуть с этих фактов искусственно наводившийся на них лоск и ложный блеск и заставить их засверкать действительными гранями историко-культурного значения. Очень показательна мысль молодого чеченского историка Х. Бакаева: «Но разве искажением действительности будет, к примеру, если человек, взяв музейную медаль, всегда повернутую к публике одной стороной, покажет людям и другую ее сторону — ведь так мы узнаем об этой медали еще больше, у нас сложится более полная картина?» На мой взгляд, именно нежелание нарушать музейную тишь да гладь в истории, плотно упакованной в глянец безвоздушных, сверкающих витрин, да еще оберегаемых строгим «Руками не трогать!», и порождает всякого рода искажения исторической действительности путем диктаторского вмешательства в науку. При этом совершенно забывается, что на новом этапе развития социализма рост национального самосознания, особенно бурно идущий в последние годы, придал новый импульс повсеместно растущему интересу к историко-культурному наследию братских народов нашей страны. Поэтому документы КПСС подчеркивают, что «у нас может быть только один путь: укрепление единства общества не через административный «зажим», а, наоборот, через всемерное развитие демократии». Именно так ставил вопрос В. И. Ленин, когда писал: «Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку». А следовательно, и никаких привилегий ни одному народу в изучении своей истории. Разве не поэтому говорил М. С. Горбачев в докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается»: «Мы должны быть предельно внимательными и тактичными во всем, что касается национальных интересов или национальных чувств людей...» О каком внимании, такте и равноправии можно говорить, когда одним ученым можно искать древние корни своей истории в недрах древнейших цивилизаций Передней Азии, а другим нельзя, когда не во всем удачные поиски одних поднимаются на щит, а исследования других расцениваются не иначе, как проявление местничества и пр.

Боязнь, что новый разворот исторических фактов и выявление новых данных может сломать сложившийся стереотип, вызывает подобные нападки на поиски исторических корней, например, древнетюркских племен. Объективный анализ скифской истории и культуры показывает, что они не укладываются в уготованное для них прокрустово ложе сплошного ираноязычия скифских племен. При первой же научной проверке обнаруживаются и нарочитый блеск, и действительная нищета скифо-иранской теории. Вот тому примеры.

Немного истории

Почти все древнегреческие и латинские писатели: Гомер, Гесиод, Эсхил, Гиппократ, Пиндар, Гекатей, Геродот, Страбон, Птоломей и другие — в один голос называли скифов и сармат конями, доителями кобылиц, пьющими кумыс, «из кумыса сыр едящими» и т. п. (В. В. Латышев). Это был своего рода этнокультурный «паспорт», выданный им древнегреческой и латинской традицией при первом же знакомстве с ними. Ясно, что потомкам древних индоевропейцев бросилась в глаза совершенно чуждая для них и неслыханная культура прямых потомков древнеямников.

Отец медицинской науки, чьи антропологические характеристики особенно важны, неоднократно отмечал монголоидные черты в облике скифов. А предшественник Гиппократа — Пиндар (522—442 годы до н. э.) указывал, что «некоторые скифы, притворяясь, открыто на словах гнушаются лежащей убитой лошадьё, а тайком обдирают кривыми челюстями ноги и головы». Эти слова привлекательны еще и тем, что они специально подчеркивают особенность: конину ели не все скифы, а некоторые, значит, окружавшие их народы лошадей не ели, и скифам приходилось скрывать это от других, скажем, от эллино-скифов, скифов-пахарей и земледельцев — алазонов, каллипидов и пр.

Что скифы пили кумыс, доили кобылиц, ели конину прекрасно документируется и другими материалами. Среди большого количества данных особо привлекателен недавний факт обнаружения в скифском захоронении на Днепре «большого деревянного блюда с остатками конины». Прекрасной аналогией скифскому погребальному обряду является погребальный обычай кипчаков-половцев, описанный Плано Карпини. Вот что писал об обычае татар побывавший в 1246 году в ставке Бату-хана на Волге итальянский путешественник: «...Перед ним (усопшим. — И. М.) ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сжигают».

Наконец, о явных тюрко-монгольских чертах некоторых скифских племен пишет и сам Геродот. В 22-й строфе IV книги он говорит, что «выше ирков живут другие скифы», а в 23-й, тут же, поясняет, что «выше ирков живут люди (т. е. те самые «другие скифы». — И. М.), которые, как говорят, все плешивые от рождения, как мужчины, так и женщины курносые и с большими подбородками». Из этих слов совершенно ясно, что Геродот называет «другими скифами» аргиппеев и почти дословно повторяет антропологическую характеристику Гиппократата. В. В. Латышев объяснял «плешивость» этих скифов принадлежностью к тюрко-монгольской расе.

Первый же русский переводчик Геродота Андрей Лызлов — великолепный знаток почти всей европейской историографии XV—XVI веков, хорошо знавший древнегреческую и античную литературные традиции, труды Гомера, Вергилия, Овидия, Юстина, Курция Руфа, Диодора Сицилийского и др., еще в 1692 году пришел к убеждению, что татары и турки восходят по своей культуре к древним скифам-кочевникам. Точку зрения А. Лызлова поддержали в разное время и развили такие крупные ученые, как Байер, Шафарик, В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, Э. И. Эйхвальд, А. С. Лаппо-Данилевский и др. Изучив всю доступную к тому времени литературу и древности скифов, Лаппо-Данилевский пришел к выводу: «Пока еще трудно сказать, к какой ветви арийских народов они действительно принадлежали, если эти племена и были арийского происхождения, то уже в древнейшие времена они смешались с чуждыми им монгольскими элементами». Особенно глубокими были обоснования тюрко-монгольской гипотезы скифов-кочевников крупнейшего филолога, профессора Киевского университета Ф. Г. Мищенко, известного знатока древнегреческих реалий и литературы, блестящего переводчика Геродота, Фукидида, Полибия, Демосфена и других корифеев древнегреческой культуры. Мищенко считал оседлых скифов-земледельцев и пахарей ираноязычными индоевропейцами, а царских скифов-кочевников представителями тюрко-монгольских племен. Он писал, что «наличность в европейской Скифии арийского и, частнее, иранского элемента установлена убедительно проф. В. Ф. Миллером; только следует искать его не в господствующей части скифского населения Южной России, а в тех зависимых от царских скифов пахарях и каллипидах, которые, будучи оттеснены сюда более воинственными завоевателями, представляли много общего с сарматами, также, вероятно, принадлежавшими к иранской ветви». Эту же точку зрения поддержал и другой выдающийся специалист по древнегреческой литературе о скифах — В. В. Латышев в своей докторской диссертации. Принадлежность оседлой части скифов — пахарей и земледельцев — к иранской ветви доказывали М. И. Ростовцев, А. И. Соболевский и др. Наиболее полно и убедительно это сделал В. Ф. Миллер, который провел в своих исследованиях проверку сделанных предшественниками наблюдений путем анализа скифских имен царей и божеств. «Сравнение этих слов со словами

осетинского языка,— пишет А. А. Нейхардт,— привело автора к выводу об иранском происхождении исследованного им материала (правда, по признанию В. Ф. Миллера, часть слов все же не поддается объяснению). Следует отметить, что свои выводы он считал возможным распространить только на оседлых скифов». Однако, когда теория об ираноязычности скифов была еще в зародыше, Ф. Г. Мищенко предупредил: «Если греческие писатели позднейшего периода нередко искажают до неузнаваемости названия тех народов, в соседстве с которыми они жили продолжительное время, свои наблюдения над которыми они могли легко проверить многократными показаниями очевидцев, то, разумеется, тем менее можно полагаться на их лингвистические данные о народах, совершенно им неизвестных, каковыми были и скифы для Геродота, Фукидида, Страбона и других. Вот почему немногие свидетельства языка о скифах, находимые по преимуществу у Геродота, подают повод в наше время к самым разноречивым толкованиям... Брун сожалеет,— продолжал Мищенко,— что берлинский акад. К. Мюлленгоф, главный авторитет в решении вопроса о национальности скифов в смысле иранства их, не подвергает критической оценке этимологии тех же имен, приводящих других исследователей к заключению о монгольстве или вообще о туранстве скифов». Кстати сказать, упоминавшийся Геродотом скифский термин «а с х и» в значении напитка даже Мюлленгоф, Эрман, Томашек не смогли объяснить иначе, как признать его тюркским словом «а ч ы» — горький.

Г. Кипперт, один из авторитетнейших ученых того времени в области исторической географии, не придавал выводам Мюлленгофа об иранстве скифов никакого значения: «Что скифские имена, тождественные с фракийскими и персидскими, просто заимствованы из этих языков и потому не имеют никакой доказательной силы в вопросе о национальности скифов, это доказывается вполне совершенным отсутствием диалектных особенностей: с таким же успехом,— пишет Кипперт,— можно было бы признать семитическое происхождение нынешних османов и других тюркских племен на основе почти исключительного употребления у них арабских личных имен».

«Гораздо большее значение в решении этнического вопроса скифов,— утверждал Мищенко,— имеют свидетельства древних писателей о быте народа и особенностях его физического строения». Разбирая подробно доводы В. Ф. Миллера, он писал о следующих расчетах его концепции:

1. Миллер указывал на то, что в нартских осетинских сказаниях сохранились следы скальпирования, напоминающие тот же обычай у скифов. «Но между двумя народами,— отмечает Мищенко,— замечается в этом отношении и немаловажная разница, опускаемая почтенным ученым: в сказаниях об осетинском герое Сосрыко шубы шиваются из кож ближайших родственников, отцов, братьев, мужей, тогда как у скифов (добавим: и у алан, по Аммиану Марцеллину.— И. М.) жертвами скальпирования

были только враги. Подобный обычай не чужд и урало-алтайским народам, а также дикарям Северной Америки».

2. Миллер пытался обосновать свой вывод и на скифском способе гадания на ивовых прутьях. Ф. Г. Мищенко указывал, что «скифский способ гадания известен калмыкам и гораздо ближе стоит к способу гадания шаманов, записанному Гмелиным». В своем путешествии по Сибири Гмелин писал: «После непродолжительного бормотания шаман-колдун брал пучок мелких прутьев, как бы серных лучинок. В таком пучке содержится 49 палочек, подобно тому, как гадатели черемисские, чувашские и вотякские имеют для этой цели 49 бобов. Вскоре после этого он выбирал из пучка пять прутиков и клал их особо. С остальными он играл, бросая их то туда, то сюда, а затем вытягивал то одну, то другую. Процедура длилась не долго, и колдун произносил гадание».

Современные ученые также свидетельствуют, что «наиболее древнее археологическое свидетельство культового использования прутьев таволги дает Кенкольский катакомбный могильник в Киргизии. Этнографически различные проявления культа таволги отмечены прежде всего в среде тюркоязычных народов (алтайцы, чуваша, казахи, киргизы, узбеки, тувинцы) и их ближайших соседей. Древность связанных с таволгой религиозных представлений подтверждает магическая формула шаманистской по содержанию рунической «Книги гаданий» IX века: «Одна таволга становится сотней таволг» (Семенов А. И.).

3. Миллер ссылался на коллективный обряд погребения, когда собираются на похороны жители всего осетинского аула, а не только родственники умершего, а также на обычай поминок у осетин. А Мищенко указывал, что все эти черты, разумеется, близко напоминают скифские похороны (Геродот, кн. IV, 71—73). «Но дело в том, что аналогии, более многочисленные и более полные, содержатся в трудах ученых о монгольских народах». Подобный обычай характерен для многих кавказских народов.

4. По мнению Мищенко, «главнейшие черты быта осетин, сближаемые Миллером со скифскими обычаями, заимствуются им из сказаний о богатырях Сосрыко и Батраз, известных у кабардинцев, балкарцев и осетин. Автор сам (т. е. Миллер. — И. М.) предостерегал исследователей делать обобщения относительно прошлой истории осетин на основании их эпоса». И завершая спор, Ф. Г. Мищенко писал: «Трудно, если не сказать совсем невозможно, отрицать многообразные влияния урало-алтайских народов на иранских осетин; тем менее возможно полагаться на некоторые отдельные черты сходства между геродотовыми скифами и нынешними осетинами в доказательство иранства первых».

Под натиском таких непровержимых сопоставлений фактов из тюркомонгольского и скифского быта В. Ф. Миллер, как крупный ученый, имевший смелость признавать свои ошибки, в конце концов вынужден был написать следующее: «Из всех догадок, предложенных о национальности сарматов и скифов, до сих пор наибольшего внимания заслуживает гипотеза Цейсса и Мюлленгофа,

которые на основании данных языка (разбор собственных имен) видят в этих народах иранцев, некогда тронувшихся вместе с другими индоевропейскими народами в Европу и затем затертых в южной России другими, уже не индоевропейскими народами, постоянно надвигавшимися с востока. Мы думаем, что гипотезу эту следует ограничить в том смысле, что **имена СКИФ и ИРАНЕЦ не покрывали друг друга; мы считаем вероятным** только то, что **под именем скифов** скрывались племена европейские, и в числе их в восточных частях Скифии, по северному побережью Понта, главным образом **в бассейне Дона, были и иранцы** (подчеркнуто мной. — И. М.)». А завершая свои знаменитые «Осетинские этюды», В. Ф. Миллер признавался, что он «не считает доказанным факт иранства скифов».

Именно о наличии только «элемента» иранского среди геродотовых скифов говорил и такой знаток истории скифо-сармато-аланских племен, как Ю. Кулаковский, когда писал: «Если новые исследователи не всегда решаются признать в Скифах Геродота племена иранской ветви арийской расы, то во всяком случае в настоящее время никто не отрицает присутствия иранского элемента в скелетах Геродота». Действительно, наличие иранского элемента в массе скифских племен невозможно отрицать. Речь (вернее, спор) может идти лишь о том, что некоторые ученые этот «элемент» пытаются превратить в поголовную ираноязычность всех скифов, сармат и аланов! Еще Ф. Браун подметил, что «разногласия между учеными по поводу пресловутого «скифского вопроса», как и в «варяжском вопросе», не столько от неточности или неясности материала, сколько от методологических ошибок некоторых ученых, бравшихся за исследование, а часто и от тех предвзятых идей и тенденций, с которыми они приступали к нему и которые заставляли их мириться с явными натяжками. Новый труд по «скифскому вопросу» должен будет носить характер по преимуществу полемический». Далее он приходит к выводу, что «весь вопрос в том, можем ли мы считать скифов Геродота народом этнографически цельным, или этому имени уже в V веке до нашей эры присуще такое же собирательное, чисто географическое значение, какое оно имеет впоследствии, например, у Страбона и Плиния? Известно, что многие ученые, начиная с Шафарика, держались и держатся именно этого мнения, указывая на особенности в образе жизни, религии, антропологического типа, отличающие будто бы западных от восточных скифских народностей и усматривая в скифах западных — предков славян, либо считая их иранцами в противоположность к скифам восточным якобы монголам. В пользу последнего мнения высказался недавно еще Мищенко, и с ним соглашается, по-видимому, В. Ф. Миллер».

Таким образом, два крупнейших представителя русской науки о скифах и их культуре, Ф. Г. Мищенко и В. Ф. Миллер, пришли почти к одному и тому же мнению, которое широко вошло в тогдашнюю науку. Оба признавали, что среди скифов, вместе с двумя хозяйственно-культурными укладами, были и две этнические

группировки: пахари-земледельцы — это ираноязычные индоевропейцы и кочевники — представители тюрко-монгольской расы.

К сожалению, эти выводы теперь уже почти забыты и порой даже считаются почему-то неуместными, хотя такой полемический труд о скифах, которого ожидал Браун, так и не появился. Напротив, после выхода в свет труда В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» (М.; Л., 1949. Т. 1) зачастую приходится сталкиваться с утверждением, будто бы все скифские племена были ираноязычными.

Но все же более серьезные ученые всегда исходят из того, что скифы в разных аспектах: географическом, политическом, этнографическом — это далеко не одно и то же (М. И. Артамонов). Да и сам Геродот основным отличительным признаком множества скифских племен считал их различные языки. Отличая одно племя от другого по языку, он нигде ни словом не обмолвился о мидийском, персидском характере языка скифов. Это обстоятельство приобретает особую ценность, если мы вспомним, что отец истории, заметив где-то в Подунавье неких сигиннов, тут же отметил, что они говорят на мидийском языке. Ионийский грек Геродот, страна которого представляла в его времена отдельную сатрапию Персидской державы, не мог не распознать язык персов и мидян, если бы скифы были ираноязычны. Исследователи-специалисты вообще считают, что «скифский язык, как нечто единое, цельное и монолитное для всех племен, известных у греков и римлян под именем «скифских», есть фикция» (К. М. Колобова).

Многочисленные данные и анализ IV книги Геродота, сравнение ее с другими античными источниками приводят ученых-скифологов к убеждению, что почти все основные вопросы истории и культуры скифских племен остаются (как и во времена Брауна) по-прежнему дискуссионными. Так, например, А. П. Смирнов пишет: «Если говорить откровенно, то спорными, дискуссионными продолжают оставаться все основные вопросы истории скифов». Подводя итог своему капитальному историографическому труду, А. А. Нейхардт говорит: «Таким образом, вопрос о том, кого, собственно, следует считать «подлинно скифами», далеко не решен. По существу, в современной науке он до сих пор является дискуссионным, и единственной точки зрения не существует». И наконец, тщательный анализ античных источников приводит И. В. Куклину к следующему заключению: «Таким образом, почти все проблемы современной скифологии остаются спорными и ни одна из них не получила еще однозначного решения. Насколько глубоко разногласия, могут продемонстрировать попытки некоторых современных исследователей восстановить начальную историю скифов».

Несмотря на подобные заключения специалистов-скифологов, основная ставка приверженцев поголовного ираноязычия скифских племен делается только на сохранившуюся в античных источниках ономастику, которая дошла до нас с безусловными искажениями ввиду ее «варварского» происхождения. Поэтому уже давно указывалось на опасность воссоздавать на таком шатком языковом материале скифский язык, да еще его диалекты (Г. Кипперт, К. М. Колобова, Ф. Г. Мищенко).

В упомянутом труде В. И. Абаев выявил 196 скифо-сармато-алано-осетинских лексических сходжений. Но из них 48 терминов, хотя и имеются в Авесте, древнеиранском, древнеперсидском, древнеиндийском и других источниках В. И. Абаева, в самом осетинском, по его же словам, «не оставили никакого следа». Следовательно, надо полагать, что нет никакого научного права включать их в число осетино-скифских параллелей. Из оставшихся 148 слов 101 имеет явные, прозрачные тюркские значения, не требующие никаких изменений оригиналов (дополнений, сокращений, замены букв и звуков), к которым постоянно прибегает В. И. Абаев. И тем не менее он приходит к весьма оригинально звучащим объяснениям. На целый ряд подобных разъяснений мне уже приходилось указывать в своей книге «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа» (Нальчик, 1986), однако есть необходимость привести еще несколько примеров:

Скифск. слова	Тюркск. значения	Этимол. В. И. Абаева
АТАСАС — имя	АТА — отец, АТАСЫЗ — без отца, т. е. СИРОТА	Древнеиран.: А+ТАРС, т. е. БЕЗОПАСНЫЙ ¹
ТОРЕКАДАИ — сармат. племя	ТЁР — почет, ТЕРГЕ — на почет, ТАИ — суф. уподобления. Отсюда: ПОЧЕТНЫЕ	ТУРА — суп, АД — есть, т. е. СУПОЕДЫ ²
САРАГАС — имя	САРЫ — желтый, КАШ/КАС — бровь: ЖЕЛТОБРОВЫЙ	САР — голова, АКАС — невредимый: ИМЕЮЩИЙ НЕВРЕДИ- МУЮ ГОЛОВУ
ОССИГАС — имя	АШЫГЪЫШ — расторопный	ИМЕЮЩИЙ ЗДОРО- ВУЮ ЖЕНУ

¹ Объяснение В. И. Абаева неправдоподобно, потому что «без» по-скифски, как отмечает сам В. И. Абаев в другом месте, будет не «А», а «АНА». Кроме того, в геродотовском термине нет звука «Р», чтобы читать ТАРС.

² Во-первых, у В. И. Абаева теряется удвоенный звук «КК»; во-вторых, у нас нет никаких сведений о том, знали ли сарматы такое блюдо, как «суп», зато хорошо известно, что Птоломей, очевидец и современник сарматов, называл их не «супедами», а «конеядами».

САУКАС — имя	САУАГЪАЧ — крепкий станом	НЕВРЕДИМЫЙ УТРОМ, ПОРАЖЕННЫЙ УТРОМ
ГУАР — аланский царь V в.	КУАР — преследующий	ДОБЫВАЮЩИЙ КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ
БЕОРГУС — аланский царь	БУЮРГУЧ/БУЮРГУС — правитель	ИМЕЮЩИЙ МНОГО КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА
САГАР — имя	САКЪ — осторожный, АР/ЭР — мужчина: ОСТОРОЖНЫЙ, СТОРОЖЕВОЙ	НАХОДЯЩИЙ ОЛЕНЕЙ
ЖАУНА — шерсть	ЖЮН — шерсть	авест.: МАСТЬ, ЦВЕТ
КАРСА — резкий, строгий	КАРШЧЫ — резкий, строгий	осет.: ХУДОЙ
ОД — душа, жизнь	ЁТ — смелость, дух жизни	осет.: ЗАПАХ
СОЗИРСОУ — имя	СОЗАРЧЫ — растягивающий	СМУГЛЫЙ СОЗИР (?)
ОУАРАЗБАЛА — имя	ОРОЗ — рок, судьба, БАЛА — дитя: ДИТЯ СУДЬБЫ	Принадлежащий к кабаньей стае
ДАНАРАЗМАК — имя	НЕУЗНАВАЕМЫЙ	ДОНСКОЙ ВАРАЗМАК (?) ВАРАЗМАК С ДОНА (?)
ОФУРБАЗЫ — имя	ОИ, ЮИ — дом, ЮЙЮР — семья, БАСЫ — голова: ГЛАВА СЕМЬИ, ДОМА	ВОЛКОПЛЕЧИЙ (?)

Даже этот краткий перечень показывает, что скифо-сармато-аланские имена и термины находят совершенно прозрачные тюркские значения, совпадающие с оригиналами, либо очень легко находят такие толкования, которые весьма близко подходят к их первоначальному смыслу. Тюркские их значения и оригиналы, конечно же, не сравнить с такими ирано-осетинскими толкованиями, как: «С невредимой головой» (будто бы у всех остальных они были поврежденными), «Пораженный утром». «Невредимый утром», «Имеющий здоровую жену» (будто бы младенец уже при наречении имел такую жену); или же: «В нем нет дыхания жизни», «Принадлежащий к кабаньей стае», «Волкоплеции», «Волкоед», «Супоед», «Варазмак с Дона», «Смуглый Созир», «Находящий шерсть оленей» и др. От подобных этимологий В. И. Абаев не отказался и через 30 лет при повторной публикации «Скифо-сарматских наречий». В последней редакции особого внимания заслуживают его слова о том, что «выявление и определение иранских элементов должно производиться на основе точных и

продуманных методов, а не путем произвольных домыслов и догадок. Первым шагом на этом пути должно быть выделение, путем тщательного лексического, фонетического и словообразовательного анализа, всех бесспорно иранских элементов. Таким путем будет расчищена почва для анализа и определения остальных элементов. Вместе с тем, можно надеяться, будет положен конец легковесным и безответственным спекуляциям на скифском материале, не имеющим ничего общего с наукой». Эта фраза ученого как нельзя справедлива во всех отношениях и как нельзя лучше всего подходит к только что отмеченным его собственным толкованиям скифских имен и терминов, не имеющим ничего общего ни с наукой, ни с логикой, а иллюстрирующим «спекуляцию на скифском материале». Трудно верить в твердо продуманное научное обоснование наличия плеч у биологических особей семейства волков. О каком научном обосновании можно говорить, если какой-то скиф с момента рождения и наречения принадлежал к кабаньей стае, тогда как скифы (по Геродоту) не разводили даже домашних свиней; или же другой скифский молодец должен был искать и находить «шерсть оленей». Шерсть бывает у овец, баранов, верблюдов, а у оленей шерсти нет. Как можно говорить о строго научном подходе, когда в первоисточниках о скифах нам неизвестно употребление слов «ману», «вира», «нар» в значении «муж», «мужчина», как часто это делает В. И. Абаев? Наоборот, Геродот прямо поясняет, что у скифов слово «муж» обозначается термином «ойор». Наконец, очень важным заявлением В. И. Абаева является то, что «у скифов собака называлась не «спан», «спак», а «кути», как у многих тюркских народов.

Строго продуманные и научно обоснованные методы анализа лексического наследия, по нашему мнению, не могут базироваться на таких утверждениях: «Слово «йава» в других арийских языках означает «ячмень». Для скифского мы даем значение «просо», опираясь на осетинское предание, по которому культура проса преобладала над всеми другими». Вероятно, надо опираться не на осетинское предание и навязывать его скифам, а надо опираться на науку, которая давно доказала, что ячмень был одной из самых древних культур и для скифов, и для других племен, включая древнейших земледельцев Передней Азии VI—V тыс. до н. э.

В контексте строго продуманных научных методов анализа следует остановиться еще на одном моменте: как В. И. Абаев обосновывает свое мнение. «Имя скифского царя «Таксакис» Юсти и Миллер переводят как «плотник» (древнеинд.: Таксака). При этом даже не ставится вопрос,— удивляется он,— могли ли существовать у кочевников профессионалы-плотники. Мы переводим «Быстрый олень» (а бывают «медленные олени»? — И. М.). Мы думаем, что плотник мало подходящее имя для вождя воинственного племени, снимавшего скальпы с врагов. Ни один индейский вождь, насколько мы знаем, не назывался «плотником». Прежде всего трудно верить в научную обоснованность права одинаково судить о вождях индейцев и вождях скифов, и потом,

можно спросить у Абаева: а много ли вождей именовались «Находящими шерсть оленей», «Невредимый утром»? и т. д. Вопрос, обращенный к Юсти и Миллеру, справедливо можно поставить и перед В. И. Абаевым, который, объясняя скифское слово «аз», связывал его у кочевников с корабельным кормчим. Знакомый с реалиями скифского быта и культуры хорошо знает, какими великолепными плотниками были скифы. Превосходные повозки с каркасами для войлочных покрытий, служившие им «домами на колесах», тщательно сработанные погребальные саркофаги из дерева, скрепленные посредством шипов и пазов, отлично выдолбленные погребальные колоды из продольно разрубленных стволов дерева, великолепные деревянные блюда и чаши, облицованные золотом и считавшиеся божественным даром для каждого скифа, и многое другое — все это красноречивое свидетельство высокого уровня плотницкого искусства у скифов. Плотники в скифской среде были одними из самых необходимых для общества людей. А вот что касается «корабельных кормчих» для кочевников-скифов и для их будто бы прямых наследников — осетин, то В. И. Абаеву, справедливости и научной точности ради, давно надо было «обнародовать» тот поразительный факт, что у осетин нет в их словарном фонде термина для обозначения «море». Для этого они даже в своем нарском эпосе используют тюркский термин «Тенгиз» — море (В. И. Абаев).

В заключение этого раздела хочется обратить внимание читателя на необъясненный до сих пор греческий термин «скут» или русский «скиф». Библейское название скифов — АШКУЗ по широко известной закономерности перехода в тюркских языках З/С в Д/Т мог легко образоваться в чужеродной среде из АШКУТ. Переход З/Д, С/Т является закономерностью башкирского, татарского, карачаево-балкарского и других тюркских языков. Этому факту можно привести множество примеров из топо-гидро-этнонимии: Тарка — Сарка, Тын — Сып, Казыр — Кадыр, Барзым — Бардым, Кырзас — Кырдас, Орус — Оруд, Ыргыз — Ыргыт, Ыргайзы — Ыргайды и др. Такой же перебой указанных согласных не был чужд, вероятно, и греческому: Фазис — Фазид, Гиппанис — Гиппанид, Танаис — Танаид и т. д. При отсутствии шипящих звуков греки не могли написать термин АШКУТ иначе, чем АСКУТ. Начальный гласный звук «А» варварского термина легко мог потеряться в иноязычной среде, как, например, он теряется в терминах: ЫСТАМБУЛ — СТАМБУЛ, ЫСХАУАТ — СХАУАТ — ХАСАУТ, ЫШҚАНТЫ — ШҚАНТЫ и др. Таким образом, устанавливается, что термин АШКУТ легко превращается в СКУТ, превращенное в русском переводе в СКИФ. Следовательно, есть все основания предположить, что термин СКУТ является порождением греко-латинской книжной традиции в результате искажения тюркского АШКУЗ/АШКУТ. Тем самым мы находим подтверждение словам Ф. Г. Мищенко о том, что термин «скут» может быть искажением туземного слова. Подтверждается и мнение Н. Я. Марра, что имя «скиф» было изобретено греками и должно было дей-

ствительно иметь народное, туземное происхождение, и притом широко распространенное.

Однако в 1965 году В. И. Абаев выступил с объяснением термина «скут» как германского слова «скот» — стрелок из лука. Такое толкование не может быть приемлемо по целому ряду причин:

1. Автор не объяснил возможность перехода скифского «скут» в германское «скот». Это не бросалось бы в глаза, если бы Геродот четко не различал скифские термины «скут» и «сколот», ни разу не заменив «у» на «о».

2. История не знает германских информаторов Геродота. Чаще всего он сам бывал среди скифов или же пользовался сведениями жителей причерноморских греческих колоний. История не знает и германских племен на территории геродотовой Скифии, которые могли бы перевести этот термин.

3. Переход германского «Schütze» в «Skot», как свидетельствуют германисты, не мог произойти ранее XII—XIII веков, т. е. ранее, чем две тысячи лет после скифов. Еще П. Услар выступал против отождествления этих понятий.

4. Постоянно присутствующему в скифских терминах звуку СК или ШК (ср.: СКУТ, СКИЛИ, СКОЛОТ, ЭКСАМПАЙ и др.) В. И. Абаев не смог отыскать аналогии в индо-иранских языках и опрометчиво отнес его за счет кавказских языков. Необоснованность такого объяснения достаточно наглядно доказана в работах С. Я. Байчорова.

5. Европейские племена еще задолго до скифов в эпоху неолита знали и отлично владели и луком, и стрелами. Они хорошо знали и других стрелков из лука, скажем, киммерийцев, несколько не уступавших скифам в этом искусстве. Так что европейским племенам, в том числе и германским, незачем было «специально» беречь этот термин для объяснения только названия скифов.

Суммируя все изложенное, можно уверенно говорить, что явные тюрко-монгольские особенности в антропологических характеристиках скифов находят столь же явные тюрко-монгольские следы в их языке. Существующая установка на «безукоризненную» ираноязычность скифов, базирующаяся на трудах В. И. Абаева, не выдерживает никакой критики.

Из этнографии скифов

Нарочитый блеск и действительная нищета скифо-иранской теории еще более очевидными становятся, если мы обратим внимание на быт, домашний уклад, повседневный обиход скифов, т. е. на их этнографию. Изучающему историю и культуру скифских племен при обзоре литературы не может не броситься в глаза сложившийся парадокс или диспропорция в исследованиях о скифах. Мы знаем множество работ о географии Скифии, реках, археологических памятниках Скифии, об идеологических воззрениях, социальном строе скифов и т. д. Но мы очень затруднимся назвать

хотя бы одно цельное исследование, посвященное бытовой культуре скифов. Вероятно, это обстоятельство объясняется тем, что при первом же прикосновении к домашнему быту, утвари, пище скифов ломается сложившийся стереотип и обнаруживаются «ножницы» между их будто бы иранским языком и явным тюрко-монгольским бытом и традиционной культурой. И лишь только безудержный полет фантазии может свести эти «ножницы» воедино. Возможно, боязнь нарушить устоявшееся мнение и заставляет многих исследователей ходить в темных повязках в огромном историческом и культурном наследии скифских племен.

В историко-археологической литературе хорошо известна продуктивность и почти полная безошибочность ретроспективного метода при анализе археологических и этнографических материалов (С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт, Е. Е. Кузьмина и др.). Пользуясь этим методом, как отмечалось, в советской археологии установлена непрерывная генетическая связь и родство древнеямной — срубной — скифской культур. К сожалению, ученые неоправданно остановились на скифах, искусственно прервав эволюционный ряд развития культуры. Попробуем разобраться, почему это было искусственным разрывом.

Если мы на протяжении четырех тысячелетий (от скифов до древнеямников) прослеживаем ретроспективное этнокультурное родство, значит, есть возможность проследить и дальнейшее перспективное развитие, продолжение скифского этнокультурного комплекса? Можно сформулировать вопрос и иначе. Если на протяжении четырех тысяч лет можно проследить генетическое и этнокультурное родство скифов, то нельзя ли ретроспективно проследить истоки традиционной культуры народов на протяжении двух тысячелетий новой эры, скажем, от традиционной культуры тюрко-монгольских кочевников евразийских степей до скифов? Может всплыть и третий вопрос: получила ли скифская культура, вобравшая в себя итоги 4-тысячелетнего развития евразийских племен, дальнейшее развитие, или же она бесследно заглохла на скифах?

В поисках ответов на эти вопросы, представители тюрко-монгольских народов, наверное, особенно ощущают, что история действительно рядом, так как их повсеместно окружают те же предметы, та же утварь, та же традиционная пища, что и у скифов.

Многие аспекты этой темы мы уже вскрывали в своей упомянутой книге. К тем материалам, можно добавить еще многое.

1. Геродот описал весьма оригинальный скифский способ доения кобылиц при помощи костяной трубочки в виде флейты. Точно такой способ фиксирует у калмыков известный путешественник и ученый XVIII века академик Паллас (В. В. Латышев).

2. Об интересном способе варить мясо Геродот писал: «Содрав с животного кожу, очищают от мяса, затем кладут его в котлы туземного изделия, зажигают кости животного и на них варят мясо; если котла не окажется, то вкладывают все мясо в желудки животных, подливают воды и зажигают кости; они горят от-

лично, а очищенное от костей мясо легко умещается в желудке. Таким образом бык сам себя варит» (Геродот, кн. IV, 59—60). А. П. Смирнов писал, что «описанный Геродотом скифский способ варки мяса никем, по нашим сведениям, экспериментально не проверялся». Однако способ варки мяса в желудках животных существовал у казахов, балкарцев, карачаевцев вплоть до недавнего времени, особенно в условиях летних пастбищ среди чабанов и пастухов (Д. Кшибеков, Ф. Бозиева).

3. У Геродота записана интересная скифская легенда о том, как некогда на их землю с неба упали (или были сброшены) золотые творения: плуг, ярем, бердыш и чаша. К этой легенде обращаются многие поколения ученых-индоевропейцев, строят на ее основе различные концепции о религиозных верованиях, мировоззрении, хозяйственном укладе, социальном строе скифов (Б. А. Рыбаков, Д. С. Раевский, А. Хазанов и др.). Но до сих пор никто не смог обнаружить и увязать праобразы этих предметов в астрономических индоевропейских народов. Ведь прежде чем упасть с неба, там должны были пребывать праобразы легендарных золотых предметов? Тем более отраднее недавнее открытие балкарского фольклориста М. Джуртубаева, раскрывшее астрологическую суть скифской легенды. По исследованиям фольклориста и собранному им полевому материалу созвездие Малой Медведицы балкарцы именуют **МЫРЫТ ЖУЛДУЗЛА** (в краткой форме: **МЫРЫТЛА**). **МЫРЫТ** — это «сошник», «лемех»; возможно, что прежде так назывался и сам плуг.

Созвездие Ориона называется **ГИДА ЖУЛДУЗЛА** (кратко: **ГИДАЛА**). **ГИДА** — это боевой топор, бердыш; так же называется небольшой топор с обоюдоострым лезвием. Подобные топоры — довольно частая находка в археологических памятниках скифов.

Группу из семи звезд в созвездии Северной Короны, напоминающую по своей конфигурации чашу, балкарцы называют **ЧЕМЮЧ ЖУЛДУЗЛА** (или **ЧЕМЮЧЛЕ**). **ЧЕМЮЧ** — это небольшая чаша.

Созвездие Весов балкарцы именуют **БОЮНСАЛА ЖУЛДУЗЛА** (или **БОЮНСАЛА**), т. е. «созвездие Ярма». **БОЮНСА** — это «ярмо».

Таким образом, в астрономии балкарцев мы обнаруживаем пока что единственные небесные праобразы легендарных скифских святынь.

4. Полевые изыскания М. Джуртубаева существенно дополняют сведения и об упоминавшемся скифском гадании на ивовых прутьях. Балкарцы в прошлом брали для гадания тонкие прямые ветки красного цвета кустарника «сипи». Срезать эти ветки для забавы не дозволялось, старались оберегать эти кустарники и от коз. Для гадания срезали 9 или 12 прутьев длиной в 40—50 см. Гадатель держал их в руке и предлагал желающему получить у него предсказание не глядя выдернуть один из прутьев, а потом говорил, что его ожидает. Отголоски этого гадания сохранились и поныне в гадании, именуемом «**ЧЕП ТАРТЫУ**» — «выдергивание прутьев».

5. Геродот писал, что скифы гадают и на липовом мочале, которое они раздирают натрое, перепутывают им пальцы и, разрывая, произносят предсказание. Параллелью к этому гаданию, по материалам М. Джуртубаева, служило балкарское гадание: кусок новой шестяной нити (шинтагы) складывали несколько раз с промежутками, образуя кольца, потом продевали в них конец нити и дергали за оба конца. Прорицание выносили в зависимости от того, сколько узелков образовалось на нити, или не образовалось ни одного, или нить обрывалась.

6. Из предыдущих обзоров мы уже знаем, что курганы были привнесены на Алтай пастушеским населением, занявшим все пригодные для кочевого хозяйства степные и горные долины. Промерзшие курганы Горного Алтая дают исключительно важные сведения для дальнейшего раскрытия нашей темы. Сравнение скифских древностей с находками на Горном Алтае тем интереснее, что скифские памятники здесь датируются VIII—VII веками до н. э., а значит, почти на два столетия древнее, чем в Северном Причерноморье. Обратимся к этим параллелям.

7. Известный скифский обычай сопровождать умерших чуть ли не табунами лошадей (до 360 останков лошадей в некоторых скифских курганах) существовал и у горноалтайцев. Огромное значение лошади в жизни горноалтайцев подчеркивается обязательным ее захоронением во всех могилах, независимо от возраста, пола и общественного положения захороненного (С. И. Руденко).

8. Хорошо известно, что войлок играл исключительно важную роль в быту скифов. Такое же место он занимал и в жизни горноалтайских племен того времени. В курганах скифского времени на Алтае найдено множество изделий из овечьей шерсти. Из нее катались настенные и растилавшие на полу черные и белые кошмы. Войлочными были все потники, чепраки и покрывки конских седел, а также самые разнообразные одежды: мужские кафтаны, чулки, головные уборы и т. п. Войлоком был покрыт пол в погребальной камере одного из курганов, а подошва одной из пар женской обуви из того же кургана была покрыта узором из бисера и кристаллов пирита. В такой обуви можно было ходить по полу, только устланному войлоком или коврами.

9. В горноалтайских курганах обнаружены сложной конструкции оборонительные щиты. Они были двух типов: большие и малые. Малые щиты прямоугольной формы (28×36 см) состоят из лоскута кожи с вплетенными в него в среднем 34 тщательно выструганными палочками. По краям лоскут кожи загнут на обратную сторону щита и там закреплен. На обратной же стороне щита сделана широкая петля из ремня, пропущенного с лицевой стороны. Такие щиты найдены во многих курганах Алтая. Щиты больших размеров были 53×69 см, в них вплетались до 52 выструганных палочек. Помимо кожи, связывающей палочки,

щиты скреплялись еще двумя поперечными палочками: одной внизу, другой — несколько отступая от верхнего края.

По свидетельству археологов точно такого рода щиты были типичным скифским оборонительным оружием. Такой именно конструкции щит мы видим в руках сражающихся скифов на золотом гробне греческой работы из кургана Солоха (С. И. Руденко).

10. Геродот описал скифский способ скальпирования врагов: вокруг головы на уровне ушей делался надрез кожи (кн. IV, 64). Точно такой способ скальпирования был обнаружен в одном из курганов Горного Алтая: прежде чем снять скальп с убитого, кожа спереди над лбом была надрезана от одного уха до другого, затем кожа была содрана с черепа (Второй Пазырыкский курган на Алтае).

11. В 71-й строфе IV книги Геродот пишет, что тело скифских вождей-базилевсов подвергалось бальзамированию. Для этого умершему разрезали живот, убирали внутренности и наполняли толченым купером, ладоном, семенами сельдерея и аниса, потом сшивали и покрывали воском. Во многих алтайских курганах обнаружен в деталях повторяющийся способ бальзамирования и мумификации трупов не только вождей, но и рядовых членов общества.

12. Исключительно ценные параллели обнаруживает погребальный обряд горноалтайских племен. Геродот писал, что тело умершего вождя скифы укладывали на повозку и возили от одного племени к другому. Кроме того, мы уже знаем с вами, дорогой читатель, что древнейшие погребальные повозки были обнаружены во многих курганах эпохи бронзы на юге Калмыцких степей, в Краснодарском крае у ст. Ново-Титарово, у с. Утамыш в Дагестане. Много погребальных повозок найдено в курганах Горного Алтая. Одни из них были очень тяжелыми телегами, другие более легкими, но сложными по своей конструкции, с многоспицными колесами. Первые повозки имели колеса высотой до 40 см, толщиной до 30 см. Такие колеса вращались на осях длиной до 3 м. Второй вид повозок имел очень высокие колеса — до 150 см. Повозки имели крытые кузова, на гнутых прутьях держался войлок, покрывавший повозку. Над платформой одной из повозок было по четырем углам закреплено по одному шесту, на которых были укреплены войлочные фигурки лебедей. Погребальные повозки рассчитаны на дышловою запряжку четверки коней.

13. Как мы отмечали, погребальные камеры древних «ямников», «срубников» и скифов представляли собой срубы, покрытые бревенчатым накатом, настилом из коры и пр. Такие же бревенчатые дома представляли собой погребальные камеры горноалтайских курганов. Площадь таких камер достигала до 40 м², высота до 4—6 м. Рубились эти срубы из толстых бревен, иногда камеры были покрыты войлоком, в других случаях перекрывались слоем спрессованных стеблей кустарника, порой несколькими слоями (до 40 слоев) бересты старых берез. Рядом с камерами укладывались штабелями трупы жертвенных лошадей (до 16 голов).

14. Скифы, как и древние срубники (Ново-Титареве, Утамыш), хоронили своих умерших на погребальных повозках в специальных колодах-саркофагах, выдолбленных из толстых стволов деревьев. Горноалтайские саркофаги-колоды сравнительно однотипны, но двух вариантов: с двумя и четырьмя парами проушин на концах колод для их скрепления. Колоды выдалбливались из продольно распиленных толстых бревен лиственницы. Часто колоды и их крышки оклеены полосками бересты, снятой с молодых березок. Крышки колод украшались различными рисунками из войлока, бересты, медными бляшками, нарезными изображениями животных. На одном из саркофагов были изображены четыре тигра, идущие один за другим. Под ними — изображения двух лосей, двух кабанов, трех горных баранов в различных позах.

15. Как известно, после похорон скифы совершали очистительные обряды. Геродот писал об этом следующее: «Окончив погребение, скифы очищают себя таким способом: головы они смазывают, а потом обмывают себе волосы; с телом поступают так: после того как они поставят три древка, наклоненные один к другому, они покрывают их шерстяным войлоком и, создав круговую защиту как можно лучше, бросают раскаленные на огне камни в посуду, поставленную внутри этого шатра... В Скифии произрастает конопля... И вот после этого скифы, взяв семена конопли, подлезают под войлок и раскидывают затем семена поверх раскаленных на огне камней; брошенное курится и получается такой пар (дым), что никакая уж эллинская парильня не превзойдет этого... Это служит им вместо омовения...» (кн. IV, 73—76).

По заверениям исследователей, «во всех Пазырыкских курганах нами были найдены связанные между собой сверху не три древка, как писал Геродот, но шесть древков... Эти шестиноги были расставлены над медными сосудами прямоугольной формы, на четырех ножках и в форме скифского котла на поддоне. Оба сосуда были наполнены побывавшими в огне камнями, в них же были обнаружены семена конопли, частично обуглившиеся... К древку одной из шестиног была привязана кожаная фляга с семенами конопли. Эта шестинога была покрыта кожаным покрывалом художественной работы, а другая — войлочным» (С. И. Руденко).

Все без исключения отмеченные детали скифо-алтайских параллелей почти без изменений находят ближайšie аналогии в культуре и быту многих средневековых кочевников евразийских степей: гуннов, половцев и др., почти полностью доживают до традиционной культуры тюрко-монгольских народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Кавказа и Алтая.

Для более наглядной иллюстрации соотношения культуры скифов с древними и средневековыми «катакомбниками», индо-иранскими народами и тюрко-монгольскими племенами обратимся вновь к таблице:

Скифы	Древние и средневековые катакомбники, индо-иранск. народы	Тюрко-монг. племена и народы
Курганная насыпь	— — —	+ + +
Погребальные повозки, срубы, колоды	— — —	+ + +
Захоронения лошадей	— — —	+ + +
Войлок в могилах и в быту	— — —	+ + +
Употребление кумыса конины	— — —	+ + +
Способ доения кобылиц	— — —	+ + +
Способ варки мяса	— — —	+ + +
Гадание на прутьях	— — —	+ + +
Бальзамирование трупов	— — —	+ + +
Способ скальпирования	— — —	+ + +

* * *

Приведенные в этом разделе факты позволяют сделать следующие выводы:

1. В исторической литературе о скифах незаслуженно забыты мнения и аргументированные доводы многих видных ученых прошлого о наличии среди массы «скифских» племен тюрко-монгольского элемента.

2. Нет в этой литературе и сколько-нибудь аргументированного отрицания присутствия среди этих племен представителей тюрко-монгольской расы. Этот вопрос попросту игнорируется.

3. Наличие среди «скифских» племен ираноязычного элемента отрицать невозможно. Оспаривается лишь утверждение о поголовном ираноязычии всех скифских племен.

4. Весь комплекс скифского погребального обряда (курганная насыпь, погребальная колода-саркофаг, захоронения лошадей, погребальные срубы) и бытовой культуры (доение кобылиц, употребление в пищу конины, кумыса и пр.) неразрывно сохраняется вплоть до наших дней в традиционной культуре тюрко-монгольских народов.

5. Тюркские языки находят прямые, совпадающие грамматические и семантически, параллели с языком скифов.

6. Бросается в глаза неправдоподобность массовой «забывчивости» всех без исключения индо-иранских народов, не унаследовавших ни одного специфически скифского элемента культуры.

7. Такую «забывчивость» не может оправдать ссылка на переход к оседлости бывших кочевых племен, вследствие чего якобы могли отпасть условия, необходимые для сохранения элементов прежнего образа жизни.

8. Подобная ссылка не оправдывает потому, что эти элементы культуры не сохранили следа даже в фольклорном наследии и словарном фонде ираноязычных осетин, считающихся «прямыми потомками» скифов.

9. Выводы Ф. Брауна, А. А. Нейхардта, А. П. Смирнова, И. В. Куклиной и других скифологов о том, что все основные вопросы истории скифов остаются дискуссионными, не потеряли своего значения и в наши дни. Проблема скифской истории и культуры требует тщательного, объективного, комплексного исследования с применением историко-сравнительного, культурно-типологического, ретроспективно-этнографического методов.

КТО ТАКИЕ АЛАНЫ И АСЫ?

Факты — это воздух ученого. Без них вы никуда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги.

И. М. Павлов

В широких кругах любителей истории Северного Кавказа большой интерес всегда вызывает указанный в заголовке вопрос. Аланы и асы сыграли огромную роль в истории многонационального Северного Кавказа. На протяжении 1000 лет, с IV по XIV век, эти племена расселились по Предкавказью, их археологические памятники изучены во многих районах края.

При беседах по этнокультурному наследию в таком густонаселенном регионе, каким является Северный Кавказ, с особым вниманием надо относиться к замечательным словам М. И. Калинина, которые он сказал в день образования братской семьи народов, входящих в состав Союза ССР: «С каким восторгом раскованные народы восстанавливают в памяти образы своих этнических и исторических героев. Каждый из них хочет как бы сказать всем народам СССР: «Смотрите, я являюсь не из чьей-то милости членом великого Союза народов, я не человек без роду и племени,— вот моя родословная, которой я горжусь, хочу, чтобы вы, мои братья по труду и по защите лучших идеалов человечества, полюбовались моей родословной». Именно поэтому требуется большой такт и уважение к историческому достоянию каждого из народов, в истории которого аланы и асы оставили заметный след. К такому подходу в оценке исторического прошлого советских народов нацеливают нас новейшие документы КПСС.

В каждой беседе по затрагиваемой теме непременно должна присутствовать мысль о том, что однобокое, предвзятое толкование историко-культурного наследия наносит ощутимый урон важному делу интернационального воспитания трудящихся, подрывает исторические корни многовековых этнокультурных контактов наших народов. Одним из примеров однобокого толкования является глубоко укоренившееся мнение, что аланы и асы — это один и тот же народ, говоривший на одном, иранском, языке. Предлагаемые материалы позволяют проверить на «прочность» тот научный багаж, на основе которого укоренилось такое мнение. Подобное тождество, высказанное 180 лет тому назад академиком

Г. Ю. Клапротом, никем и никогда не подвергалось сомнению, а после того, как 100 лет назад его поддержал другой академик — В. Ф. Миллер, идея стала чем-то вроде безукоризненной аксиомы, кочующей из книги в книгу без всякого анализа аргументов этих видных ученых. Накопленный с тех пор научный материал заставляет усомниться в непогрешимости названных исследователей. Обратимся к фактам.

Что означают слова АС и АЛАН?

Ответ можно начать с того, что этноним «ос» (Овс) впервые встречающийся в грузинских источниках, исследователи считают видоизменением «ас» и отождествляют его с этнонимом русских летописей «ясы» (В. А. Кузнецов). Однако надо иметь в виду, что эти слова ни на грузинском, ни на русском, ни на ирано-осетинском языках не имеют смысла. Следовательно, надо искать ответ на закономерный вопрос: может ли какой-либо народ именовать других такими терминами, которые отсутствуют в его словарном фонде, если эти термины не заимствованы? А если заимствованы, то надо искать — откуда.

Слово «ас» на тюркских языках имеет множество значений, но «из большого перечня значений старейшими являются: переходить, переваливать, перебираться через гору, возвышенность» (Э. В. Севортян). Можно отметить такие топонимы, как «Ас-пах-таг», что на хакасском означает: гора, имеющая перевал; или же вспомнить название знаменитого горного массива близ г. Алма-Аты «Ким асар²», означающее «Кто преодолет²».

На чувашском языке «ас» означает: беситься, шалить, озорничать. В таком же значении оно употребляется у балкарцев и карачаевцев применительно к шаловливому, непослушному подроску.

Встает вопрос: каким же образом термин «ас» превратился в этноним? На наш взгляд, на этот вопрос проливает свет одна древнетюркская легенда. После кровопролитного сражения был уничтожен весь древний род. Чудом оставшемуся в живых мальчику враги отрубили руки, ноги и выбросили в реку. Его спасла волчица, унесла в горы Алтая и родила от него несколько сыновей. Род этот постепенно разросся, и из пещер Алтая в долину переселился род одного из сыновей, именовавший себя «Асян». Этот термин состоит из двух слов: «ас» и «ян». Смысловый перевод его с тюркских языков означает: «сторона горного перевала», «душа горного перевала». В любом случае этноним очень близок к понятию «горец», «горцы». Так из географического термина «ас» родился этноним, как, например, от слова «тау» — гора происходит «географическое» самоназвание балкарцев — «таулу». Следовательно, этноним «ас» восходит к понятию «горный перевал», «переваливать через горы» и легко увязывается с тем, что говорили о своем происхождении сами древние тюрки — о горных массивах Алтая, перевалив которые, они очутились на равнине.

Вполне возможно и другое объяснение: от слова «озорничать», «беситься», т. е. быть непокорным, непослушным, по аналогии употребления термина «ас» в чувашском и карачаево-балкарском языках. Для полноты ответа надо сказать и о том, что в этнониме «асян», «ашин» отразился и тотемный волк древнетюркского рода. Эти слова на арабском языке означают «благородный волк», а, согласно китайским источникам, у тюрков слова «хан» и «волк» — суть синонимы. Древние тюрки нередко говорили, что «хан по своим свойствам есть волк».

При разъяснении слова «алан» ученые, как правило, ограничиваются упоминанием мнения В. И. Абаева о том, что это слово есть не что иное, как авестийское «арйа», т. е. «арийский», или же точкой зрения Г. Вернадского, возводящего «алан» к древнеиранскому «елен», т. е. олень. Эти точки зрения весьма оригинальны, но беда в том, что из множества античных, византийских, арабо-персидских, армянских и грузинских авторов ни один не сохранил за аланами подобные имена — «арйа» или «елен». Наоборот, все без исключения сведения, исходящие из уст современников алан, неизменно именуют их только термином «алан», ни разу его не исказив.

Возникает и другое препятствие. Дело в том, что В. И. Абаев декларативно приписывает древнеиранскому языку отсутствующее в нем слово «сака» для обозначения того же оленя. Видимо, иранист должен был выяснять свои отношения с мнением Г. Вернадского, прежде чем вводить читателей в заблуждение многочисленными натяжками в этимологиях скифо-аланской ономастики посредством мифического «древнеиранского» слова «сака» (В. И. Абаев).

Необходимо попытаться найти более достоверное и правдоподобное толкование термина «алан». Попытки карачаевских авторов связать его с термином «оглан» или «улан» также неубедительны.

На алтайском, татарском, турецком языках слово «алан», «йалан» означает: долина, опушка, поляна и, вероятно, восходит к тюркскому корню «ал», т. е. «низ» (Р. А. Агеева). Словообразовательный аффикс «ан» (варианты: «нан», «гъан», «дан») во многих тюркских языках указывает на привязанность, принадлежность к чему-либо или кому-либо. Отсюда можно предположить, что слово «алан» применительно к населению означает понятие: «долинный», «равнинный», а в буквальном смысле — «из низины», т. е. степняк, степной. Аффикс «ан» присутствует и в термине «асян», указывая на привязанность к горе, возвышенности, перевалу.

Таким образом становится возможным предположить, что два тюркских географических термина «ас» и «ал» послужили основой образования двух этнонимов — асы и аланы. В таком случае могут оказаться близкими к истине и слова Аммиана Марцеллина, автора IV века, что название народа алан происходит от названия гор, и точка зрения Э. Шерпантье, К. Мюлленгофа о том, что

«название народа алан происходит от названия горного массива на Алтае». Как видим, взгляды этих ученых совпадают с тем, что говорилось о роли алтайских гор в легендарном происхождении древнетюркских племен. Важно учитывать, что эту точку зрения высказал и поддерживал К. Мюлленгоф, один из ярых сторонников прапоязычности алан.

Со своей стороны можно лишь добавить, что не исключена возможность того, что этноним «алан» происходит не от названия гор, а что он был дан горцами Алтая населению, покинувшему горы или жившему в долинах, тем самым противопоставляя асоворцев и алан-степняков.

Как часто это бывает в истории, вероятно, покинувшие горы и расселившиеся в долинах асы быстро начали смешиваться с иными этническими группами. А это в конечном итоге ведет к языковой и этнокультурной ассимиляции. На равнине этот процесс идет значительно быстрее, чем в горах. Собственно говоря, на этот процесс откровенно намекают китайские источники, повествующие о том, что асы, переселившись с гор на плоскость, «сделались подданными жужжаней и стали плавить для них железо» (Н. Я. Бичурин). Можно добавить, что подданными народ никогда не становится без военного насилия и притеснения. Не об этих ли военных столкновениях с некими степными асами многократно говорят древние надписи тюрков, живших на берегах Орхона и Енисея?

Что говорили об АСАХ и АЛАНАХ древние авторы?

Аланы и асы на исторической арене появляются одновременно и примерно в одних и тех же районах, где ранее обитали скифо-сарматы. У Аннея Лукана и Сенеки повествуется, как в 65 году до н. э. Помпей при своих походах в Закавказье сталкивается с аланами. На рубеже двух эр Дионисий соединяет алан с даками в устье Дуная. Страбон в 18 году н. э. писал, что «самые северные племена, занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, называются роксоланами». В 72 году н. э. Плиний также размещал аланов «подле роксоланов к северу от устья Дуная». Кроме того, он говорил, что «к северу от Истра вообще все племена считаются скифскими», и среди них перечислял аланов и роксоланов.

Поэт I века н. э. Валерий Флакк помещает аланов на Кавказе, рядом с гениохами (т. е. кучерами). Он же называет их правителя по имени *Анавси* (очень близкое к балкаро-карачаевскому *Оноучи* — руководитель, советник, распорядитель). Современник Флакка и коллега по перу Лукиан писал, что Боспорский царь Левканор был женат на аланке по имени *Мастира*, братья которой жили в Алянии. Выдающийся античный картограф Клавдий Птоломей (120—170 годы н. э.) писал, что «заселяют Сарматю (Европейскую) очень многочисленные племена», в числе которых указывал: «...по всему берегу Меотиды — язуги и роксоланы; за ними далее в глубь страны — гамаксобии (кибиткожите-

ли. — *И. М.*) и скифы-аланы». Профессор Ю. Кулаковский считал, что в этом отрывке Птоломея термин «алан» не носит понятия отдельного народа, а используется как приставка к имени скифов. В связи с этим очень интересна такая же приставка к имени сарматов у автора IV века Маркиана — «алан-сармат».

Если признать мысль Ю. Кулаковского, а сомневаться в его знаниях первоисточников трудно, есть возможность предположить, что в упомянутых терминах «скиф-алан», «алан-сармат» (с учетом отмеченных выше значений слова «алан»), можно видеть степных, равнинных скифов и сарматов, т. е. кочевых подразделений этих племен.

В своем описании «Европейской Сарматии» Птоломей, определив ее восточные границы рекой Танаис (Дон) и берегами Меотиды (Азовское море. — *И. М.*), уточняет месторасположение так называемых «Аланских гор», по соседству с которыми размещались у него аланы и гамаксобии. К. Мюлленгоф и И. Томашек видели в горах южные отроги Уральского хребта, а Гильом Рубрук в 1256 году определенно намекает на то, что Аланские горы — это Западный Кавказ.

Хотя еще во времена Лукана римляне знали алан как народ прикавказский и Валерий Флакк в поэме «Аргонавты» называл их народом Кавказским, все же наиболее конкретные сведения об участии алан в кавказских событиях имеются у Светония, Диона Кассия, Иосифа Флавия и Аммиана Марцеллина.

Светоний (75—100 годы н. э.) писал, что парфянский царь Вологез III просил римского императора Виталиана (69—79 годы н. э.) прислать ему на помощь войска против вторгшихся алан. А Дион Кассий, описывая события 135—136 годов, сообщает, что иберийский царь Фарасман II подговорил аланов напасть на Мидию против парфянского царя Валарша (Вологеза?) и пропустил их через свои земли. Набег этот был главным образом на Мидию, пишет В. Ф. Миллер, но так как римляне предприняли ряд военных операций в Каппадокии (Малая Азия), то боязнь римского войска спасла Армению и Каппадокию от разграбления аланами. Аланы вынуждены были отступить в свои земли, пользуясь огромными дарами, которыми их осыпал Вологез/Валарша.

Более полные сведения об участии аланов в событиях Закавказья оставил Иосиф Флавий (37—100 годы н. э.). Он писал, что в 68—71 годах аланы, «живущие вокруг Танаиса и Меотийского озера, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию (Иран и Азербайджан. — *И. М.*) и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем Иркинцев, ибо он владел проходом, который Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться, ибо и царствующий в этой стране Пакор, убежав от страха в неприступные места, отступился от всего остального и лишь с трудом выкупил сотнею талантов жену и наложниц, попавших в плен. И так, про-

изводя грабеж с большою легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая. Царем Армении был Тиридат, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя; именно, некто издал набросил ему на шею аркан и готовился уже притянуть его, если бы он не успел, перерубив мечом веревку, убежать. Аланы, еще более рассвирепели вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств» (В. В. Латышев). Поскольку Иосиф Флавий довольно точно знает места обитания алан в устье Дона и у Азовского моря, значит домой они вернулись именно в эти места.

Не совсем ясным остается вопрос о том, где локализовать «Железные ворота». Дело в том, что такими воротами древние авторы называли и Дербентский проход, и проход Бузгала (Ледяная крепость) в юго-западной части Гиссарского хребта. Последний в древнетюркских надписях VII—VIII веков именуется «Темир-капу», т. е. Железные ворота, точно так же именовали тюркские народы и Дербентские ворота.

О расселении аланов на территории Предкавказья рассказывает Аммиан Марцеллин (род. в 330 году н. э.). Вот как он описывает события 353—378 годов, касающиеся покорения аланских племен гуннами: «Вокруг этих болот (Меотиды. — *И. М.*) живут разные по языку яксаматы, меоты, языги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны, агафирсы и другие неизвестные вследствие того, что живут вдали от всех... Семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий, которая возбудила воинственную ярость... послужила, как нам известно, следующая причина: Племя гуннов живет за Меотийскими болотами у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости... Их потому называют самыми яростными воителями, что издревле сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашном рубятся очертя голову, уклонясь от ударов, набрасывают на врага аркан и опутывают... (вспомните, как аланы набросили аркан на Тиридата. — *И. М.*). Этот подвижный, неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до аланов, прежних массагетов. Раз коснувшись их, нелишне будет объяснить, откуда они происходят и населяют земли, показав при этом запутанность географической науки. Истр (т. е. Дунай. — *И. М.*) со множеством притоков течет мимо земли савроматов, простирающейся до Танаиса, составляющей границу между Азией и Европой. За нею тянутся бесконечные степи скифов, населенные аланами, получившими свое имя от гор. Они мало-помалу постоянными победами изжили соседние народы и распространили на них свое имя подобно персам». Далее Аммиан Марцеллин рассказывает, что аланы были некогда разделены «по обеим частям света. Их владения приближались к Азиатским землям и простирались, как я узнал, до самой Ганги, пересекающей Индийские земли и впадаю-

щей в южное море. Однако с течением времени они приняли одно имя и теперь вообще называются аланами за свои обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение». А прежде, повествует автор, они представляли множество племен и, «живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывали на огромные пространства». Описав способ перекочевки с места на место, пастушеский образ жизни алан, Аммиан говорит, что аланы «во всем похожи на гуннов и по варварскому обычаю втыкают меч в землю и поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют». Этот варварский обычай, перенятый аланами, очень напоминает скифский и гуннский обычай поклонения мечу.

Как и многие другие авторы, Аммиан Марцеллин не считает алан только одним в языковом и этническом отношении народом, а признает за термином «алан» собирательное, географическое понятие. К такому же выводу пришел в свое время крупнейший знаток истории алан профессор Ю. Кулаковский. Он писал: «...считаем вероятным, что национальное имя алан имело в ту пору очень широкое распространение и обнимало кочевые племена по обеим берегам Танаиса». Этот вывод и в наши дни признается подавляющим большинством ученых. Мнению Марцеллина придавали большое значение Н. Нейман, К. Мюлленгоф — известные сторонники ираноязычности алан.

Почти у всех перечисленных авторов I—II веков наряду с аланами примерно в тех же районах отмечаются и асы. Страбон писал, что среди скифских кочевых племен на Яксарте (Сыр-Дарье.— И. М.) живут племена асии. Есть у него упоминания и о племени ассиак, аттасии, которых исследователи отождествляют с средневековыми асами (В. А. Кузнецов).

В середине I века поэт Лукан писал, что асы — это скифское племя, живущее у Танаиса и Меотиды, а Плиний отмечает в 72 году асииев в устье Дуная, где размещал и алан. У Птолемея значатся племена ассиаи, так же расположенные у Танаиса и Меотиды, т. е. там же, где он размещал и алан.

Из этих фактов становится очевидным, что племена аланов и асов в первых же ранних европейских источниках размещаются в одних и тех же местах — у берегов Танаиса и Меотиды, в устье Дуная и в Предкавказье.

По мнению ряда ученых, асы античных источников — это усунь и китайских авторов (Н. А. Аристов). В таком случае весьма уместно напомнить, что родоплеменные группы асов и усуней сохранились в различных подразделениях современных ногайцев (И. Х. Калмыков, Р. Х. Керейтов, А. И. Сикалиев). Эта информация приобретает особое звучание в сопоставлении с тем, что «потомки усуней в западном Тянь-Шане и поныне именуют себя кыргызами» (Н. А. Аристов). В связи с этим необходимо вспомнить упоминавшуюся древнетюркскую легенду о тюрках — асах. Л. Н. Гумилев полагает, что описанные в ней события относятся к кровопролитной войне гуннов в середине или в конце I века н. э.

А, как известно, один из сыновей мальчика-гунна и волчицы был родоначальником кыргызов Енисея и Абакана.

Если признать правильным мнение Л. Н. Гумилева о том, что описанные в древнетюркской легенде события могли относиться к войне гуннских племен, то получается, что асы — это потомки того легендарного гуннского мальчика и представляют, по этически переработанным представлениям тюрков, одно из подразделений гуннов. Вероятно, поэтому вместе с массовым движением гуннов на запад становятся известными Страбону, Плинию, Птоломею и другим античным авторам имена племени асов в форме «ассиак», «аттасии», «асии» и т. п.

Гонимые воинственными гуннами степные, кочевые племена, обитавшие в «аланье», т. е. в долинах, получили со временем в устах их современников название «алан», которое стало в письменных источниках их этнонимом.

Примерно так могло сложиться образование этнонимов «алан» и «ас».

Мощные события рубежа нашей эры, связанные с разделением гуннов на восточных (эфталитов) и западных (кидаритов), активные военные действия предводителя и объединителя гуннов Модэ, образование могущественного объединения в степях Приаралья и Сыр-Дарьи — все это вызвало большие этнические перетасовки, в движение пришли все обитатели евразийских степей. Результатом и последствием великого переселения народов могли быть зафиксированные в X веке на Иртыше племена Ас-киши, Аш-дигоры VII века на Северном Кавказе, тюркоязычные асы в Крыму, на Западном Предкавказье и у Дарьяльского прохода в XIV веке.

Теснимая с насиженных мест у берегов Сыр-Дарьи и Арала многочисленная пестрая масса племен сако-массагетского круга устремляется на европейские равнины. Сюда проникает множество кочевого населения. Для европейцев, и особенно для эллинов, все они по сходству нравов, хозяйственного уклада, способу передвижения на повозках, с массой скота и прочего скарба, были одинаково варварами. Все они по старой памяти скифо-сарматского времени именовались «номады» — кочевники, «кибиткожители» (гамаксобии), «гениохи» (кучера) и пр.

В связи с этим положением все еще остается неразработанной проблемой и ждет своего исследователя один интересный момент: когда Иосиф Флавий и Аммиан Марцеллин называют аланов «прежними массагетами», то этого, порой, отдельным авторам достаточно, чтобы признать «ираноязычное» родство скифов и аланов. А когда Дионисий Периегет (90 год н. э.), Клавдий Клавдиан (395 год н. э.), или Приск Панийский (V век), Зозим (V век) называют гуннов скифами, то здесь многие ученые пытаются объяснить этот факт тем, будто бы древние авторы объединяли их исключительно только по образу жизни, кочевому быту, и ни в коем случае не допускают мысли об этноязыковом родстве гун-

пов и скифов. Вот этот феномен еще нуждается в тщательном и всестороннем изучении.

Теперь вернемся к событиям, связанным с аланами и асами на Кавказе. Аланы и асы расселяются на Кавказе одновременно. Мы уже отмечали, что аланы в I веке участвуют в больших закавказских событиях. Грузинские источники повествуют об участии в этих событиях и асов. Как правило, они именуется здесь термином «овс», в основе своей восходящим к этнониму «ас» (Леонти Мровели, В. А. Кузнецов).

В древнегрузинских хрониках повествуется, как в 70-е годы I века цари Азорк и Армазел призвали на помощь в борьбе с армянами овсов во главе с их предводителями по имени Базук и Анбазук. Имена этих богатырей на тюркских языках означают «Толстый» и «Наитолстый» и тем самым оправдывают их богатырскую силу, которую отмечали источники.

В 182—186 годах овсы предпринимают вторжение в Грузию с целью взять город Мцхети. Интересно, что в этой войне упоминается битва царя Амзаспа с богатырем овсом по имени Хуан-ху.

В 262—265 годах грузинский царь Асфагур открыл ворота Кавказа (вероятно, Дарьяльский проход) и пропустил овсов, леков и хазар, чтобы вместе с ними воевать против персов (В. Ф. Миллер).

Очередное нашествие овсов/осов на Грузию было совершено при малолетнем царе Вахтанге Горгасале (446—499 годы). Когда ему было десять лет от роду, напали овсы и угнали много пленных, и в их числе его трехлетнюю сестру Михрандухт. Совершив свое опустошение, они вернулись к себе через Дербентские ворота (а не через Дарьял), что свидетельствует о том, что земли овсов были севернее Дербента. В те же районы помещает царство гуннов и их столицу Варачан Мовсес Хоренаци, автор V века.

Через шесть лет юный Вахтанг снаряжает огромное войско и идет на овсов. Преодолев Дербентский проход, Вахтанг разгромил войска овсов, забрал свою сестру, выменяв ее на 30 тысяч плененных им овсов. Исследователи единодушны в том, что овсы, воевавшие с Вахтангом,— это гунны Северного Кавказа V века. Кроме того, они считают, что вторжение овсов в Грузию в точности совпадает с событиями о походе гуннов в Закавказье и Переднюю Азию во времена Приска Панийского.

Один из добросовестных авторов V века, неоднократно гостивший в ставке гуннского царя Аттилы, специалист по кочевническим вопросам римской дипломатии,— Приск подробно описал поход гуннских витязей Басиха и Курсиха через кавказские перевалы и их обратный путь через Дербентский проход. В его сообщениях особенно важно, что указанных предводителей-гуннов он называет скифами «из царского дома». Со своей стороны, нам хотелось бы высказать предположение, что имена Басих и Базук представляют собой одно и то же имя гуннского воителя. В контексте с сообщениями Приска приобретают еще большую силу слова Прокония Кесарийского, писавшего в 527 году, что Дарьяльским проходом до 507—508 годов владели гунны под предводительством

Амбазука. Встает вопрос: не эти ли имена и события зафиксированы во «Вставке» в хронику Леонти Мровели?

В VI веке учащаются сведения о кавказских аланах, особенно о прикубанских. Прокопий Кесарийский помещает их между сванами, абхазами и гуннами Терско-Кумских степей, владевших Дербентским проходом. В 558 году через земли этих аланов проходил византийский посол Земарх, возвращавшийся от восточных тюрков после переговоров с их царем Дизибулом. Царем верхнекубанских алан в эти годы был Саросий. В 576 году аланы Прикубанья были разбиты и подчинены тюркам, а в 40-х годах VII века на Кубани образовалось государство болгар, т. н. «Держава Кубрата». После этих событий почти на целое столетие аланы исчезают со страниц письменных источников.

Судя по археологическим памятникам, они покидают районы Прикубанья и Кавминвод и сосредоточиваются в бассейне Терека, на Центральном Предкавказье. В Прикубанье остаются небольшие островки «алан — носителей земляных катакомб», известные нам по могильнику Мокрая Балка, Байтал-Чапкан и некоторым другим, еще не до конца изученным захоронениям VII—VIII веков.

«Армянская география» VII века довольно четко очерчивает территорию алан в центре Северного Кавказа. В этом документе сказано: «За дигорами, в области Ардоз кавказских гор, живут Аланы». В. Ф. Миллер отождествил область Ардоз с Владикавказской равниной. По данным письменных и археологических источников, устанавливается, что с VII века на Западном Предкавказье, включая районы верховьев Кубани, Малки, Баксана, по соседству с абхазо-адыгами жили асы, а восточнее, по соседству с вайнахскими племенами — предками чеченцев и ингушей, в бассейне Терека, т. е. примерно в «области Ардоз», обитали аланы. В этом районе получила концентрацию и развитие эталонная аланская археологическая культура, так называемый «восточный вариант аланской культуры» (В. А. Кузнецов).

В период господства болгар и хазар в VII—IX веках имя алан редко фигурирует в письменных источниках. Есть, например, сведение Феофана о том, что посол Юстиниана II по пути в Абхазию посетил аланов, царем которых в то время был некий Итас.

В IX—X веках имя аланов вновь начинает пестрить в сообщениях византийских и арабских авторов. Эти известия хорошо освещены в литературе (В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов). Мы хотим напомнить одно сведение Мас'уди (985 год), на которое, как нам кажется, не обращено еще серьезного внимания. Речь идет о его словах о том, что «царство алан представляет непрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и так сказать переплетению хуторов». Это сведение часто цитируется, но исследователи не обратили внимания на тот факт, что в них явно дается намек на то, что аланы жили в предгорьях и на равнине. В горах такое размещение поселений невозможно. О том, что аланы во времена Мас'уди действительно жили на равнине, говорят

его следующие слова: «Между царством Аланов и горами Кабх есть крепость и мост, перекинутый через громадную реку. Эта крепость называется «Крепость Алан»... Там размещается стража для защиты от аланов дороги к горам Кабх». Н. А. Караулов, комментируя эти слова, пытается доказать, что эта крепость идентична башне у Дарьяльского прохода. Его мнение нашло отражение в литературе, хотя сам Мас'уди совершенно однозначно пишет, что в этой крепости размещалась стража для охраны от аланов дороги к горам. В другом месте своего трактата автор подчеркивает, что крепость эта находилась в устье большой реки, в которой трудно не узнать Терек. Вот его слова: «Большая река по имени Курк-руд, что означает Волк-река, принимает в себя все воды, стекающие с гор Кабк, и впадает в море недалеко от Баб-уль-Аббаба. Большой мост пересекает ее устье — замечательное сооружение, подобное мосту Санджа». Один из рукавов Терека до сих пор именуется Б е р ю ч ю к, т. е. Волчонок.

В сообщениях арабского автора бросается в глаза и такой факт: река Терек сопровождается определителем «руд», как и реки в Иране, Афганистане, а не термином «дон».

В XI—XII веках имя асов все чаще начинает фигурировать в русских и грузинских документах. Между асами Северного Кавказа и царствующими дворами Грузии устанавливаются тесные родственные связи, заключаются династические браки. Видным политическим деятелем асов, поддерживавшим тесные политические связи с Грузией и Византией, был асский царь Дургулель Великий. Грузинский царь Баграт IV (1027—1072) был женат на сестре Дургулеля, княжне Борене. На дочери Баграта и Борене — Марии женился византийский император Михаил Дука.

Царь Грузии Георгий III (1156—1184) был женат на прекрасной Бурдухан — дочери асского царя Худдана.

Русские летописи одиннадцать раз упоминают асов/ясов. В этих сообщениях интересно, что князь Андрей Боголюбский был женат на ясыне родом из болгар. У этой ясыни и Андрея Боголюбского родился сын — Юрий. После смерти отца Юрий был вынужден бежать из Киева на Северный Кавказ к родственникам своей матери — к кипчакам и хазарам (П. Бутков). Здесь, на Кавказе, Юрий женится на дочери Георгия III и Бурдухан — царевне Тамар, которая после смерти отца села на царский престол в Грузии. В Грузии Юрий был переименован в Георгия, брак его с Тамар был недолгим, всего несколько лет (с 1185 по 1187 год). В 1189 году Тамар вторым браком выходит замуж за Давида Сослана — сына асского царя. Давид воспитывался при царском дворе Грузии у бездетной тети Тамар — асской принцессы Русудан, т. е. у сестры Бурдухан.

В 1222 году аланы в союзе с кипчаками/половцами первыми из народов Восточной Европы испытали на себе удары монголо-татарских полчищ. Ибн-аль-Асир рассказывает, как монголы обманым путем расторгнули союз аланов и кипчаков, а затем раз-

грабили их по отдельности в степях Предкавказья, Подонья и в Крыму.

В XIII — XIV веках, как и прежде, на протяжении более тысячи лет, аланы и асы живут в тесном соседстве в горах Центрального Кавказа, в Крыму, Подонье. В XIV веке асов-тюрков в Крыму, Западном Предкавказье и у Дарьяльского прохода знают выдающиеся арабские географы Инб-Саид и Абу-л-Фида. В горах Балкарии и Карачая отмечают асов в 1395—1396 годах. Знают об этом и летописцы Тимура. По словам Шереф ад-Дина Йезиди и Низам ад-Дина Шами, отряды войск Тимура вели очень длительную борьбу с «правителями народа асов» в горах Эльбруса (Г. Тизенгаузен).

Интересные сведения об асах Подонья, Приазовья и Волжской Болгарии содержатся в русских летописях. Так, Ипатьевская, Воскресенская, Троицкая, Киевская и другие летописи под 1116 годом повествуют, что князь Ярополк Владимирович «ходи на половецкую землю к рече зовомой Дон и ту взя полон землю, грады Суоров, Шарукан и Балин... и приведе с собой ясы и жену полони ясыню красну вельма». В этом сведении нельзя не обратить внимания на тот факт, что русский князь **ходил войной на половцев/кипчаков**, разгромил их города, а в плен привел асов и жену себе полонил ясыню.

В связи с этими фактами уместно напомнить, что монголы, по словам Г. Рубрука, кипчаков, живущих на Дону и Донце, называли а к - а с а м и (П. Бутков). Если к этим сведениям добавить, что жена Андрея Боголюбского была «ясыня родом из болгар», то нельзя не допустить, что древние асы-гунны входили составной частью в этническое объединение болгарских племен, а затем, при господстве в Южно-русских степях кипчаков, влились в их состав, как, впрочем, и все другие тюркские племена бывшего Хазарского каганата. Такие явления — вполне реальная историческая закономерность. Имя скифов позднее покрывалось именем савроматов и сарматов, а те, в свою очередь, были поглощены именем аланов, имя гуннов было заслонено их потомками болгарами, а те, покорившись хазарам, перестали фигурировать в письменных источниках. Прежние родовые или племенные имена, поглощенные более сильными и политически более активными племенами, лишь изредка могли всплывать на поверхность исторических событий и документов.

Значительные переселения половцев/кипчаков в Венгрию были в 1237 году под предводительством хана Котяна и позднее, в 1241 году. Венгерские летописцы, описывая эти переселения, называют половцев — Куманы, Куны. Сербский архимандрит Рувариц писал, что, гонимая татарами, «вместе с Половцами или Куманами пришла и толпа Ясов из Молдавии в Венгрию, и что от них происходят те, которые называются в грамотах и законах венгерскими «яссонес» и почти всегда упоминаются заодно с Куманами». Земли, где расселились эти куманы в Венгрии всегда значатся вместе с яссами, входят в одну административную единицу и

именуются одним и тем же этническим названием «Яскунок», г. е. Ясс-Куман (Ю. Немет). В контекст этих сведений весьма удачно вписываются события, связанные с борьбой между сыновьями Ногая — Текой и Джекой. Как повествуют Пахимер и Рукнеддин Бейбарс, Джеке после неудачи бежал в свои владения на Дунае «в страну асов», где находился предводитель его 10-тысячного войска (Г. Тизенгаузен, Ю. Кулаковский).

В Молдавии имя асов закреплено в названии города Яссы, в названии области или «господства» Яшко. В жизнеописании архиепископа Даниила II (1323—1337) упоминается: «Яси или език яшьски в товариществе с Татарами и Турками. И как език яшьски около 1313 года помогал кралю Милутину (сербскому королю. — *И. М.*) против его неприятелей, так точно в 1330 году мог сражаться за царя болгарского против кралея сербского». Дело в том, что в 1330 году против сербского короля была создана коалиция венгерских, болгарских, молдавских и других князей. В связи с этим Копривицкая летопись под этим годом сообщает: «В лето 6838 (1330 год.— *И. М.*) изиде начальник скифский глаголемый Михаил царь, с силою мноюю, и с ним окрестные езицы, глаголю же Татари, Басараби с прочими...» Очень важно заметить, что в «Краткой истории болгарского народа» этот Михаил-царь назван болгарским царем. Так же именуют его и другие исторические документы, в т. ч. и указанная летопись. Следовательно, налицо отождествление понятий: скифский и болгарский.

Из приведенного обзора становится очевидным, что этнонимы «алан» и «ас» появились в письменных источниках в одно и то же время — на рубеже первых веков. Оба народа на протяжении 14 веков жили в тесном общении и постоянном соседстве и в Подунавье, и на Алтае, и на Кавказе, и в Южно-русских степях.

Что мы знаем о языке, ономастике и топонимике алан?

Многочисленные средневековые авторы, жившие во времена аланов, близко их знавшие, оставили достаточное количество сведений об их образе жизни, нравах и местах обитания, но ничего буквально не сказали об их языковой принадлежности. Все, что нам преподносится об их языке, строится на ирано-осетинской этимологии отдельных аланских личных имен и терминов, содержащихся в нескольких документах.

Но в последние годы выдвигаются весьма серьезные тюркские альтернативы ирано-осетинским толкованиям этого материала (В. И. Абаев, М. А. Хабичев, М. З. Закиев, А. М. Байрамкулов, Х.-М. И. Хаджилаев, С. Я. Байчоров, И. М. Мизиев, Б. Мусукаев и др.).

Для наглядности можно привести хотя бы некоторые явно тюркские имена аланов, которые с ирано-осетинского языка либо вовсе не объясняются, либо объясняются с невероятными натяжками. Вот всего несколько иллюстраций к сказанному:

аланские	по В. И. Абаеву	тюркск.-балк.
А л д а	Встречается в осетинском фольклоре	Вперед, Передовая, т. е. Предводитель
А д д а х	— — —	Обет, Обещанный
А с п а р	«Асп» — лошадь, конь	Гордый, Благородный
Б а з а	«Базу» — плечевая кость	Сила, Мощь, Опора
Б у ю р г у р	«Бева» — много, «корун» — правящий	«Буюр» — приказывать, «Буюргур» — Повелитель
Е о х а р	«Ей» — есть, «хвар» — про-со, т. е. Просоед	«АВ» — один из родов огузов, «Гур» — народ, племя. Эпоним огузского рода
К а н д а к	«Кан» — конопля, Холст, Холщевый	«Кан/Хан» — князь; «Кандык» — Будущий хан
Х а с к а р	— — —	«Каскыр» — волк

Возможно, и приведенные тюркские значения могут вызвать отдельные возражения, но вполне очевидно, что они представляют более правдоподобное смысловое соответствие именам царствовавших особ, нежели «просоед» или «Холст». Сомнительно, чтобы утопавший в роскоши аланский царь V века Кандак мог носить имя «Холщевый».

В европейских местах обитания аланы оставили о себе память на картах XIII века более 20 топо-гидронимов, содержащих явный термин «алан». Поэтому определенный интерес вызывает тот факт, что на территории основной интеграции аланских племен в осетинский народ — в Северной Осетии мы не имеем ни одного топонима, содержащего этот этноним.

Когда речь заходит о языке алан, как правило, ученые ссылаются на так называемое аланское приветствие византийского поэта и писателя Иоана Цеца (1110—1180). Выдающийся поэт своего времени передал аланское приветствие в поэтической форме. Этот факт признается всеми учеными. Следовательно, можно предполагать, что буквальный перевод, как правило, бывает далеко не связанным текстом. Так получилось и в данном случае. Для эпохи XII века приветствие звучит довольно странно: «Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты? Тебе не стыдно, госпожа моя?» Надо полагать, что подобное приветствие, вероятно, было последней фразой в жизни того самого алана, который так опрометчиво приветствовал свою повелительницу. Видимо, так искажена фраза из-за дословного перевода.

Это приветствие осетиноведы считают неоспоримым свидетельством того, что аланы были ираноязычными, так как пытаются объяснить его из ирано-осетинского языка. Нам уже приходилось писать, что, пытаясь подогнать текст приветствия к осетинским

терминам, ученые прибегают к очень большим искусственным вариациям. Однако текст Иоана Цеца все еще нуждается в тщательном изучении. Достаточно обратить внимание на следующие прямые параллели, чтобы убедиться в этой необходимости:

Иоан Цец	В. И. Абаев	тюркск.-балк.
Та	«Та» — твой	— — —
Пан	«Бон» — день	— — —
Мас	«Ма» — мой, моя	«Маз(д)» — величие, благо- родство; «Мазаз» — поклонение, по- клоняющийся
Фули	«Эфсин» — хозяйка, госпожа	«Вали» — правитель; пове- литель; «Фал» — предзнамение
Конна	«Хсина», «Эхсина» — госпожа	«Хоина» — расположенный где-то, откуда-то
Хотн	— — —	«Хатын» — госпожа
Хос	«Хорз», «хварз» — хороший, добрый	«Хош» — добрый, хороший, приятный, радушный
Кордин	«Кордигай кайфисэ» — отку- да ты идешь	«Кординг» — увидел
Фарнетчу	«Фарн» — благодать (части- ца «тчу» — не объяснена)	«Фэrr» — блеск, великоле- пие, пышность, изумительная прелесть (частица «тчу»/«чу» — указывает причастность).
Каитериф	— — —	«Каитарыф» — вернув об- ратно, вернувшись, вновь
Кинжи	«Кинзэ», «чунз» — невестка, молодуха	«Кенже/Генже» — молодуха, молодая, младшая
Оюнгнге	— — —	«Оюнгнге» — карачаево-бал- карская идиоматическая фраза: «Как же так? Что могло случиться? Ну что же?» и т. п.

Приведенные сопоставления не нуждаются в особых коммента-
риях. Они показывают, что ирано-осетинскими здесь могут быть
только два первых слова. Вряд ли по одному этому всю фразу
правомерно считать ирано-осетинской. Очень соблазнительное
«Фарн», искусственно вычлененное из слова «фарнетчу», имеет та-
кую же альтернативу с тюркских языков и вполне соответствует
приветствию господина или госпожи: «блеск», «великолепие» и пр.

Наличие в подавляющем большинстве прозрачных тюркских

слов, особенно идиоматической фразы «юнгнге», которая оставалась вообще не понятой учеными, да и самим поэтом переданная «как тебе не стыдно», дает полное основание считать фразу Иоана Цеца тюркской. Нет никаких аргументов, чтобы считать этот документ аксиомой для утверждения ираноязычности алан.

Вторым письменным источником, считающимся у некоторых ученых неопровержимым фактом ираноязычности алан, является так называемая «Зеленчукская надпись». Надпись была высечена довольно глубокими и четкими буквами на каменной плите высотой 2,8 м. Она была найдена в 1888 году Д. М. Струковым на древнем городище в верховьях Зеленчука, известном карачаевцам под названием «Эски-Джурт» — Старая Родина, а в литературу вошедшем как городище «Верхний Архыз».

Текст плиты написан греческими буквами на каком-то туземном языке. Расшифровкой этой надписи занимались многие ученые, однако в осетиноведении признается только чтение В. И. Абаева. Имеющиеся альтернативные прочтения с кабардинского, вайнахского, карачаево-балкарского языков уже сами по себе не дают возможности считать эту надпись безукоризненным историческим документом в пользу ираноязычности. Эта оценка еще более усиливается, если иметь в виду, что, в отличие от других ученых, осетиноведы игнорировали одни буквы, дополняли текст другими и т. п.

В. Ф. Миллер, предпринимая попытку прочесть надпись с позиции осетинского языка, добавил в надпись восемь новых букв, которых там не было и без которых он не мог ее прочесть. Поправки Миллера были взяты на вооружение всеми последующими осетиноведами. Таким образом дополненный текст читается с позиций осетинского языка так: «Исус Христос святой (?) Николай Сахира сын Х...р, Х...ра сын Бакатар Бакатара сын Анбал Анбалана сын Лаг их памятник». Следовательно, мы имеем дело с родовым захоронением, усыпальницей, где погребены последовательно четыре человека. Но подобная трактовка надписи наталкивается на ряд серьезных, труднопреодолимых препятствий:

1. Даже если согласиться с тем, что осетиноведы узрели в слове ИФОУРТ осетинское ФЫРТ — сын, в переводе оно встречается четыре раза, а в оригинале только дважды. Недостающие два дописаны авторами перевода.

2. Со времен Струкова на месте обнаружения плиты велись многократные экспедиционные, поисковые работы вплоть до наших дней, но нигде в округе радиусом почти в 50 км не найдено ни одного «аланского» захоронения — ни коллективного, ни одиночного. Плита найдена в районе обитания асов и болгар.

3. По заключению В. Ф. Миллера, две последние строки надписи, несмотря на все попытки, остаются «совершенно гадательными». И именно эти две строки представляют собой безукоризненные тюркские слова ИТИНИР — стремится, ТЕ — скажи, ОТ-ЗЛ — год быка.

4. В. Ф. Миллер сам признал, что слово БАКАТАР явно тюрк-

ское. Если к этому добавить такие тюркские слова текста, как АТА — отец, БЕК — владыка, ОЙ/ЮЙ — дом, то становится понятным, что и этот памятник не дает ничего утешительного в пользу ираноязычности алан.

И наконец, последним аргументом в пользу ираноязычности алан всегда используется так называемый глоссарий венгерских яссов. Небольшой словник 1422 года, содержащий 40 слов, был обнаружен в марте 1957 года в судебных бумагах об имени Батиановых (можно сравнить с балкарскими и болгарскими Басиановыми). В 1960 году глоссарий был опубликован в г. Орджоникидзе под редакцией В. И. Абаева венгерским ученым Ю. Неметом. Из 40 слов венгерские ученые не смогли правдоподобно разъяснить 11 слов, удачно объясняются с дигорского диалекта осетинского языка — 14 слов, а 15 слов имеют явные тюркские значения:

Неразъясненные слова:

«капкен» — икра
«забар» — овес
«одок» — ложка
«ере» — ягненок
«до кега» — ?
«буха» — ?

«кевеш» — хлеб
«каза» — варенное
«гишт» — творог
«кюнге ат еф» — ?
«гуза» — изделие из теста

Дигорские слова:

«дэ» — твой
«хорз» — добрый
«бэх» — лошадь
«гал» — бык
«сано» — вино
«манауона» — пшеница
«чариф» — масло

«бан» — день
«хесау» — хозяин
«фуз» — овца
«дан» — вода
«асса» — дикая утка
«карак» — курица

Теперь обратимся к тем словам, которые имеют прозрачные тюркские значения:

яские

«буха» —
«арпа» — ячмень
«гусса» — изделие из теста
«газ» — гусь
«кевеш» — хлеб
«база» — похлебка
«йаука» — яйцо

тюрк.-балкарск.

«бугъа» — бык
«арпа» — ячмень
«геже» — ритуальная кашница
из злаков
«къаз/гъаз» — гусь
«кебаб», «Баппу» — хлеб
«боза» — напиток
«гаккы» — яйцо

казских народов самыми западными были народ КАСА, далее к востоку жили АЗ-КИШИ, АБХАЗЫ и АЛАНЫ. Все они были христианами; **кроме абхазов, все считались тюрками**. Его слова подтвердил другой выдающийся арабский историк и географ XIV века Абу-л-Фида (1273—1331), писавший: «К востоку от абхазов на берегах моря находится город Алан. Этот город назван так по имени народа алан, который его населяет; аланы — суть тюрки, которые приняли христианство».

Везде, где только обитали прежде асы, сохранилось множество топонимических названий с этим этнонимом. В Молдавии о них говорят название города Яссы, название упоминавшегося государства или области «Яшко». В Венгрии, в местах обитания асов/ясов сохранились названия семи пунктов «Ясслар». По справедливому мнению венгерских ученых, эти названия образованы от этнонима «ас», к которому прибавлен тюркский суффикс множественного числа «лар». Такие топонимы, как «Яссжаг», т. е. «Сторона яссов», «Ясс-базар», «Ясс-фали», т. е. «Ясское село» (Ясс-эли), говорят о том, что венгерским яссам был свойствен и тюркский язык. На наш взгляд, интересно отметить, что венгерское «Яссжаг» идентично осетинскому Асс-иаг (осетинское название Балкарии). Оба термина восходят к тюркскому и означают «Сторона асов».

В Крыму, в местах расселения асов, сохранились топонимы: Биюк-ас, т. е. Большой ас, и Кичик-ас — Малый ас. В Балкарии об асах напоминает название средневековой крепости «Ас-кала» в Чегемском ущелье.

И вновь, как и в случае с аланами, мы должны заметить, что на территории Осетии нет ни одного топо-гидронима с термином «ас».

О языке асов свидетельствует их ономастика. В письменных источниках известны многие имена асов, которые имеют прозрачные тюркские значения, полностью соответствующие социальному статусу их носителей:

Имена асов	Их тюркские значения
Базук (I в.)	Базык — Толстый, Мощный
Амбазук (I в.)	Эмбазык — Наитолстый, Наимощный
Хуанхуа (II в.)	Хунхар — Кровожадный, Лютый, Жестокий
Урдур (XI в.)	Урдур — Бьющий, Поражающий.
Бурдухан (XII в.)	Бурди — Благоухать + Хан. Отсюда: Благоухающий хан
Дургулэл (XI в.)	Тургу — тюркск. этноним + Эл — народ, племя
Борене (XI в.)	Боре — строгий + Ана — мать. Отсюда: Строгая мать
Худдан (XII в.)	Худа'а — Обман, Хитрость

А л т у н (XIII в.)	А л т у н — Золото
С а т х и (XIII в.)	С а т х и — Поверхностный
У з у р - б е к (XIII в.)	О з а р — Обгоняющий + Б е к
П а р а д ж а н (XIII в.)	П а р а — деньги + Д ж а н — душа
А ч а в (XIII в.)	А ч ы у / А ч у в — Зло, Боль
Х а н - Х у - С ы (XIV в.)	Х у с э - л у — древнетюркский род
А р ы с л а н (XIV в.)	А р с л а н — Лев
М а т а р ш а (XIV в.)	Б а т ы р ч а — Как Батыр
Б у р и к а н (XIV в.)	Б у р и — Волк + К а н — кровь
Б у р и б е р д и (XIV в.)	Б у р и — Волк + Б е р д и — дал. От сюда: Волком данный

Вот этим конкретным ономастическим материалом может оперировать исследователь при языковой характеристике древних асов, обитавших на территории Кабардино-Балкарии.

Сохранилась ли народная память об асах и аланах?

Древнетюркский этноним «ас» сохранился у киргизов, казахов, узбеков, ногайцев, алтайцев как название отдельных родоплеменных групп. У одних только ногайцев бытуют подразделения: «Шомишли-ас», «Дорт-улу-ас», «Кара-ас», «Ак-ас», «Култы-ас», «Тарту-улла-ас». Имя асов осетинский народ сохранил за названием своих извечных соседей — балкарцев и карачаевцев. Этот этноним, как указывалось, сохранился в топонимах Молдавии и Венгрии. На Алтае этноним «ас» сохранился в названии реки, административного района «Ас-кизи», восходящем к понятию «Ас-человек», что идентично отмеченному Ибн-Хордадбехом этнониму «Ас-киши». У алтайских тюрков сохраняются этнонимы «Дорт-ас», «Ассын». В Балкарии асы отражены в наименовании патронимического объединения-фамилии: Асан-улу, а также сохранились в народной поговорке: «Асдан туугъан ас» — «Ас, рожденный от аса», с которой обращаются к шаловливому, непослушному подростку. В этом смысле значение этнонима совпадает с чувашским значением.

В связи с этой поговоркой необходимо иметь в виду, что она всегда обращается только к подростку или к человеку, младшему по возрасту. С распространением ислама эту поговорку нередко применяют к человеку, проявляющему непокорность аллаху: «Аллахга асы болма» — «Не будь непокорным аллаху».

Подводя итог народной памяти об асах, надо обратить внимание на то, что древнегрузинский этноним «ос» или «овс», под которым во времена Вахтанга Горгасала (V век) имелись в виду гунны, уже в XVIII веке выдающийся историк и географ Грузии царевич Вахушти прямо относит к балкарцам. Достаточно привести следующие его слова: «Басиани (т. е. Балкария. — И. М.) граничит с севера горою Черкезскою, отделяющей Басиани от Черкесии, с востока горою Кавказом, лежащим между Басиани и Дигорией. С юга горою Кавказом, лежащим между Рачой и Басианом, и с запада горою Кавказом, лежащим между Сванетией и Басианом...

Здесь овсы знатнее всех прочих овсов, и между ними попадают помещики, имеющие закрепощенных крестьян. Басианская река, вступая в Черкесию, впадает в Терек».

Переходя к этнониму «алан», можно сослаться на тот факт, что на древней территории почти всех тюркских племен — в горах Алтая до сих пор сохранились родоплеменные группы: «Аландан келген» — «Пришедшие с равнины» и «Алан/Ялан». Необходимо напомнить и алан, проживающих в Туркмении, Узбекистане, Таджикистане. В Туркмении, например, они известны в составе племени «Салыр» как отдельная родовая группа — ветвь «караманов». Язык этих аланов туркменский, схожий с диалектом «сарыков». По сообщению старожилов, в сороковых годах их насчитывалось до 1500 хозяйств. Интересно назвать и родовые имена этих аланов: Мирши-Кар, Болук-аул, Аяк-чакъ, Кара-мугул, Токуз, Кер, Бельке, Эшек. По народным преданиям, лет за 250 до переселения в Туркмению они проживали на Мангышлаке, имели свою крепость «Алан», о которой писал еще выдающийся советский исследователь Средней Азии и Хорезмского государства С. П. Толстов. Я думаю, что вряд ли без определенного насилия над словами можно будет эти родовые имена аланов объявить ираноязычными. Народные предания о переселении аланов с Мангышлака, на мой взгляд, очень напоминают слова Аль-Бируни о переселении рода аланов и асов в устье Аму-Дарьи.

Древние и средневековые авторы Аланией называли верховья Кубани. Так же именовали эти районы и военно-топографические карты Кавказа XVIII—XIX веков. В кратком описании Абхазии неизвестного автора первой половины XIX века говорится, что «от Сухума имеется дорожка через нижние горы в Цебели и к аланам». Цебели, или Цебельда, лежит по правую сторону от р. Кодор к северу от Сухума. В смежности с Цебельдой, к северу, у верховьев Кубани, сплошной массой живут карачаевцы. В примечаниях Гербера к «Географии Российской X века», составленной профессором Байером, говорится: «От аланов есть остаток, они живут подле авазгов в ближайших горах к северо-востоку». А ближайшими соседями авазгов/абхазов к северо-востоку являются карачаевцы.

На «Генеральной карте Грузинских царств — Карталании, Кахетии и смежных земель», составленной не позднее 1784 года, **названы все горские общества** Осетии, Чечено-Ингушетии, Сванетии, названы **Куртатинское, Алагирское, Дигорское, Кобанское** ущелья, нанесены реки: Гизельдон, Ардон, Урух и пр. Но интересно, что к западу от Сванов, в горах **между Кубанью и Лабой**, т. е. приблизительно в тех же местах, где сейчас проживают карачаевцы, на карте **нанесены — аланы**, далее за ними расположены зихи, предки адыгов.

Показания этих карт и географических известий подкрепляются тем, что в устах соседних народов, например мегрелов, аланами называются карачаевцы (В. И. Абаев).

Все сказанное можно подкрепить тем, что этноним «алан» со-

хранился только у балкарцев и карачаевцев в значении: «человек», «соплеменник». Этим термином именуют друг друга супружеские пары, табуизируя свои личные имена. Очень важно учитывать, что этноним «алан» употребляется у них только к людям, понимающим их язык, к иноязычному человеку подобным образом не обращаются.

На чем основано отождествление аланов и асов?

Первыми это тождество высказали Ян Потоцкий и Г. Ю. Клапрот. Они исходили из слов путешественников XIII—XV годов. П. Карпини, описывая в 1246 году земли и народы, покоренные монголами, перечисляет: «Аланы или Асы, Обезы или Георгиане... Малая Индия или Эфиопия». Если вслед за Клапротом мы признаем тождество аланов и асов, тогда будем вынуждены признать и все другие невероятные тождества итальянского путешественника.

Клапрот пытается подтвердить свое отождествление словами другого путешественника — Г. Рубрука, который в 1253—1255 годах, будучи в степях между Крымом и устьем Дона, писал: «Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие Аланы, которые именуются там Аас». Само слово «некие» свидетельствует о скудости его познаний в пестрой этнической среде Приазовья. К тому же мы не знаем, откуда к ним пришли эти некие, которые «там», на местах, называются асами. Но, как теперь известно, на Кавказе асами назывались многие родоплеменные группы ногайцев, а сами осетины по сей день именуют асами балкарцев. Если еще учесть, что Рубрук часто путал черкесов и киргизов, тогда очень трудно принимать слова путешественника за чистую монету.

Не могу не отметить еще один момент. Недавно В. А. Кузнецов, упомянув эти сведения, писал, что термин «ас» — это самоназвание алан. Вероятно, в данном случае с ним трудно спорить, так как ему самому остается полшага до признания идентичности: алан — ас — балкарец, потому что асами алано-осетины называют не себя, а балкарцев.

Комментируя слова Гильома Рубрука, исследователи почему-то не обращают внимания на такие факты: аланы спрашивали у Рубрука, могут ли они считаться христианами, если они прежде пили кумыс; говоря об аланах, путешественник пишет, что в пищу им давали только очень кислое коровье молоко. Эти сведения о кумысе и айране — специфических атрибутах традиционной культуры тюркских народов, начисто отсутствующих у ираноязычных, говорят сами за себя в вопросе об этническом сблике алан.

Идею Клапрота поддержал и попытался обосновать другой русский академик — В. Ф. Миллер. Для этого он сопоставил армянские и грузинские источники. Но результаты такого сопоставления были заранее спланированы, иначе нельзя было не заме-

тить, что в «Истории Армении» говорится о нашествии на Армению аланов, горцев и иберов, а в древнегрузинской хронике повествуется о том, как опустошали Армению картлийцы, овсы, джикки, пачаники, дзурдзуки, дидои, леки. Следует пояснить, что картлийцы — это грузины, названные в армянском источнике иберами; леки и дидойцы — это горцы Дагестана, дзурдзуки — это вайнахи, джикки — это адыги. Остаются для отождествления аланы, овсы и пачаники. Из этих трех народов можно еще вычлениить «овсов», которые входят в число тех, которые по армянским документам называются «горцами», так как Вахушти, по приведенным выше его словам, овсами называл горцев Центрального Кавказа, обитавших между Сванами, дигорами и черкесами. Следовательно, для отождествления остаются только аланы и пачаники/печенег. А В. Ф. Миллер выборочно отождествил именно алан и асов.

Из этого предвзятого отождествления в науке сложилось ложное мнение будто бы грузинские источники не знают этнонима «алан» и везде именуют их асами/овсами. Обратимся к фактам.

Грузинский царь Баграт IV был женат на сестре асского царя Дургулея. Ему «приносили дары и братались с ним многие цари, служили ему скифы, хазары и аланы». Бывая на охоте, он «доходил до Понтийского моря и в страну алан». «В страну алан» приезжал и отец Тamar — Георгий III, женатый на прекрасной Бурдухан — дочери асского царя Худдана. Я думаю, трудно уповать на то, что Баграт и Георгий не могли знать разницы между овсами и аланами, если оба были женаты на «ясынях».

Еще более конкретно очерчивает земли аланов Вахушти: «Алания находится на западе от Сванетии и по севернее от Бедии. С восточной стороны она упирается о Кавказский хребет и доходит до границ Сванетии, с южной стороны ее находится гора Бедийский Кавказ, проходящая между Одией (Мегрелия. — И. М.) и Аланией...» Трудно не доверять выдающемуся историку и географу Грузии, который подробно описывает в своем труде почти все ущелья Осетии, Дигории, Балкарии и других областей Центрального Кавказа.

Из всего сказанного вытекает, что древнеармянские и древнегрузинские исторические документы не дают обоснованных доводов для отождествления хорошо им известных аланов и асов, с которыми у армян и грузин складывались историко-политические и кровно-родственные связи. Не дают такого права и рассмотренные выше материалы о венгерских яссах, которых в литературе усиленно именуют аланами, а сами они этого имени не ведают. Этот случай перекликается с тем, как в литературе осетинам навязывается этноним «ас», а сам осетинский народ называет этим именем балкарцев.

В заключение напомним незаслуженно забытые выводы одного из видных осетиноведов проф. Г. А. Кокиева: «Изучение имеющегося в нашем распоряжении материала приводит нас к заключению, что насколько сомнительно отождествление предков осетин

с аланами, настолько основательно отождествление балкарцев и карачаевцев с кавказскими аланами».

Изученные нами материалы свидетельствуют, что осетины, балкарцы и карачаевцы являются чуть ли не самыми близкими между собой по культурному облику народами Северного Кавказа. Между ними имеются весьма существенные языковые, этно-топонимические, антропонимические, ономастические схождения, которые красноречиво подкрепляются дигорскими и карачаево-балкарскими народными преданиями о происхождении этих народов от двух родных братьев — Бадината и Басиата.

Близость этих народов питалась многовековыми тесными этнокультурными контактами как в глубинах евразийских степей, так и в ущельях Кавказа. К сожалению, эти контакты еще объективно не исследованы.

О ЧЕМ И КАК СПОРЯТ УЧЕНЫЕ?

Юпитер, ты берешься за молнию вместо ответа,— значит, ты не прав.

Прометей

Проделанный в книге «Шаги к истокам...» специальный анализ «источников, породивших традиционное толкование наследия скифо-сармато-аланских племен в этнической истории Северного Кавказа», вызвал большой резонанс. Только за два года появилось 17 рецензий, официальных отзывов, публичных оценок, в которых приняло участие 18 авторов, в т. ч. девять докторов наук, шесть кандидатов наук,— археологи, этнографы, историки, тюркологи, философы. Вероятно, это объясняется тем, что вскрыты серьезные противоречия в стержневых работах Г. Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, заложивших основу теории о сплошном ираноязычии всех скифо-сармато-аланских племен.

Суть теории можно выразить следующими положениями:

1. Все скифо-сармато-аланские племена были ираноязычной массой.

2. Аланы и асы тождественны как между собой, так и с современными осетинами.

3. «Учение» В. И. Абаева, базирующееся преимущественно на ономастике названных племен, «является аксиомой для исторических исследований» (В. Н. Каминский).

4. Грунтовые могилы, каменные ящики, скальные захоронения, склеповидные сооружения, земляные катакомбы — все суть наследие **только «ираноязычных» алан** (В. Н. Каминский).

5. Башенно-склеповые сооружения позднего средневековья на территории Балкарии и Карачая — это памятники «исторической Алании — т. е. Осетии» (Б. А. Калоев).

Последовательно проанализировав **все аргументы** Г. Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, прежде **никогда не подвергавшиеся комплексной проверке и сомнениям**, мы пришли к нескольким иным выводам:

1. Не все поголовно скифские племена были ираноязычны, среди них были и тюркоязычные группы.

2. Участие ираноязычных и тюркоязычных племен в этногенезе карачаевцев, балкарцев, осетин изучено недостаточно глубоко и продолжает порождать споры.

3. Аланы, судя по приписываемым им земляным катакомбам, никогда не занимали всю территорию Северного Кавказа.

4. Этнонимом «ас», усиленно навязываемым в литературе осетинам, сам осетинский народ, как указывалось, издревле называет своих извечных соседей — балкарцев и карачаевцев (Клапрот, Миллер, Н. Г. Волкова).

5. Западный и восточный варианты аланской археологической культуры настолько различаются, что можно предположить, что они оставлены различными этническими группами (В. А. Кузнецов).

В подавляющем большинстве упомянутых откликов, как и подобает научным отзывам, поддерживаются одни, ставятся под сомнение другие положения, отмечаются позитивные и спорные подходы, предлагаются конструктивные альтернативы. Такой подход к работе вполне закономерен, и высказанные мной идеи и положения уже вошли в научный оборот в различных аспектах (С. С. Алияров, Ю. Б. Юсифов, А. Нурмагамбетов, Ф. Г. Гарипова, Е. И. Нарожный, А. Зумакулов, М. Кучуков, М. Ч. Джуртубаев).

Однако встает вопрос: историю какого народа мои выводы могут ущемить, можно ли в них усмотреть «неуважение к истории осетинского народа», кто может расценить их как подрыв «интернациональной дружбы народов», можно ли в них узреть «националистические», «порочащие историю», «пантюкистские» выпады? (Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецов, В. И. Марковин, В. Н. Каминский). «Нельзя, но если очень хочется (защитить свои работы и оскорбить оппонента. — И. М.), то можно», — ответил бы известный пародист. Именно на позициях «обиженных» нашли общую платформу для своих нападок названные выше авторы, от «рецензий» и выступлений которых несет злопахательством и амбициозностью, оригинальным «академическим» тоном, сродни уличной брани.

Личные оскорбления в адрес И. М. Мизиева, научное бессилие перед конкретными фактами до такой степени выпирают из каждой строки их «рецензий», что известный балкарский писатель Э. Гуртуев окрестил подобные расправы меткой формулой: «С тором на оппонента!»

Верно сказано, что спор — ключ к истине. Но когда один, подобно Юпитеру, хватается за молнию, вместо спокойного ответа и анализа исторических фактов, другой впадает в амбицию, претендуя на обладание истиной в последней инстанции, а третий забрасывает оппонента ярлыками, тогда в споре смысла нет.

Спорных, нерешенных вопросов в истории народов Северного Кавказа еще много. Особо острые диспуты всегда возникают вокруг работ, касающихся историко-культурного наследия средневековых племен — асов и алан, принимавших самое активное участие в формировании культуры современных народов края.

Поскольку письменные и иные первоисточники об этих племенах труднодоступны широкому кругу читателей, а имеющаяся ли-

температура не всегда объективно отражает историческую действительность о них, постольку есть необходимость специального обзора дискутируемых в науке вопросов. Эта необходимость продиктована тем, что недостаточная разработанность, а тем более проявляемые при освещении наследия указанных племен субъективистские утверждения нередко порождают тенденциозную оценку, следовательно, негативно отражаются и на освещении позднейших межэтнических отношений на Северном Кавказе.

При знакомстве с дискуссионными вопросами этой проблемы читатели непременно должны исходить из ленинского указания, что «национальная программа рабочей демократии: никаких безусловных привилегий ни одной нации, ни одному языку», а следовательно, и никаких привилегий ни одному народу в изучении историко-культурного наследия. Ленинские указания получили дальнейшее развитие в новейших документах — в решениях XXVII съезда, XIX Всесоюзной конференции КПСС. Особенно ярко эта мысль отражена в докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», в котором он подчеркнул: «Национальные отношения в нашей стране — это живой вопрос жизни. Мы должны быть предельно внимательными и тактичными во всем, что касается национальных интересов или национальных чувств людей, обеспечивать самое активное участие трудящихся всех наций и народностей в решении многообразных задач жизни нашего многонационального общества».

Когда речь заходит о выяснении роли и места древних племен в формировании истории и культуры современных народов, научные диспуты и разработки в духе гласности и демократизации, плюрализма мнений и идей особенно должны соответствовать положениям новой редакции Программы КПСС: «Партия поддерживает смелый поиск, соревнование идей и направлений в науке, плодотворные дискуссии. Науке противопоказаны как схоластические рассуждения, так и пассивная регистрация фактов, чужающаяся смелых теоретических обобщений, конъюктурщина, отрыв от реальности». Однако некоторые алановеды не только продолжают усиленно пропагандировать именно схоластические рассуждения о будто бы сплошном ираноязычии массы скифо-сармато-аланских племен и их тождество только с предками современных осетин, но и в отрыве от реальной средневековой исторической обстановки в регионе отрицают участие названных племен в процессе формирования традиционной культуры других народов. Подобный отрыв от реальности преднамеренно «украшает» историю одних и обкрадывает историю других народов, предки которых на протяжении тысячелетий находились в тесных контактах как между собой, так и со скифо-сармато-аланскими племенами. Попытки рассмотреть исторические факты со всех сторон, вкуче с данными смежных наук, вступить в дискуссию с традиционно устоявшимися, но научно не оправданными положениями воспринимаются в кругах отдельных ученых не иначе, как посягательство на безупречность их научных построений.

Академическая дискуссия продвигает науку вперед только тогда, когда в ней властвует факт, а не топор мясника. Однотипные окрики, единогласное отрицание буквально всей моей книги «от корки до корки», по известному принципу: «Этого не может быть...», являются «визитной карточкой» указанной выше группы моих оппонентов. Без специальной координации сил вряд ли можно было бы каждому в отдельности с первых же слов начинать лихо забрасывать автора одинаковым набором дежурных ярлыков: тенденциозный, предвзятый, порочащий историю, фальсификатор, вульгаризатор, националист, пантюркист, подрывающий дружбу народов, страдающий провалом памяти и т. п. В этом ряду, действительно, не хватает только топора.

Запланированный и «в ногу» взятый старт, в полной «боевой выкладке» печально известных ярлыков, не оставляет сомнений в том, что они стараются лишь об одном: общими усилиями, любыми путями и методами сохранить пошатнувшийся личный престиж, любой ценой реанимировать рухнувшие научные построения, спасти «честь мундира». Но, увлеченные обывательским принципом «лишь бы облить грязью», мои запальчивые оппоненты упустили одну «маленькую» деталь, вернее, подтвердили старую истину, что в спорах и дискуссиях еще со времен Прометея оскорбления и ярлыки вскрывают лишь беспомощность и бессилие. Уверенный в своих аргументах и знакомый с законами логики человек никогда не перешагнет и другую мудрость: для оправдания себя вовсе не обязательно оскорблять других. Для моих оппонентов уместно дополнение: для этого вовсе не обязательно принести в жертву правдивую историю осетинского народа, которому на протяжении многих лет из корыстных целей некоторые ученые вместо действительной истории преподносили откровенные фальшивки. Подтверждению этого тезиса, по существу, и посвящается этот раздел.

Как бы изощренно и на какой бы лад ни склоняли мои «титутлы», оппонентам не стоит забывать, сколь бесплодно повторение: «халва, халва...». Не потому ли настоящие ученые в спорах отдают предпочтение не кулакам, а нежному букету фактов — воздуху ученого. В усиленной пропаганде скифо-сармато-иранской теории некоторые ученые не прислушались ни к предупреждениям самого В. Ф. Миллера, о которых мы упоминали выше, ни к предостережениям других специалистов по скифо-сарматской проблеме. Напротив, они активно стали всячески «доразвивать» эту легковесную идею. Во главе такой целеустремленной работы стал В. И. Абаев, заранее будучи уверенным в том, что его «дополнения» будут более чем положительно восприняты в отдельных кругах индоевропейцев. Но даже в этом случае серьезные и осторожные ученые предупреждали, что «вместо более или менее ограниченных по территории и частью разобщенных племен скифов и сарматов ираноязычной группы в Причерноморье, автор (т. е. В. И. Абаев. — И. М.) создает грандиозную скифо-сарматскую народность, предков осетин, включая сюда любое племя, получившее у греков

одно из этих имен; их историю он отождествляет с историей древних осетин (вопреки предостережениям В. Ф. Миллера. — И. М.), ищет корни осетинского эпоса в этой истории, т. е. впадает в ряд явных преувеличений» (Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова).

Более того, любые попытки представителей других народов Северного Кавказа коснуться скифо-сармато-аланской проблемы встречаются некоторыми осетиноведами буквально в штыки, расцениваются не иначе как проявление неуважения к истории осетинского народа. Именно в таком ключе построили свои «рецензии» Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецов и их единомышленники и ученики на книгу, в которой предпринята попытка развенчать традиционно устоявшуюся, но безнадежно устаревшую теорию.

Поскольку современное состояние проблемы алано-асских племен в основном сконцентрировано в работах В. И. Абаева, Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецова и И. М. Мизиева, есть необходимость рассказать широкому кругу читателей и любителей истории Северного Кавказа о сути научных дискуссий между этими учеными.

Начать следует с того, что в последние годы даже в специальной литературе (В. А. Кузнецов. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984) стали встречаться утверждения, что осетины «осознают свои родственные связи с этим древним народом» (с. 6.). Конечно, было бы весьма забавно узнать, каким таким образом это может «осознаваться» с таким древним народом? Но мысль эта насаждается в обывательских кругах всевозможными методами. Например, с 1956 года вдруг усиленно стали переименовываться и называться термином «Алан» различные творческие коллективы, производственные и культурные учреждения. Все чаще стало имя «Алан» (кстати, ни разу не встречающееся даже у Коста Хетагурова) фигурировать в литературе, кино, театре, на радио и телевидении. В связи с этим давно хотелось спросить, а теперь оппоненты дали прямой повод: а найдется ли в обеих Осетиях хотя бы один старожил по имени Алан, столь культивируемому в последние годы, и имеет ли этот термин какой-нибудь смысл в осетинском языке, фольклоре, топо-гидро-этнонимике?

В своей «рецензии» (скорее, нападках на мою книгу) Ю. С. Гаглойти пытается выдать себя за весь народ, а критику его личных научных построений преподносит как проявление неуважения к истории осетинского народа, запамятавав, что его научные труды — это еще далеко не вся история осетинского народа! Ему попросту кажется, что таким образом ему легче защитить себя.

А между тем, следуя логике, принятой на вооружение при оценке книги И. М. Мизиева, оппоненты, ради защиты своих работ, готовы объявить «фальсификаторами», «вульгаризаторами» осетинский и мегрельский, сванский и абхазский народ которые, как и Мизиев, имя «ас», «алани», «овс», «ас-е», вопреки стараниям некоторых, относят к балкарцам и карачаевцам (Г. Ю. Клапрот, В. И. Абаев, Н. Я. Марр, Н. Г. Волкова и др.).

Меня, например, радует, что при столь целенаправленном, при-

дирчивом «анализе» книги все оппоненты «в упор» не видят и оставили без ответа основной вопрос: почему этнонимом «ас» сам осетинский народ, в отличие от соседних адыгов, кабардинцев, ваннахов, называет балкарцев и карачаевцев, а не себя? Причем не просто называет, а каждый раз уточняет: один балкарец — «Ас+он», т. е. асский человек; вся Балкария — «Ас+иаг» т. е. Асия; а Карачай — «Стур-Ассиаг» — Большая Асия. Молчат, значит согласны с моей трактовкой!

По логике оппонентов, вообще «вне закона» должны быть объявлены чувашы, «фальсификаторски» именующие себя речными асами — «Су-ас», и марийцы, «беззастенчиво» относящие этот этноним к волжским татарам (М. З. Закиев). А может быть, ногайцам необходимо «убрать» из своего состава пять древнейших родоплеменных групп с именем «ас», ради успокоения моих оппонентов?

Меня обвиняют в тенденциозности и предвзятости без единого на то примера. Могу помочь оппонентам «открыть глаза»:

1. Когда осетины называют кабардинцев «кашк+он» — это служит бесспорным аргументом связи последних с косогами (Ю. С. Гаглойти).

2. Когда источники называют «гаргареи», «глигви» — это бесспорно признается за вайнахское «галгаи» (Е. И. Крупнов). А что же случается с «объективными» оппонентами, когда я, вслед за многими народами и учеными, напоминаю, что асами и аланами на Северном Кавказе именуется балкарцы и карачаевцы?

А вот другой пример. Когда В. Ф. Миллер на примере 11 терминов, очень смехотворно натянув их значения к ирано-осетинским понятиям, объявил Карачай и Балкарию территорией расселения «ираноязычных» алан, этого оказалось недостаточным, чтобы заявить: «...в ущельях Черекском, Безенгийском, Чегемском, Баксанском, Верхне-Кубанских слышалась когда-то осетинская, именно дигорская речь» (В. И. Абаев). «Не видя в своем глазу дерева», оппоненты хватаются за топор, когда я, сославшись на осетинских лингвистов, напоминаю 147 тюркских топо-гидронима на территории Северной Осетии, содержащие этнонимы гуннов, хазар, огузов, басмалы, басилов и др. И таких примеров чем дальше, тем больше. Но я не буду навешивать ярлыки, так как хорошо знаю им цену по опыту своего детства.

Изменяют мои оппоненты логике, не назвав «пантюркистом» Геродота, опрометчиво отметившего у скифов тюркские слова (К. Мюлленгоф). Будто бы поговору молчат они и о словах Юстина: «Язык парфов средний между Скифским и мидийским, помесь того и другого». Потому и молчат, что знают, как из чего-то однообразного вряд ли можно получить помесь. Для этого, как минимум, необходимы два разных языка — скифский и мидийский. Оппонентам проще обвинить И. М. Мизиева в предвзятости, чем вникнуть в суть источника и объявить Юстина «вульгаризатором». Вот ведь о каких вещах, подкрепленных этнографией и лексикой скифов, я предлагал дискуссию, от которой, все так же «в ногу»,

увливают «объективные» оппоненты, увлекая за собой читателей эффектными выпадами по мелочам, чтобы «поставить двойку» не за содержание книги, а за чистописание П. М. Мизиева.

Действительно, я принимаю упреки за множество погрешностей, допущенных по моей вине в верстке книги. Особенно это относится к указателям литературы на с. 30, 37, 47—51, 53, 54, 95, в т. ч. и на с. 89, откуда приведена В. Н. Каминским цитата. В ней не убраны кавычки, двумя строками выше над цитатой также имеется опечатка. Ссылка на работы М. И. Артамонова и В. А. Кузнецова дана для ознакомления широкого круга читателей с алано-хазарской историко-политической ситуацией, для конкретизации которой у меня не было возможности из-за лимита объема книги. Кстати, здесь можно было бы указать и другую работу В. А. Кузнецова, которую я упоминал выше.

А между тем мои «титуды» должны разделить еще Дионисий Периегет, Зозим, Приск Панийский, Феофилакт Симмоката, которые «тенденциозно» называют скифами именно гуннов, аваров, а не алан V—VII веков, еще не испытавших хазарских погромов, а следовательно, сохранивших свое «чистое» этническое лицо (Ф. Симмоката, В. В. Латышев). По логике оппонентов, «националистически» подошел к истории кавказских народов и Леонти Мровели, отождествив со скифами именно хазар в период бурной алано-хазарской войны на Северном Кавказе VIII—IX веков, «тенденциозность» проявил и Иоан Цец, великолепно зная и алан, и куманов, но включив в свое «Аланское приветствие» тюркские слова. Вновь показательно, что ни один из оппонентов даже не упомянул имя выдающегося византийского писателя — один из основных «козырей» в созданной В. П. Абаевым «аксиоме». Воспринимаю единогласное молчание таких разъяренных оппонентов, как знак согласия с моей трактовкой источника.

Не должен остаться обделенным «титудами» и Аммиан Марцеллин, указавший, что «аланы — прежние масагеты», а последние являются стопроцентными туркменами (И. М. Дьяконов). Непростительно и его утверждение, что у алан «не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть покрытой соломой жилья», так как это противоречит трудам этнографа Б. А. Калоева.

Обыкновенным «контра» должен выглядеть в глазах моих оппонентов известный арабский географ Мухаммад ибн Муса ал-Хварезми (780—847 годы), который, прекрасно зная и алан, и Аланские горы, пишет: «Скифия — страна тюрков»; «Скифия — страна тогузгузов».

Проявляют «неуважение» к истории и культуре алано-осетии Плиний, Птоломей, потому что один говорит, что сарматы «питаются сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко», а другой, вопреки Абаеву, считает сарматов не «супоедами», «просоедами», а «конядами» — гиппофагами.

Наконец, порочно звучат слова «пантюркистов» Гомера, Геродота, Эсхила, Страбона, Пиндара и других, писавших, что скифы доят кобылиц, живут в войлочных шатрах, пьют кумыс, из кумыс-

са делают сыры, кушают конину, не обратив внимания, что у их «прямых потомков» не только в языке отсутствует индоевропейский термин для обозначения понятия «лошадь» (М. И. Нсаев), но даже в нартском эпосе, в котором В. И. Абаев, Ж. Дюмезиль, В. А. Кузнецов видят чуть ли не пограничную историю скифо-сармато-алано-осетин, не отложилось ничего из отмеченных элементов этнокультуры скифов. В осетинском языке, как и у несведущих народов, «кумыс» именуется «конское молоко», а другой специфический и жизненно необходимый предмет скифского быта — шатер, называется тюркским термином — «ц а т ы р».

Скифы жили на берегу моря и в Крыму, а потому не могли не знать слово «море», а их «прямые потомки» даже в своем фольклоре для обозначения «моря» используют тюркский термин «Т е н г и з» (В. И. Абаев).

Не слишком ли многое «забыли» потомки, «осознающие свои родственные связи с этим древним народом»?

Совершенно прав Карл-Генрих Менгес, когда говорит, что «преобладание иранских собственных имен не является достаточным доказательством, если имена нарицательные скифского языка не подтверждают иранских или индоевропейских этимологий, как, например, для обозначения кочевой повозки и шатра, предметов, очень важных для кочевых народов». Такие нарицательные имена скифского языка, кстати, почему-то неучтенные Абаевым, как: ОЙОР — муж, мужчина; АСХИ — горький, АПИ — мать, БАЛЫҚ — рыба, ЖЮН — шерсть, а также необходимый для кочевой жизни предмет — «телега», бесспорно тюркского происхождения; надлежащие присутствовать у ираноязычных потомков термины: «море», «лошадь», «кумыс», «шатер», «сколот» — прекрасно иллюстрируют верность тезиса американского исследователя.

Голая ономастика, а в трудах В. И. Абаева оно так и есть, действительно очень шаткий аргумент в определении языковой принадлежности носителей личных имен. Живым примером могут быть имена моих осетинских оппонентов: Юрий Сергеевич, Василий Иванович, Борис Александрович и т. д. Нетрудно представить, в какие дебри уведет ученого тюркоязычная ономастика русских или арабо-персидская восточных народов.

Я очень почитаю великого осетинского поэта и просветителя Коста Хетагурова, поэтому не могу следовать логике Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецова, В. Н. Каминского и иже с ними и навесить на него ярлык «фальсификатор», «вульгаризатор» и прочее за то, что он в своем «Этнографическом очерке об осетинах» писал следующее: «**Лошадь** была прежде роскошью. Она применялась только для верховой езды и перевозки вьюков. **Ни мясом, ни молоком, ни кожей ее осетины не пользовались**» (выделено мною. — И. М.).

Хотелось бы услышать, как В. Н. Каминский и его учитель В. А. Кузнецов с «критическим разбором» будут подходить к перечисленным источникам и ответят на вопрос: почему римские, византийские, арабские, грузинские историки, географы, писатели,

оставившие так много сведений об аланах, «фальсификаторски» и выборочно продолжали называть скифами именно гуннов, аваров, хазар, тогузгузов, тюрков, ни разу даже не ошибившись по поводу алан, даже в пору их кочевой жизни? А ведь аланы были интимно-родственными партнерами Византийского и Грузинского договоров? (В. А. Кузнецов).

Однако у моих оппонентов весьма оригинальный метод «критическое» подхода к источникам: если они мешают их научным построениям, — значит, автор «все путал» (Ю. С. Гаглойти, В. Н. Каминский). И все же у них есть «хорошая» возможность еще раз отличиться: оспорив слова Юстина, усомнившись в сообщении римского посла к Атилле — Приска, продолжив обвинение древних авторов в невежестве. Приск Панийский сообщает, что гуннский царь Руа послал в Рим своего посла по имени Эсли, а римляне направили к гуннам Плинта, «который был родом скиф». Нужно быть на очень высокой «кочке» зрения Ю. С. Гаглойти, чтобы следом за арабо-персидской традицией обвинить и римскую дипломатию в некомпетентности, в незнании, кого и к кому посылать. Уж кто-кто, а римский двор наверняка знал, кого Гомер, Геродот, Страбон, Птоломей и другие греческие и римские историки и географы называли «доителями кобылиц» и «конейдами».

Не стоит уповать на расхожие домыслы, что римлянам, арабам и персам достаточно было увидеть или услышать о кочевниках, чтобы назвать их скифами или тюрками. Ведь и поныне хорошо известны многие кочевые племена в Афганистане, Иране, Аравии с четкой этнической и культурной номенклатурой...

Думаю, что критический подход к источникам — это не голое их отрицание с позиции амбициозных капризов сегодняшних ученых по принципу: «подходит, не подходит» к скифо-иранской теории, а сопоставление с археолого-этнографическими, историко-лингвистическими, этно-топонимическими данными. А в таком случае в отстаиваемой оппонентами теории многое не только не вяжется, но и явно противоречит традиционной этнокультуре скифов.

Если бы я не уважал историю осетинского народа, как это мне пытаются приписать оппоненты, я бы последовал примеру Ю. С. Гаглойти и В. Н. Каминского и назвал бы «тенденциозными», «вульгаризаторами» осетинских нартов, которые, «повторяя историю скифо-алано осетин», почему-то называли свой эпос и главных героев тюркскими именами (В. П. Абаев).

Я не сомневаюсь, что, следуя методу голословного отрицания и просто отмахиваясь от всего, что требует доказательств, очень трудно будет моим оппонентам объявить «фальсификаторами» географии Кавказа авторов грузинских, русских топографических карт XVIII—XIX веков, которые даже в период строительства Военно-Грузинской дороги Аланией называли не окрестности Владикавказа, а верховья Кубани — Карачай (Г. А. Кокиев).

Беспомощность оппонентов в навязанной мне дискуссии иллюстрирует весьма поучительную мудрость, кстати хорошо известную и осетинам. Некогда у одного бедняка утонула в реке лошадь. В

безысходном отчаянии хозяин принялся истерично хлестать реку плетью. Естественно, что бурной реке, как и книге, плетью не по-меха. Тем не менее объятые злобой за критику своих работ «рецензенты» придали «хлестанию реки» организованный, сценарно расписанный характер, жертвуя, ради личной корысти, богатейшей историей осетинского народа, восходящей к древней истории Ирана, Мидии, Кавказа и Восточной Европы. Для меня, например, совершенно очевидно, что за всем этим явно проглядывают и рука, и слог, и методика расправы, присущие авторам, идеи которых я подверг серьезным сомнениям.

Удивляет та уверенность, с какой Ю. С. Гаглойти запрещает кому бы то ни было, кроме осетиноведов, заниматься историей и культурой скифо-сармато-аланских племен. Следует напомнить, что еще Н. Я. Марр писал: «Аланы — это уже история не только Кавказа, но и юга России. В них заинтересованы представители различных областей отечественной истории». И более всего все народы Северного Кавказа.

Поскольку в «рецензиях» названных авторов часто фигурируют термины: неуважение, тенденциозность, бестактность и пр., хочется обратить внимание читателей на ряд фактов:

1. В «Русско-осетинском словаре», составленном В. И. Абаевым и изданном в 1970 году в издательстве «Советская энциклопедия», нет слов «балкарец» и «Балкария», т. е. осетинских эквивалентов: «Асс + он» и «Ассиаг». Здесь ларчик открывается просто: автор словаря, явный защитник тождества алан и асов с осетинами, не может «обнародовать» всем известный факт, что термином «ас» осетинский народ на своем языке называет не себя, вопреки стараниям Абаева и его единомышленников, а своих исторических соседей — балкарцев и их страну. Этот факт, как отмечалось, не могли скрыть ни Клапрот, ни Миллер, не укрывает его и сам осетинский народ!

2. К словарю приложен указатель географических терминов. Кабардино-Балкарская АССР здесь названа: «Касаг-Балхъары АССР». Как только ни изощряется почтенный ученый: кабардинцев называет их осетинским именем, отказывая в этом балкарцам. Все это для того, чтобы не вскрыть свою ложь, т. е. боится называть балкарцев асами, как это делает сам осетинский народ.

Вот такие методы и есть откровенное обкрадывание богатства словарного фонда осетинского народа.

3. В приводившемся выше аланском приветствии Иоана Цеца нет ни дигорского слова «х в а р з», ни иронского «х о р з», а есть широко известное тюркское «х о ш» — добрый, приятный.

Усиленное навязывание народу отсутствующего в источнике слова и есть откровенный обман народа.

4. Многие ученые, вслед за П. К. Усларом, пытались объяснить термин «Кавказ» с ирано-осетинского как «Хох-аз», т. е. Гора азов, а «Днепр», вслед за В. И. Абаевым, трактуют как «Дон-апр», т. е. «Вода глубокая». Однако все это не согласуется с законами ирано-осетинского языка, вернее сказать, прямо им

противоречит. Как пишет сам В. И. Абаев, в осетинском языке определяемое слово всегда должно стоять на первом месте. Следовательно, должно быть «Аз-хох» и «Апр-дон» по примеру: Адай-хох, Джимарай-хох, Зилга-хох, Генал-дон, Гизель-дон, Хазни-дон и мн. др. При этом очень важно не забывать заявление В. И. Абаева: «...обратный порядок слов совершенно немислим».

Вот такие «перевертыши» и искажают историю народов Северного Кавказа.

5. Пытаясь найти хоть какой-то след термина «алан» в осетинском языке и фольклоре, В. И. Абаев прибегает к пространному рассуждению по поводу выражения «Аллон-беллон» из дигорской сказки. Но беда в том, что создатель «аксиомы» «не заметил» самую малость. На почве осетинского языка к этнонимам всегда прибавляется окончание «он», как в названиях: Кашк+он, Асс+он, Дигор+он, Ир+он и т. д. Согласно такой закономерности должно быть «Алл+он», т. е. этнонимом является слово «алл». Спрашивается, кто из историков знает такое племя на Кавказе или в Евразии? Вряд ли «Алл» можно связать, превратить в алан. Может быть, последовать за Каминским и признать попытки В. И. Абаева за аксиому и согласиться с существованием мифических «аллов»? Скорее всего, уместно вспомнить слова самого Абаева, сказанные им в адрес одного из его оппонентов: «Серьезная наука пройдет мимо этих любительских упражнений, не представляющих никакого значения».

6. Некоторые ученые распространяют в народе и литературе убеждение, что именно аланы построили башни, замки и крепости, которыми так богата земля Осетии (Б. А. Калоев). А археологическая наука считает прочно установленным фактом, что аланы бассейна Терека в VII—XII веках именно тем и отличались, что вообще не имели навыков каменного зодчества (В. А. Кузнецов). Как отмечалось, Аммиан Марцеллин (IV век) прямо писал, что у алан «нигде не усмотреть даже покрытого соломой жилья».

Вот такая явная ложь, преподносимая вместо действительной истории, и есть оскорбление чувства любви к истории своего народа.

7. В известной «Зеленчукской надписи» большинство ученых, начиная с В. Ф. Миллера, видели якобы осетинское слово «Лаг» — человек, юноша. Но сказывается, по утверждению осетинского языковеда, что это слово «перешло в осетинский не из индоевропейских языков» (М. И. Исаев), т. е. не является осетинским или иранским. Более того, и этот факт мы отмечали, любое прочтение надписи с осетинского представляет бессмысленный набор личных имен, для прочтения которых приходилось вставлять в текст отсутствующие в надписи лишние буквы. И в этой ситуации весьма оригинально звучат слова В. А. Кузнецова: «Хотелось бы обратить внимание на то, что к традиционному чтению Зеленчукской надписи по-осетински (а кто доказал, что традиционное чтение единственно верное? — И. М.) добавились чтения по-кабардински, по-чеченски, по-тюркски. Таким образом, один и тот же текст с

одинаковым успехом дешифруется на языках, относящихся к разным языковым группам! Парадоксальность этого невероятного положения (в т. ч. и осетинского прочтения. — И. М.) свидетельствует о низком филологическом уровне дешифровок и порождает мысль о субъективистском подходе исследователя к дешифровке. А это может привести ученого (в т. ч. и осетиноведа. — И. М.) к серьезной ошибке». Оригинальность такого мышления заключается в следующем:

а) почему-то успешным и верным считается только традиционное принятое прочтение по-осетински, когда путем замены одних, добавлением других, игнорированием третьих букв получается бессмысленный набор имен, заканчивающихся неосетинским словом «Л а г»;

б) «объективность» В. А. Кузнецова бросается в глаза: текст, содержащий явные неиндоевропейские, тюркские слова, две строки которого оставались гадательными, когда при дешифровке были добавлены 8 букв, он считает достоверным ирано-осетинским документом. Однако, чтобы оставаться последовательным и объективным, В. А. Кузнецову вообще следовало бы вычеркнуть такой «разночитаемый» текст из списка источников по истории алан;

в) рассуждения ведущего алановеда странно выглядят еще и потому, что «единственная ираноязычная» надпись обнаружена в таком археологически «неаланском» районе. Я ведь настаивал на объяснении этого парадокса?

Вот такие явные натяжки вводят в заблуждение народные массы, старающиеся вникнуть в правду своей истории.

Рассуждая об этой надписи, ученик В. А. Кузнецова — соискатель В. Н. Каминский впадает в очередное наивное мальчишество. Это особенно проявилось в его удивлении: «...достаточно было И. М. Мизиеву взглянуть на этот единственный в своем роде эпиграфический памятник, как проблема сразу же разрешилась». Дело куда проще: сколько бы ни старались, скажем, испанцы прочесть китайскую надпись, проблема сразу разрешится, если к тексту обратится китаец.

Историк, если он объективно относится к истории, обязан четко различать две категории фактов:

— факт действительной истории, подтвержденный письменными свидетельствами и другими первоисточниками;

— факт историографический, рожденный голым цитированием из книги в книгу однажды кем-то неосторожно высказанного, не подтвержденного первоисточниками предположения. Разрастаясь, как снежный ком, он с годами воспринимается обывательской средой (и отдельными учеными) как непреложная истина и нередко заслоняет собой и отводит на задний план факты первой категории.

Книга «Шаги к истокам...» была посвящена анализу фактов действительной истории, а не историографических. На основе первоисточников была предпринята попытка проверить аргументы Клапрота, Миллера, Абаева, которые породили огромную литера-

туру, т. е. создали так называемые историографические факты. А мои оппоненты — Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецов, В. Н. Каминский и др. — сетуют на то, что я не разбираю всю выросшую на идеях тех ученых литературу. Однако нет труда убедиться в том, что, подрубая корни ложной теории об исключительном ираноязычии всех скифо-сармато-аланских племен, незачем заниматься ее многочисленными историографическими ветвями и отростками, они иссохнут сами.

Выстроенные в логический ряд исторические факты и вскрытые противоречия, долго замалчивавшиеся сторонниками сплошного ираноязычия названных выше племен, объявлены моими оппонентами «подтасовкой фактов», потому что они напрочь разрушают много лет культивировавшееся мнение. «Фальсификацией» они называют то, что преподносимые в их трудах будто бы ираноязычные термины, имена, тексты оказываются тюркскими и более соответствуют исторической действительности. При их тюркском прочтении не требуется никаких хитроумных и головоломных изысканий и искажений оригиналов.

Факты так называемого историографического порядка породили ставшую весьма популярной в литературе идею об ираноязычии алан, хотя историческая наука не располагает ни единым сведением из первоисточников, подтверждающим эту идею. Тем не менее приходится только удивляться, как многие авторы машинально ставят перед именем алан бездоказательное — «ираноязычные».

Это тем более странно потому, что некоторые ученые попросту не хотят замечать, что о тюркоязычности алан имеется достаточно неопровержимых данных:

- родоплеменные группы «алан» и «аландан келген» у туркмен и алтайцев;
- аланами мегрелы называют карачаевцев;
- последними носителями этнонима «алан», по Миллеру, были балкарцы и карачаевцы;
- тюркское значение термина «алан» — долина;
- в XVIII—XIX веках Аланией назывался Карачай;
- этноним «алан» сохранился только у карачаевцев и балкарцев;
- масса топонимов, содержащих термин «алан» везде, где прежде обитали тюркские племена;
- упоминавшийся выше вывод Г. А. Кокиева о генетическом родстве балкарцев и карачаевцев с кавказскими аланами.

Указанным фактам особый колорит придают сведения Ю. Кулаковского, собранные из античных и византийских источников. Они хорошо фиксируют алан на Дунае в IV, VI—VIII, XIII веках:

- область Алания значится на карте 776 года у устья Дуная;
- Конрад Миллер говорит, что на карте Иеронима (IV век), сохранившейся в Кодексе XII века, значится приток Дуная, содержащий в своем названии этноним «алан»;
- на карте Ричарда Гольдингамского (XIII в.), на карте

Эрбсторфского монастыря в Ганновере (1284 г.) на нижнем Дунае также значатся топонимы, содержащие этноним «алан».

Все перечисленное вскрывает довольно странную картину: аланы оставили о себе память и на Алтае, и в Туркменич, и в Карачае, и в Балкарии, и даже на Дунае, в гуще южнославянских и фракийских племен, где в свое время «растворились» и ославянились даже тюркоязычные болгары. Одним словом, аланы оставили следы своего пребывания везде, где только обитали в IV—XIII веках. Спрашивается, что же с ними случилось на так называемой «основной территории их миграции», т. е. в Осетии, где они не оставили даже намека ни в фольклоре, ни в топо-гидронимии, ни в языке? Кстати, в том самом языке, который аланы якобы навязали кавказцам — двалам, тагаурам, куртатам и др.

И тем не менее некоторые ученые, начиная со времен Клапрота, часто прибегая к толкованию термина «дон», означающего на осетинском языке «вода», «река», не замечают на пути своих рассуждений серьезное препятствие. Их должен был насторожить еще один вопрос: почему же расселившиеся по всему Северному Кавказу будто бы ираноязычные скифо-сармато-аланы не назвали подобным термином ни одну мало-мальски заметную реку этого края — Лаба, Кума, Кубань, Зеленчук, Малка, Баксан, Чегем, Черек, если на берегах Кубани, Зеленчуков, Терека еще в XII—XIII веках находились крупные резиденции аланских царей, их культурно-административные центры и города, типа Нижний Архыз, Джулаты и др.? (В. А. Кузнецов). Наконец, даже «колыбельная» для «алано-осетин» — река Терек — именуется у них тюркским ее названием — «Терк», т. е. Быстрая.

Пыл моих оппонентов несколько должен был охладить и такой факт: гора, откуда истекает река Терек, называется осетинами «Зилги-хох», т. е. «Зилги-гора», а слово «Зылгъы» является пространенным по всему тюркоязычному ареалу термином «Зылгъы-Жылгъы-Йылгъы» — «проток», «русло» (С. Алимов, Ф. Гарипова). Этот гидроним отражен и в русском названии речек — «Золка».

В контексте топо-гидронимов Осетии уместно отметить, что один из крупнейших ледников Казбека — Кельский берет свое название от тюркского «кель» — озеро (С. Понамарев), а река Терек еще у Плиния значилась под тем же почти именем, что и сейчас, — Д и р и к (А. Муравьев).

Когда речь заходит о тюркоязычности алан, следует вспомнить и некоторые письменные источники, которые прямо или косвенно отражают эту тему. Напомним, что при необходимости различить множество племен, обитавших вокруг Меотиды, Аммиан Марцелин подчеркивал — «р а з н ы е п о я з ы к у». Затем он подробно характеризует образ жизни и культуру гуннов, агафирсов, меланхленов, гелонов, аланов, которых только что категорически различал по языку друг от друга. Но когда автор переходит к сопоставлению характеристик алан и гуннов, он пишет, что аланы «во всем похожи на гуннов, только с более легким и более культурным обра-

зом жизни...». Из этого сопоставления может быть только один вывод: основным отличительным признаком для упомянутых народов у Марцеллина был язык. А если он подчеркивает, что аланы и гунны «во всем похожи», и в данном случае отличает их только более легким и культурным образом жизни, значит, он имеет в виду похожесть языка и этнических обычаев. Такому выводу способствует и последующее сведение Аммиана Марцеллина. Он продолжает: «...аланы по варварскому обычаю втыкают меч в землю и поклоняются ему... гадают о будущем по ивовым прутьям». Следовательно, не может быть сомнения в том, что автор связывает эти племена и по общим этническим обычаям. Вряд ли кто всерьез может отказать Марцеллину, что под «варварами» в сравнении с аланами (с более легким и культурным образом жизни) он имел в виду гуннов. Стало быть, «варварские» гунны гадали по ивовым прутьям и поклонялись мечу. Очень уместно здесь вспомнить сведения Иордана о мече Марса, упавшем с неба, которому поклонялись гунны.

Второй письменный источник — это Иордан (VI в.), который писал, что после смерти Аттилы произошло перераспределение земель подвластных ему племен «и часть аланов со своим вождем по имени Кандак получила Малую Скифию и Нижнюю Мезию». Эта часть аланов названа Иорданом «Керти аланорум», т. е. Керти аланы, что означает на карачаево-балкарском языке «Истинные аланы» или «Настоящие аланы». Кстати, надо учесть, что переводчики труда Иордана слово «к е р т и» не переводят и не объясняют его смысла (Е. Ч. Скржинская). Ошибка в написании этнонима и имени вождя исключаются потому, что нотарием у Кандака был дед Иордана, а нотарием у его племянника по имени База, был сам Иордан. Встречающиеся в труде Иордана имена сарматского вождя — Бабаи, аланского — Кандак, племянника последнего — База не могут оставить сомнений в том, что перед нами тюркские термины. По признанию Е. Ч. Скржинской, «имя БАЗА не поддается пока объяснению». А не поддается оно потому, что исследователи не обращались к тюркскому его значению: «сила», «мощь», «опора». А слово БАБАИ — это «дед», «предок», «старший». Имя КАНДАК как указывалось выше, образовано из тюркского слова КАН/ХАН с прибавлением словообразовательного аффикса ДЫК/ЛЫК и означает: «Замещающий хана», «Будущий хан» (М. З. Закиев). В связи с разъяснениями этих имен очень важно одно замечание: при этимологии скифо-сармато-аланских имен и терминов иранисты никогда не прибегают к тюркским значениям и беспардонно заявляют: «Все, что не поддается объяснению из иранского, вообще не поддается объяснению» (В. И. Абаев). Такая беспардонность достаточно полно обнажена на многих примерах, приведенных в этой книге.

В качестве третьего письменного источника мы приведем сведение знаменитого Абу-л-Хасана Али ал-Гарнати, обыкновенно известного под именем Ибн-Саид ал-Магриби (1214—1274 гг.). Он занимался в 36 багдадских библиотеках, много путешествовал,

бывал в Армении, Сирии, Турции, Тунисе, Египте. В науке преимущественное внимание уделяется историческим трудам Ибн-Саида, в которых он продолжал традиции своего рода и заканчивал некоторые работы, начатые еще его отцом и дедом. Он хорошо знает русов на Дону и около Азовского моря, отлично разграничивает буртасов, узов, команов-кипчаков, упоминает народы Кавказа. «Из кавказских народов,— пишет он,—самым западным был народ КАСА, далее к востоку жили АЗКИШИ, АБХАЗЫ и АЛАНЫ. Все они были христианами; кроме абхазов, все считались тюрками». Очень важно заметить, что автор отличает абхазов от тюрков, а значит, отличал их и от других соседей.

Четвертый источник — это известный историк и географ Исманл ибн Али ал-Аййуби, чаще всего именуемый Абу-л-Фида (1273—1331 гг.). Он писал, что «к востоку от абхазов на берегах моря находится город Алан. Этот город назван так по имени народа алан, который его населяет; аланы — суть тюрки, которые приняли христианство. Аланы в большом количестве обосновались в этой стране так же как к западу от Ворот Ворот (Дербент.— И. М.). Поблизости живет народ тюркской расы по имени Ассы».

Для продолжения конструктивного научного разговора и диспута хотелось бы порекомендовать оппонентам без излишней суеты и окриков, без ярлыков и оскорблений спокойно выстроить такой же ряд фактов из этнонимии, топонимии, письменных источников об ираноязычности алан.

Однако вместо этого некоторые ученые, например Ю. С. Гаглойти и его сторонники, не имея других доводов и аргументов, начинают обвинять в некомпетентности не только выдающегося историка и географа средневековья Абу-л-Фиду, но и всю арабо-персидскую и западноевропейскую литературную традицию, якобы не отличавших народы друг от друга и именовавших всех подряд тюрками. Такое обвинение ничем не обосновано, ведь отличал же Ибн-Саид, прямой предшественник Абу-л-Фиды, абхазов от тюрков и алан!

Как только источники сообщают об асах и аланах что-либо неугодное построениям Ю. С. Гаглойти и его единомышленникам, незамедлительно и автор источника, и исследователь, использующий эти сведения, тут же обвиняются и в некомпетентности, и в неуважении к истории, и в фальсификации.

Утверждая, что Абу-л-Фиды термин «тюрки» использовал в довольно расплывчатом смысле, Ю. С. Гаглойти пишет: «...под этими словами я полностью подписываюсь и теперь». Конечно, своя рука — владыка, но прежде, может быть, все же стоило, наверное, проверить свои источники, натолкнувшие на такой приговор?

Прежде всего Ю. С. Гаглойти ссылается на слова Йозефа Маркварта, представителя ортодоксальной школы, о принадлежности алан и асов к индо-арийской расе. Маркварт писал, что под термином «тюрки» у Абу-л-Фиды «следует подразумевать возвратившихся в степи алан, в отличие от алан на Кавказе». Более странного заявления трудно отыскать. Во-первых, у географа речь

идет исключительно только о кавказских аланах — на Западном и Центральном Кавказе, по соседству с абхазами и Дербентом. О каких степях здесь можно говорить? Во-вторых, историки, изучающие алан по письменным источникам и археологическим данным, вряд ли могут ответить: в какие степи и откуда, о каком возвращении алан и куда может идти речь? Одним словом, беспочвенная фраза Маркварта вообще не имеет никакого научного смысла!

Следующий источник Ю. С. Гаглойти — это слова Б. Н. Заходера: «Подобно тому как Северные горы (Гималаи), по описанию ал-Бируни, отделяли культурную Индию от «тюрок», так и Каспий в арабо-персидской географии был по преимуществу областью «чужих» народов, также объединенных в так называемой мусульманской литературе понятием «тюрки». Из этой фразы ученого вытекает лишь один вывод, а именно тот, что мусульманская литература иногда переносила термин «тюрки» на «чужие» племена, имея в виду чужую для арабов религию и культуру, а не потому, что арабо-персидская наука путала языки, нравы и обычаи, прочие этнические особенности народов. Живым примером тому могут быть многочисленные сведения этих ученых о булгарах, гузах, кипчаках, кимаках, тургешах, тогузогах, татарах, туркменах, хазарах, карлуках со всеми их подразделениями и мелкими родовыми названиями, не путая их ни с кем (Ибн-Хордадбех, Мас'уди, Марвази, Ибн-Русте и др.).

Третий источник Ю. С. Гаглойти — это мнение Н. Л. Гумилева. Слова видного ученого о том, что «в VIII—X вв. арабы называли тюрками всех воинственных кочевников», являются одним из самых уязвимых мест в построениях Гаглойти. В самом деле, а кого же еще можно было назвать тюрками в VIII—X веках, если не кочевников — потомков гуннов — кутургунов, утигунов, болгар, хазар, торков, берендеев, клобуков, печенегов, тургешей, кимаков, гузов, огузов, тогузогузов, кипчаков, карлуков и массу их различных подразделений? Кого в этом ряду воинственных кочевников не хватает? Кого из них можно назвать ираноязычными? И вообще, есть ли письменный источник, отмечающий ираноязычных кочевников в указанный период на просторах евразийских степей?

И последнее, на что пытается опереться Ю. С. Гаглойти, — что Константин Багрянородный будто бы называет тюрками венгров. В таком отождествлении нет ничего удивительного для автора X века, поскольку венгры своими этническими корнями уходят вглубь урало-алтайской общности и в угро-тюркский синкретизм эпохи средневековья. В Венгрии растворилась масса гуннских племен державы Аттилы. Даже венгерский языковед Янош Карой Бешш (Бессе) писал в 1830 году, что нет другого народа, так близко похожего на венгров, как карачаевцы и дигорцы (последние мне представляются обывавшимися тюрками).

Таким образом, ни слова И. Маркварта, ни слова Б. Н. Заходера, ни мнение Н. Л. Гумилева, ни сведения Константина Багрянородного не дают ни малейшего повода подписывать такой серьез-

ный приговор арабо-персидской и западноевропейской литературной традиции. Единственным оправданием может служить лишь тот факт, что они противоречат идеям Ю. С. Гаглойти. Однако ему следовало бы не только проверить свои источники, но и согласовать свой «приговор» с общемировой оценкой арабо-персидской историко-географической науки.

Например, академик И. Ю. Крачковский писал, что «иногда для отдельных стран за некоторые периоды их истории арабская географическая литература является или единственным, или важнейшим источником». В XVII веке историк Испании ал-Маккари, приводя справку об арабских путешественниках из Андалузии на Восток, которые имели в виду научные цели, насчитывает, помимо купцов, около 200 человек. Именно арабская историко-географическая наука X—XIV веков впервые оставляет массу многообразных и ценнейших сведений о хозяйстве, быте, культуре и границах расселения древних саклабов (тюрков), русов и ал-Русйа (русских и России). Еще в начале 80-х годов XIX века, когда арабская литература была известна далеко не в таком объеме, как сейчас, историк крестовых походов Пруцц писал: «Лучшим их трудам литература на западе того времени не может указать никакой параллели. Стоит перечитать арабских историков и сопоставить с ними лучшее, что создала в то же время историография Запада, — ни минуты не придется колебаться в определении того, где больше действительно исторического чувства, больше политического понимания, больше вкуса в форме и искусстве изложения».

По словам И. Ю. Крачковского, «арабы дали полное описание всех стран от Испании до Туркестана и устья Инда с обстоятельным перечнем населенных пунктов, с характеристикой культурных растений, мест нахождения полезных ископаемых. Их интересовали не только физико-географические или климатические условия, но в такой же мере и **быт**, промышленность, **культура**, **язык**, религиозные учения. Сведения их выходят далеко за пределы известного грекам мира. Последние плохо знали страны к востоку от Каспийского моря, не имели почти никакого представления о восточных берегах Азии к северу от Индо-Китая». Возможно, поэтому асов и алан путали и отождествляли именно только европейские авторы, плохо знавшие Азию (В. А. Кузнецов).

В географической науке XIV века Абу-л-Фида, конечно же, был звездой первой величины. Он на себе испытал власть кипчаков, а потому имел представление о тюркском языке, неоднократно участвовал в торжествах при дворе монгольского хана. Последнее обстоятельство также может свидетельствовать о том, что он мог различать тюркский и другой язык. Оплотности в отношении языков для знаменитого географа и историка исключаются хотя бы потому, что он в своих трудах широко пользовался всей арабо-персидской историко-географической литературой. Из классических трудов это были прежде всего работы Ибн-Фодлана, Мас'уди, Марвази, ал-Истахри, Ибн-Хордадбеха, ал-Идриси, ал-Бируни, Ибн-Саида и др. Вряд ли такому кругу ученых можно отказать в

знании хотя бы персидского языка, чтобы они могли не различать иранскую речь алан от тюркского языка.

Абу-л-Фида также широко пользовался устными источниками — сведениями купцов. Уж кто-кто, а купцы наверняка могли различать языки в пределах орбиты своих торговых операций.

К приведенным фактам следует добавить, что, описывая крепость Кирк-иер (ныне Чуфут-кале в Крыму), Абу-л-Фида сообщает, что она лежит в области народа Асы. Безымянный автор «Сокращенной истории Крыма», сочинение «Семь планет» Сеид Мухамеда-Ризы и предания о взятии Кирк-иера татарами подтверждают свидетельства географа. В этих трудах население Кирк-иера названо асами, а по религии отнесено к христианам. Мухамед-Риза называет асов «могульским племенем» (монгольским?), а автор «Сокращенной истории» — татарским. Как видим, Ибн-Саид и Абу-л-Фида были далеко не одинокими в своих суждениях об асах.

Выдержки из этих произведений, — пишет Ю. Кулаковский, — приводит Смирнов в своем труде «Крымское ханство до половины XVIII века» (СПб., 1887. С. 104). И в связи с этим Ю. Кулаковский продолжает: «Григорович в своей «Записке антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в Корсунскую землю и южные побережья Днепра и Днестра» (Одесса, 1874) отмечал, что среди выселившихся из горного Крыма в прошлом веке, известных под именем «мариупольских греков», были две группы: одна — таты, говорившие на греческом, и другая — Базариане, говорившие на татарском языке. Григорович полагал, — отмечает Кулаковский, — что базариане — потомки алан, и сослался на поселение алан в местах, указанных в «Алашском послании епископа Феодора».

Нам кажется, что упомянутые Григоровичем «базариане» несомненно есть инновация или иноязычная транскрипция имени народа «База», указанного хазарским царем Иосифом в X в. Этот этноним заставляет вспомнить и имя аланского вождя База, названного Иорданом.

Коль скоро речь зашла об этнических названиях и исторических именах, следует отметить одну парадоксальную ситуацию. Дело в том, что в своих работах В. И. Абаев, В. А. Кузнецов, Ю. С. Гаглойти и другие осетиноведы часто спекулируют на очень важной и серьезной теме — древних культурных и кровнородственных связях «алано-осетин» с грузинами, армянами, абхазами, сванами. Оставляя на их совести, что в трактовке, например, имени «Осбагатар» они никогда не упоминают, что тюркский титул «батыр» — смелый был широко распространен у сабиров, болгар и других тюрков, подчеркну другое. Разбирая Зеленчукскую надпись, В. Ф. Миллер писал: «Считаю нелишним сказать еще несколько слов по поводу имени БАКАТАР, встречающемуся в рассматриваемой надписи. Это несомненно тюрко-татарское слово вошло, как и многие другие слова тюрко-татарские, в осетинский язык весьма рано, гораздо раньше окончательного водворения тюркских племен в западных частях осетинской территории» (?). Но самое

главное в том, что при таких тесных и интимно-родственных отношениях осетины, казалось бы, должны были хорошо знать своих исторических партнеров. Однако им вообще незнакомо самоназвание грузин, абхазов, которых они именуют их «книжными» этнонимами, а не самоназваниями. И уж совсем непонятно, что армян, с которыми аланы породнились еще в первых веках, выдав за Арташеса свою красавицу Сатиник, «потомки аланов» знают по их грузинскому этнониму «Сомех», которым армяне сами себя не называют. Эти факты, отраженные в словарном фонде осетинского народа, говорят сами за себя и свидетельствуют о глубине исторических контактов.

Особого внимания заслуживает интерпретация термина «овс». Известно, что он был внесен в «Картлис Цховреба» во «Вставке» XVIII века (Г. В. Цулая). А в том же веке Вахушти, несомненно имевший отношение к этой «Вставке», овсами именует балкарцев. Ничего удивительного нет, если вспомнить, что термин «овси» сваны закрепляют за карачаевцами (Н. Г. Волкова). И уж совсем выбивает почву из-под ног авторов, отождествляющих «книжное» овси грузинской хроники Леонти Мровели с нынешними осетинами, слова Н. Я. Марра: «Термин осский (осетинский) у сванов означает не иронский язык, как мы это понимаем, иранского происхождения, а карачайский, относящийся к турецкой семье. Для иронского у сванов термин «дигорский». У лашхцев, во всяком случае по объяснению О. Арсена, **Сави-ар асы** или **осетины** означает и карачайцев-татар и других осетин, т. е. выходит так, что термин имеет территориальное значение, и все, кто проживает на обозначаемой им территории, турки ли, карачайцы они или народ иранского племени — ироны (наши «ос»-и, обычно — осетины), у сванов, по крайней мере лашхцев, они называются одинаково — сави-ар-ами, т. е. осами-осетинами. Кстати, по личному сообщению А. Г. Шанидзе, так обстоит дело и в гебском подговоре рачинского говора грузинского языка: здесь ос-и, кстати, звучащее в глольском говоре иногда, как и в древнегрузинском, — овс-и (ср. мингр.: офс-и), означает обыкновенно карачайца, а осури — карачайский язык, что же касается переноса и распространения этого этнического термина, — продолжает Н. Я. Марр, — также и на иронов-осетин, т. е. употребление его вместо племенных названий дигорел-и «дигорец» и двал-и «двал», то в этом надо видеть плод влияния грузинского литературного языка или точнее грузинской речи интеллигенции». Вероятно, той самой ученой интеллигенции, которая и внесла в XVIII веке «Вставку» в хронику Леонти Мровели.

Считаю нелишним отметить очень важный момент в словах Н. Я. Марра. Имеется в виду ссылка на рачинский говор грузинского языка. Дело в том, что здесь ошибка исключается потому, что, по сообщению И. Гильденштадта, балкарцы постоянно ходили на еженедельные базары в Рачи, и они, рачинцы, не могли их язык перепутать с кем бы то ни было, так как неизменно пользовались их торговыми услугами.

В своих суждениях об аланах и асах не были последователь-

ными и европейские ученые XIX века. Например, Г. Ю. Клапрот писал, что «эти ассы являются или самими осетинами или живущими в их стране (Алании) татарскими племенами балкар и чегем, которых и теперь осетины называют ассами». Такая же неуверенность чувствуется в работах современных авторов, которые в одном случае пишут о неоднородных в этническом отношении аланах и асах, а в другом называют их «ираноязычными алано-асами» (И. М. Чеченов). К весьма странному рассуждению прибегает и В. А. Кузнецов, пытаясь найти лазейку при помощи следующей формулировки: «Но даже если допустить, что этническим «ас» имеет тюркское происхождение, это не значит, что он принадлежал тюркам и не имел отношения к осетинам». Во-первых, этноним «ас» имеет прямое отношение к осетинам в том именно смысле, что этим древнетюркским термином они называют на своем языке не себя, а своих многовековых соседей — балкарцев. По нашему мнению, это соседство уходит в глубь веков соседства древних «курганников» и «катакомбников» эпохи бронзы. Во-вторых, если еще в XV веке (И. Барбаро) термин «ас» был самоназванием алано-осетин (В. А. Кузнецов), то странность рассуждений этого автора не требует комментариев. В-третьих, этноним «ас» не просто имеет тюркское происхождение, а поныне существует как родоплеменное имя среди ногайцев, алтайцев, казахов, киргизов, узбеков, каракалпаков. Бытование асов среди средневековых тюрков уже признается отдельными авторами (Е. П. Алексеева).

А между тем в вопросах об аланах и асах путается и Ю. С. Гаглойти. В своей «рецензии» на мою книгу он пишет, что под именем алан, овсов, ясов, аснев, ассианов, асов «древние и средневековые авторы обозначали один и тот же этнос, основной территорией обитания которого, начиная с последних веков до н. э. и вплоть до нашествия тимуровских орд, были центральные районы Северного Кавказа и потомками которого являются современные осетины». Это утверждение, культивируемое всеми средствами, представляет собой верх фальсификации истории, потому что историческая наука не знает ни одного источника, позволяющего говорить о том, что перечисленные племена были ираноязычными предками осетин. Именно подобное утверждение Ю. С. Гаглойти и его сторонников подвергалось критике в моей книге. На с. 57—93 я подробнейшим образом показал всю беспочвенность стремлений Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева и других отождествлять алан и асов, считать и тех и других ираноязычным племенем. Пункт за пунктом я рассмотрел несостоятельность всех их аргументов, начиная с сообщений Г. Рубрука, П. Карпини, И. Барбаро. Подобный подробный анализ всех моих аргументов и будет объективной рецензией моих оппонентов, а не их голые окрики и ярлыки.

В результате становится очевидным, что усиленное навязывание осетинскому народу чужого имени «ас», от которого сам народ, на своем родном языке отрекается в пользу своих соседей, и

есть более чем неуважение к исторической памяти народа.

Как бы ни изощрялись Ю. С. Гаглойти и его сторонники, им никак не удастся ответить на прямой вопрос, вытекающий из первоисточников: можете ли вы хоть одним-единственным фактом письменного источника аргументированно доказать тождество алан и асов? Можете ли указать одного-единственного древнего или средневекового автора, который пишет или хотя бы намекает на ираноязычность алан и асов? Ведь об аланах и асах написано много!

Ю. С. Гаглойти, конечно же, знает, но грешит перед истиной, забывая, что «локализация асов в первой половине I тыс. н. э. в пределах узко ограниченной территории (как это хочется Гаглойти. — И. М.) маловероятна: Ю. Кулаковский и Томашек пытались их разместить выше излучины Дона, а А. Д. Удальцов — у Тилигульского лимана. В. Тарн размещал их в Средней Азии, к этому же мнению присоединился С. П. Толстов» (В. А. Кузнецов).

Таким образом, в дискуссию об асах хочется вступить со следующими фактами:

1. Ас — это древнетюркский этноним, известный по китайским источникам первых веков.

2. Ас — это древнетюркский этноним, известный по Орхоно-Енисейским надписям VII—VIII веков.

3. Ас-киши — это тюркский этноним, означающий «асский человек», зафиксированный в X веке Ибн-Хордадбехом, в XIV веке Ибн-Саидом, Абу-л-Фидой. Ас-киши — это то же самое, что осетинское название балкарцев — Ас+он.

4. Ас — это татарское племя по анонимному автору XIV века.

5. Аас (Агь-ас) — Белые асы — монгольское название половцев.

6. Ас — родоплеменные группы у каракалпаков, ногайцев, алтайцев, узбеков, казахов и др.

7. Ас, Ишбай-Ас, Хусин-Ас — топонимы в Каракалпакии.

8. Ас-кала — топоним в Балкарии.

9. Ярополк ходил войной на половцев, а в плен приводил ясов.

10. Жена Андрея Боголюбского была болгарка — родом из асов/ясов.

11. «Язык же ясеський яко ведомо от печенеженска рода...»

12. Су-ас, т. е. «Речные асы», — марийское название волжских татар.

13. Су-ас — самоназвание чувашей.

14. Биук-ас, Кичик-ас — две волости в Крыму, населенные асами и означающие: Большой Ас, Малый Ас.

15. Ас+он — Асский человек — осетинское название балкарцев.

16. Стур-Ассиаг — Большая Асия — осетинское название Карачая.

17. В сказках балкарцев люодед говорит: «Ас ийис, адам ийис!», т. е. «Асский дух, человеческий дух!».

Вновь хочется пригласить своих оппонентов выстроить такой же ряд фактов об ираноязычии алан и асов, об их тождестве как между собой, так и с современными осетинами. Не плохо было бы

одновременно получить ответ и на вопрос: почему же асами марицы называют татар, а осетины балкарцев? Мне кажется, что здесь есть над чем подумать, прежде чем просто отмахиваться от очевидного.

Беспомощной декларацией, сродни пасквилю, действительно свидетельствующему и об отсутствии чувства меры и чувства такта, является утверждение Ю. С. Гаглойти, что я доказываю тюркское происхождение дигорцев, «основываясь исключительно на одном более чем сомнительном сообщении автора XVIII века, полностью игнорируя при этом существующую литературу и источники». Насколько тактичен оппонент в таком заявлении и насколько я «исключительно» пользуюсь только словами Я. Рейнеггса, читатель может убедиться сам, сравнив слова Гаглойти со с. 78—94 моей книги. Но если оппонент хочет исключительности, то он может оказаться единственным, кто мог бы указать мне хоть один источник, который свидетельствовал бы об изначальном ираноязычии дигорцев!

Что касается Я. Рейнеггса, то ничего удивительного нет в том, что, проверяя его сведения, Клапрот, ярый сторонник ираноязычности алано-асов, обуреваемый поисками индо-ариев, не мог, да и не хотел согласиться с Рейнеггсом, не мог не поставить под сомнение его слова.

Ю. С. Гаглойти, вслед за В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым, пытается связать сарматский воинственный клич «Маржа!» с осетинским словом «убивать» или же с иранским «яд». Однако у балкарцев и карачаевцев этот клич употребляется во многих значениях: «Кел, маржа, кел!» — Приходи, маржа, приходи!; «Кет, маржа, кет!» — Уходи, маржа, уходи!; «Къой, маржа, къой!» — Оставь, маржа, оставь!; «Бер, маржа, бер!» — Дай, маржа, дай! и т. п. Думаю, что только очень пылкая фантазия может объявить или связать эти понятия со словами «убивать», «яд», а тем более увидеть в них грузинское «марджва» — успех.

Когда речь заходит о древних племенах, некоторые ученые в своих спорах часто прибегают к утверждению, что частица «та» во многих этнонимах — это только осетинский показатель множественного числа. Не забыл прибегнуть к этому и Ю. С. Гаглойти. Однако эти ученые не учитывают, что частица «та» и «ат» — это распространенные показатели множественности во многих тюрко-монгольских языках (М. З. Закиев, Н. А. Баскаков). С позиции осетиноведов весьма трудно объяснить такие этнонимы, как: Ойрат, Онгут, Юрмат, Дулат, Конграт, Тангут, Телеут, Якут, Бурят и т. д. К тому же, оппоненты вновь утаивают от читателей одно очень привлекательное замечание В. Ф. Миллера, всячески старавшегося доказать ираноязычность алан и асов. Заметив неясность происхождения осетинского суффикса множественного числа «та», он вынужден был признать, что «вследствие фонетической утраты древнего праиранского суффикса мн. ч. осетинский язык должен был приискать новый знак множественности, и найдя таковой в загадочном для нас — ТА, переделал свое склонение на

урало-алтайский или угро-финский лад», и что, «быть может, не слишком смело предположение, что этому приему научился Иран от соседнего Турана» (т. е. Тюрков. — И. М.).

В своих спорах мои оппоненты часто искажают и сведения такого авторитетного и общепризнанного источника, как «Армянская география» VII века. В данном случае можно позавидовать «смелости» Ю. С. Гаглойти и его друзей. Судите сами: источник однозначно гласит — «...народ АГВАНОВ (не АЛБАН)...». Такая серьезная оговорка для Ю. С. Гаглойти ничего не значит, и он пускается в пространные рассуждения о том, что в армянском языке звуки «г» и «л» часто чередуются и взаимозаменяют друг друга. Все верно, с этим никто не спорит. Но все это в данном случае война с ветром, так как в источнике специально подчеркнуто, чтобы не путали «Агван» и «Албан» (К. Патканов). Здесь не может быть и речи о взаимозаменяемости отмеченных звуков. Следовательно, неуместны и никакие подтасовки и подгонки типа: Агван-Алван-Алуан-Алан и т. п., к которым прибегает Гаглойти. Неуместно все это еще и потому, что строкой ниже и под отдельным номером источник ясно и четко фиксирует самих «алан». Впрочем, все это не имеет отношения к истории осетинского народа: ни аланами, ни асами ни сами осетины себя, ни их соседи осетин не называют, хотя на протяжении более тысячелетия хорошо знали эти племена.

Разбирая «погромные» рецензии оппонентов на мою книгу, специалисты, наверное, убеждаются в том, что в порыве гнева некоторые отказываются от того, что долгие годы преподносили осетинскому народу в качестве исторических фактов. Например, В. А. Кузнецов, одобвивший «труд» ученика Каминского, отказывается от следующего своего вывода: «Подводя итоги, мы можем прийти к заключению, что в эпоху раннего средневековья на Северном Кавказе, по-видимому, существовали два больших племенных союза, составляющих историческую Аланию. **Западный племенной союз** был связан с наименованием **асы**, **Восточный** — с наименованием **аланы**». Или же: «Наличие двух локальных вариантов внутри аланской культуры (которые я рассматривал на с. 139 сл. своей книги. — И. М.) свидетельствует о неоднородности аланской этнической среды и наличии в ней двух родственных племен». Не спасает В. А. Кузнецова и такая «соломинка», как принятая им в 1988 году попытка навязать аланам политический, культурный, этнический дуализм при едином иранском диалекте языка.

Ю. С. Гаглойти готов отказаться от своего заявления, потому что подобное же говорю и я на с. 89 своей книги. Сравните, пожалуйста: «Предельно четкая локализация (К. Багрянородным. — И. М.) асов в районе Дарьяльского прохода, который являлся восточной границей алан (вспомним хотя бы Прокопия Кесарийского), показывает, что асы располагались на территории исторической Алании, граничащей на западе, по данным того же автора, с адыгами, а на севере — с Хазарией».

Перед алановедами, если они хотят действительного анализа фактов, должен встать давно напрашивавшийся вопрос: почему 1000 лет проживавшие на Северном Кавказе, имевшие свое государство и даже письменность — аланы и их имя после XIII—XIV веков вдруг исчезают бесследно и из памяти самих осетин, которые якобы помнят даже скифо-сарматскую речь и обряды, а с аланами осознают и свое родство, и из памяти соседних народов по отношению к осетинам. Ведь народы Северного Кавказа поддерживали с аланами тесные контакты на протяжении всего этого тысячелетия. Ведь не забыли же мегрелы, что аланами именуют карачаевцев, не забыли и осетины, что асами назывались балкарцы.

В действительности, вряд ли кто другой на месте Ю. С. Гаглойти осмелился бы цитировать Аммиана Марцеллина. И не потому, что он солгал читателям, исказив мою мысль, а потому, что он всегда искажает этот источник. Он никогда не цитирует приводившиеся мной выше слова Марцеллина о том, что вокруг Азовского моря живут РАЗНЫЕ ПО ЯЗЫКУ множество племен. Источник перечисляет как раз те племена, которые Ю. С. Гаглойти в своих работах постоянно пытается объявить ЕДИНОЯЗЫКИМ этносом. Передергивает он и другую фразу источника: «Истр со множеством притоков течет мимо земли савроматов, простирающейся до Танаиса, СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ГРАНИЦУ между Азией и Европой. За нею тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор...» Но оппонент, который всегда цитирует только второе предложение этой фразы, идет-таки дальше и, не взирая на слова: «Танаис, составляющий границу между Азией и Европой» (а аланы живут за Танаисом, т. е. за Доном), утверждает, что у Аммиана Марцеллина «речь идет о Европейской Сарматии и частично Азиатской». Читатель, вероятно, убедился, что у Марцеллина речь идет только об Азиатской Сарматии, так как Танаис в представлениях древних писателей, в т. ч. и самого Аммиана, считается границей между Азией и Европой. Именно эту тенденциозность и критиковал я на с. 131 своей книги. Однако Ю. С. Гаглойти утаил от читателей, что на этой странице слова Аммиана Марцеллина были приведены мной для того, чтобы уличить оппонента в искажении сведений первоисточника.

Для отрицания тюркоязычности алан некоторые авторы часто прибегают к сведениям Ибн-ал-Асира о том, что в 1222 году монгольский полководец Субудей передал кипчакам следующее послание: «Мы с вами один род, а эти аланы не из вас (не из вашего рода, а не народа. — И. М.), чтобы вы помогали им, и вера их не похожа на вашу веру...» Важно иметь в виду, что других отличий, кроме веры, они не замечают между кипчаками и аланами. Однако, разбирая это послание, отдельные авторы, в т. ч. и Ю. С. Гаглойти, «забывают» учесть весьма серьезные обстоятельства:

1. Это был обычный дипломатический прием монголов, много-

кратно используемый ими для того, чтобы разбить союзнические отношения своих противников. Таким же образом они хотели поступить с половцами и русскими накануне битвы на Калке, но, наученные горьким опытом, кипчаки на сей раз не поддались провокации. Так же монголы намеревались поступить с Хорезм-шахом в Мавераннахре, послав к нему несколько купцов и отряд тюрок из своего войска.

2. Слова монгольских дипломатов «мы с вами один род» объясняются тем, что, по словам А. Казембека, «под кипчаками Ибн-ал-Асир понимает кочевой народ половцев, которые, как обнаруживается из разнородных остатков языка, свидетельства византийцев и других признаков, были тюркского происхождения. **Войско же Чингисхана, вторгнувшееся в их землю** (т. е. отряд Субудея. — *И. М.*) **состояло, как известно, не столько из монголов, сколько из татар-тюрок**». Подобное обращение к кипчакам косвенно оправдывают и слова Хорезм-шаха: «Двинулся на нас враг со стороны Тюрок во множестве неисчислимом, со стороны реки Сихуна (Джейхуна? — *И. М.*), разделяющей земли тюрок от стран Ислама». Наличие тюрок в войсках Субудея подтверждает и сам Ибн-ал-Асир, утверждающий, что при походе на страны Ислама войска монголов «составляли большое племя тюрок».

3. Другой аспект монгольского послания к кипчакам вскрывает Троицкая летопись, подметившая, что монголы имели в виду зависимое положение кипчаков от монгол: «Мы приидоша на холы и наши и на конюси свои, на поганья Половци, а возьмите с нами мир, а нам с вами рати нету».

4. Акцент на то, что «и религия их не похожа на вашу», — прямо указывает, что аланы, к тому времени почти пять веков исповедовавшие христианство, имевшие свою епархию и пр., в корне отличались от язычников-кипчаков, монголов и других тюркских племен, состоявших на службе у Субудея. Именно о такой разнице позволяют судить следующие слова Ибн-ал-Асира: «Что же касается до веры его (т. е. монголов. — *И. М.*), то он поклоняется солнцу, во время восхода, и ничего не считает для себя запрещенным».

5. Наконец, самым серьезным аргументом монгольских дипломатов, не оставляющим никакой надежды моим оппонентам в данном споре, является то, что среди кипчаков все еще были живы их этнокультурные и этнородовые связи на востоке евразийских степей с монгольскими племенами. Субудей точно рассчитал эти этнические мотивы. Сам Субудей-баадур (б а т ы р) происходит из кипчакского рода Уранкатов (Уранхайцев). Поэтому у него был прямой повод обратиться к кипчакам со словами: «мы с вами из одного рода».

Первая часть этнонима Уранкат (слово «уран») означает по тюркско-арабскому глоссарию 1245 года, составленному на основе кипчакских и огузских слов, — понятие «змея». Кипчакское племя «уран» упоминается в 1181 году в письме Хорезм-шаха Текиша (родом тюрка) к правителю области Гура. Во главе этого кип-

чакского рода стоял Алп-Кара и его сын Кыран. Племянник Кырана Алп-Дерек был владельцем тюркского города Отрара, очень хорошо известного монголам. Вот как далеко уходило родство кипчаков с Субудеем и его отрядом.

По источникам VIII века, вторая часть этнонима (слово «кай») означает на монгольском языке то же понятие — «змея» (З. М. Буниятов, С. М. Ахимжанов, М. Ф. Кепрюлю).

Вот на этих древних родственных чувствах кипчаков сыграл так уверенно Субудей, а не потому, что кипчаки и аланы были разными по языку и этническому происхождению. И действительно, ведь дипломаты Субудея отмечали только разность их родов и веры.

Думаю, не будет слишком смелым заявление, что приведенные материалы в достаточной степени свидетельствуют о том, как многие факты умалчиваются некоторыми авторами, вступающими в спор об аланах и асах. В связи с подобным подходом к исторической действительности очень уместно вспомнить, как, переворотив массу источников об Отечественной войне 1812 года. Л. Н. Толстой сказал: «Эпиграф к истории я бы написал: «Ничего не утаю». Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно-умалчивая».

Еще в рукописи книги В. Б. Виноградов, И. Х. Ахматов и я предвидели и знали, кто из «ура-патриотов» осетинского народа и как будет писать о ней. Первым, как и ожидалось, откликнулся Ю. С. Гаглойти, затем В. А. Кузнецов и его друзья В. И. Марковин, И. М. Чеченов и, наконец, с их подачи, «не глядя» подмахнул заранее подготовленный пасквиль некий ученик В. А. Кузнецова соискатель В. Н. Каминский (Советская археология. 1988. № 4). Не берусь судить, какая безысходность заставила и насколько украшает научного руководителя использование своего доверчивого ученика в роли «подсадного», даже не прикрыв свои давно известные пассажи по поводу древнебулгарских рун и тамг в верховьях Кубани, привив ему манеру прикрываться авторитетом упоминавшегося С. Л. Тихвинского. Зато совершенно ясна безнравственность заманивания еще не во всем разобравшегося соискателя в свой давний спор с карачаево-балкарскими учеными (У. Б. Алиев, М. А. Хабичев, Х. А. Хаджилаев, И. М. Мизиев и др.).

В связи с этой ситуацией хотелось предупредить своего молодого оппонента, чтобы впредь, прежде чем позволять водить себя «на ниточке», даже за такую цену, как публикация в солидном журнале, он серьезно вникал в суть дискутируемой проблемы и рецензируемой книги.

В. Н. Каминский, на рецензию которого, как мне известно, возлагались особо радужные надежды в кругу моих оппонентов, обрушился на меня с позиций «абаевской аксиомы». В отличие от оппонентов, я располагаю куда более острым и действенным оружием — фактами, которые могут остудить их пыл.

Прежде чем, «не зная брода», ввязываться в давний и сложный спор в незавидной роли защитника безнадежно устаревших посту-

латов, Каминский обязан был, по совету учителя, «благословившего» работу, ознакомиться со специальным томом «Степи Евразии в эпоху средневековья» (М.: Наука, 1981). Сколько-нибудь объективный учитель непременно бы указал 89-ю страницу этого труда, на которую, кстати, указывал и я («Шаги к истокам...», с. 155). Там ясно сказано, что скальные захоронения можно связать с тюрками-болгарами. Однако у них не хватило духа ни прочесть это место, ни назвать «пантюкистами» солидный авторский и редакционный коллектив капитального тома. Побоялись они применить свои ярлыки и к В. Б. Ковалевской, работу которой я также рекомендовал прочесть. Увы, манера передергивать факты и двурушно подходить к оценке одних и тех же высказываний заслонила им здравый рассудок, и они «не заметили», как известный ученый, завершая свой труд «Кавказ и аланы» (М., 1984), писала, что в скальных гробницах «погребали своих умерших **не только** (а может, и не столько!) ираноязычные аланы, но и тюркоязычные народы, очевидно **болгары, генетическая связь которых с балкарцами и карачаевцами безусловна**».

Кому непонятен страх В. Н. Каминского и его руководителя назвать националистом И. Е. Саратова, идеи которого питают расхожие «байки» типа: «Сколоты — праславяне» (Б. А. Рыбаков). Праславянами могли быть скифы-земледельцы, каллипиды, алазоны, но не сколоты — потомки Таргитая. Но в то же время В. Н. Каминский хорошо усвоил царящий в индоевропеистике «ретроспективный империализм», преградивший путь изучению древнейшей истории тюркских народов, самовольно установив для них «день рождения» — эпоху хунну в Азии и гуннов в Европе.

В кругу моих оппонентов в последние годы стало особенно модным прикрывать этот «империализм» авторитетом С. Л. Тихвинского, который, как указывалось, объявляет любую попытку заглянуть глубже этого «рубикона» истории тюркоязычных народов формулировкой: «имеют место попытки...» Разве это не повторение оценки исторического значения тюркских народов в императорской Академии наук (Ученые записки императорской Академии наук по I и III отделениям. Спб., 1855. Т. 3, Вып. 5. С. 714). Подобное отношение к истории тюркских племен и народов особенно показательно в сравнении с тем, что **все без исключения накопленные человеческим разумом достижения** в Передней Азии и Евразии на протяжении VII—II тыс. до н. э. — **амбициозно объявляются наследием только индоевропейских народов**, хотя «никаких реальных следов пребывания древнейших индоевропейцев в Передней Азии нет» (И. М. Дьяконов).

Двурушный подход к истории народов позволяет В. Н. Каминскому и ему подобным безнаказанно жонглировать беспардонным заявлением акад. С. Л. Тихвинского и бравировать терминами «националистический», «пантюкистский», навешивать их, как правило, на представителей малых народов и нацменьшинств Советского Союза.

Искусство размахивать вырванными из контекста цитатами

еще в 30-х годах умело использовалось в грязных руках как испытанное оружие для расправы с оппонентами. Как тогда, так и теперь, это делается под спекулятивным прикрытием, дескать, «работа противоречит ленинскому пониманию национального вопроса» (В. Н. Каминский). Чтобы не разоблачать себя, демагоги, как тогда, так и теперь, не удосуживаются даже вникнуть в одно из самых основных требований В. И. Ленина: «...никаких привилегий ни одной нации, ни одному языку» и исследованию истории. Далее, Ленин указывал, что любое нарушение этого принципа уголовно наказуемо. Ленинские принципы получили дальнейшее развитие в новейших документах КПСС. Например, в Обращении ЦК КПСС «К партии, Советскому народу» от 10 января 1989 года сказано: «Партия выступает за уважительное отношение к национальным интересам, своеобразию и достоинству каждой нации и народности... для решения назревших вопросов культуры и языка, исторического наследия».

Через всю «рецензию» В. Н. Каминского проходит его очевидная близорукость в историко-материалистическом учении, упоительная вера в безгрешность В. И. Абаева, а в результате этого и непростительная удаленность от затрагиваемых в моей книге проблем, источников и литературы. В своих философских познаниях он не пошел дальше школярских штудий «Кратких курсов», последствия которых сегодня комментариев не требуют. Если бы его научный руководитель вместо подстрекательства подсказал бы ему, что марксизм-ленинизм, в отличие от «учения» Абаева, не догма, что его надо изучать не по отдельно вырванным цитатам, а в комплексе и в соответствии с диалектикой развития общественных формаций, предостерег бы его, чтобы, не познав общие закономерности, он не спотыкался о частности, тогда В. Н. Каминский не стал бы так опрометчиво доказывать, что «союз племен» не может быть «определенной ступенью исторического развития со своеобразным отличительным характером» (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 148—149, 168—170). Потрудись он проработать указанные им же работы В. И. Ленина и Ф. Энгельса, он бы понял, что «союз племен» не только «определенная», но и высшая ступень первой общественно-экономической формации человеческого общества. Прочти он вдумчиво с. 132—133 рецензируемой им книги, он не смог бы узреть там утверждений, что «союз племен» и «общественно-экономическая формация» — суть синонимы, точно так же, как не могут быть таковыми понятия: «здание» и «крыша».

Подобные уровню Каминского теоретические обоснования истории народов Северного Кавказа явились в 1949 году поводом навесить ярлык «фальсификатор истории» и «съесть» выдающегося советского историка, профессора МГУ, дигорца по происхождению, Г. А. Кокиева (У. А. Улигов). Очень сомнительно, чтобы в доносе на него не были использованы (в свете свежего тогда труда В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор») его «вульгаризаторские», «пантюристские» высказывания, что балкарцы и ка-

рачаевцы являются потомками алан и относятся к числу древнейших обитателей Кавказа. Разве не показательно, что даже теперь, при столь придирчивом «разносе» моей книги, ни один из оппонентов не упоминает ни имени, ни аргументов Г. А. Кокиева, на которые я ссылался на с. 135 своей книги. Отчего бы такое молчание?

Испытанный в те годы прием был применен В. А. Кузнецовым и его единомышленниками и по отношению ко мне, благо, что в соответствующих органах знают цену фактам и умеют с ними обращаться.

Таким образом, верный ученик продолжает «прославленные» традиции своего учителя — как справляться с неугодными оппонентами.

Вместо ознакомления ученика с достижениями археологической науки В. А. Кузнецов откровенно одобряет и прививает ему навыки двурушничества. Вот только три примера:

1. В. А. Кузнецов всегда считал, что западный вариант аланской культуры связан с асами, а его ученик за это упрекает меня.

2. В своей рецензии на книгу С. А. Плетневой «От кочевий к городам» В. А. Кузнецов не оспаривал принадлежность «солнечных» амулетов тюркам. Умолчал, а значит, признал культ волка в религиозных воззрениях тюркских племен (Советская археология. 1969. № 2), а теперь доверчивыми руками соискателя пытается все это обернуть выборочно для оскорбления меня и дискредитации моей книги, «забыв» прочесть в работе С. А. Плетневой следующее: «Возможно, что в аланские могильники волчьи клыки не попадали потому, что **волк был символом и тотемом тюрков**» (с. 174). Далее: «Итак, **«солнечные» амулеты, широко распространенные в Хазарском каганате, были символами Тенгри-хана — бога неба, которого, кроме того, называли «чудовищным героем**» (с. 178).

3. Вот как демонстрирует свою «объективность» В. Н. Каминский (СА. 1988. № 4. С. 274), преднамеренно разорвав мою фразу, завершающуюся словами: «...волк являлся тотемным животным, прародителем и божеством древних тюрков, как, **впрочем, и у многих других народов**» (Шаги к истокам..., с. 38).

В связи с этими высказываниями можно допустить, что сюжет волка мог попасть в Рим такими же путями, как и сюжеты о Прометее, Кентаврах, о пастухе Кавказе в древнегреческую мифологию. Однако вопрос требует специального изучения. Но у Каминского в данном контексте проскользнула весьма заманчивая мысль, что «судьба сарматов может быть предрешена...». Да, он близок к истине, если не удастся отыскать в ираноязычном мире продолжателей хоть какого-нибудь элемента традиционной, этнокультурной специфики сарматов — «конядов», употреблявших кобылье молоко, «из кумыса сыр едящих». Или же, если не удастся опровергнуть данные сарматского погребения I в. н. э. «Соко-

ловой могилы» на Южном Буге. По крайней мере, судьба тех сарматов предрешена следующими фактами:

— погребальное сооружение с бревенчатым накатником и подстилкой из травы;

— наличие войлочных изделий;

— захоронение лошади;

— скульптурные изображения мужчин с приплюснутыми носами.

Вот как характеризует Г. Т. Ковпаненко одну из скульптур — золотую ручку сарматского зеркала: «...выполнена в виде фигурки мужчины восточного типа, сидящего со скрещенными ногами... одет в стеганый халат, доходящий до колен... узкие, чуть раскосые выпуклые глаза... с широкими крыльями нос слегка приплюснут».

Интересно бы спросить, на чью чашу весов оппоненты кладут тот факт, что, защищая ираноязычность скифо-сармато-алан, **все они остаются** в своих аргументах **только** на уровне 1802—1887 годов, которые я и подвергал сомнению. Где же накопленный наукой новый материал? Ведь за истекшие годы фактическая база археолого-этнографической науки о народах Северного Кавказа неизмеримо выросла, и тюркологи черпают все новые и новые факты в споре с иранистами.

Проанализировав все аргументы Ю. Г. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, я подвергаю сомнению научную безупречность их трудов, **послуживших основой зарождения теории** о сплошном ираноязычии всех скифо-сармато-аланских племен. Достаточно было обосновать и поставить перед каждым из них по одному из вопросов:

— почему переселенцы из Картель-Сомхети превращены в «иранцев», а потомки хазарского царя Уобоса в осетин? (Клапроту);

— почему выборочно отождествили алан армянских источников именно с асами? (Миллеру);

— почему осетины асами называют не себя, а балкарцев? (Абаеву),—

и эйфорическая аксиома рухнула, как карточный домик.

Однако под прикрытием громких окриков и ярлыков мои оппоненты уводят читателя от анализа аргументов, лежащих в основе теории, и продолжают по-прежнему:

— машинально ставить перед этими племенами голословный определитель — «ираноязычные»;

— продолжают считать работы В. И. Абаева безусловной аксиомой;

— мимоходом бросают обвинения, что мои аргументы «несерьезные», «необоснованные».

Ослепленные оппоненты даже не допускают мысли, что их могут спросить: почему ираноязычные? почему аксиома? почему необоснованные? почему никто из них не остановился именно на моем анализе аргументов указанной «тройки»? Ведь это же главная линия книги, через которую нель-

зя безоглядно перешагнуть. Вновь предлагаю: давайте спокойно обсуждать именно те факты, которые легли в основу теории. Этому была посвящена книга. Поэтому не надо лукавить, в ней не было надобности рассуждать о множестве работ, рожденных голым повторением идей «основоположников», превративших эти идеи в библейские истины. Я могу обрадовать оппонентов, назвав еще десятки источников и работ, в т. ч. В. И. Абаева, В. А. Кузнецова и др., которые я не использую, как не имеющие отношения к формированию фундамента теории. Предлагаю говорить по существу книги, посвященной анализу «корней дерева», а не ее многочисленных ветвей. Возвращая оппонентов в русло книги, вновь напоминаю:

1. Историческая наука не располагает ни одним бесспорным первоисточником об ираноязычии названных племен, хотя о них написано очень много древними и средневековыми авторами.

2. Не надо наивно заслонять основной вопрос об их языке общими сведениями о территории, политике, хозяйстве, связях...

3. Аргументы Г. Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева не выдерживают критики, так как они подходили к источникам **только с позиций индоевропеистики.**

4. Характерно, что ни один оппонент ни одного нового довода не приводит об ираноязычии этих племен, оставаясь в гипнотическом упоении идеями Абаева.

Коленопреклонное положение Каминского, заявившего, не зная ни осетинского, ни тюркского, ни вайнахского языков, что этимологией В. И. Абаева «являются аксиомой для исторических исследований», достойно сожаления еще и потому, что он в своем усердии перепутал статус соискателя и «заискивателя»...

Как известно, аксиома не вызывает сомнений, а спор рождается там, где нет аргументированных ответов и положений. Вряд ли кому придет в голову сомневаться в русском прочтении Новгородских берестяных грамот, в дешировке надписи на Бехестунской скале. А выдерживает ли «аксиома» Абаева какие-нибудь вопросы? Как, например:

1. Решены ли на сегодня главные вопросы культуры и истории скифов? Нет, они остаются спорными (Ф. Брун, А. А. Нейхардт, И. В. Куклина, А. П. Смирнов).

2. Сомневаются ли оппоненты в «учении» Абаева об ираноязычии названных племен? Нет, это «аксиома» (В. Н. Каминский, Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецов).

3. Есть ли среди массы письменных источников, хотя бы намекающие на ираноязычность алан? Нет.

4. Сомневаются ли оппоненты в их ираноязычности? Нет.

5. Можно ли считать каменные ящики, грунтовые могилы, скальные захоронения наряду с земляными катакомбами наследием **только** алан? Нет.

5. Сомневается ли в этом мой молодой оппонент и его учитель? Нет.

Я не берусь из этих «нет» выводить аксиому, оставляю это на

совести оппонентов, но не могу не заметить, что в «аксиоме» Абаева Зеленчукская надпись вызывает столько кривотолков потому, что ее осетинское прочтение никого, кроме осетиноведов, не убеждает, так как читали ее «грязными руками», как отмечалось, игнорируя одни, добавляя другие буквы и т. п.

Откровенной демагогией звучат слова В. И. Каминского, что я связываю балкарцев и карачаевцев с родом Дуло. Не знаю, что хотел видеть оппонент, глядя в книгу, но уверен, что он не держал в руках «Материалы по археологии Кавказа», вып. 3, иначе на с. 116 он прочел бы попытку В. Ф. Миллера датировать надпись 692 годом, а если бы отнесся честно к рецензируемой им книге, прочел бы, как я (с. 116) осторожно начал: «Если верна датировка, предложенная В. Ф. Миллером...»

В своих нападках на оппонентов В. И. Абаев очень любит термин «кочка зрения». А нельзя ли спросить у Абаева: с какой такой «кочки» ему померещились скифо-сармато-аланские имена — «Волкоплечий», «Просоеды», «Варазмаг с Дона», «Находящий шерсть оленей» и т. п.? Вряд ли наука знает волчьи плечи или оленью шерсть. Это могли узреть только «абаевские» ираноязычные нарты-великаны, плечи которых, видимо, не отличались «косой саженью».

Научные построения В. И. Абаева, не подкрепленные историко-этнографическим, этнотопонимическим материалом, сведениями из письменных источников, вне круга осетиноведов никогда не считались аксиомой, их и раньше серьезные ученые скорее называли фикцией (Б. И. Граков, А. А. Мелюкова, К. М. Колобова, Б. В. Миллер). Не признают его штудии и тюркологи: У. Б. Алиев, М. З. Закиев, М. А. Хабичев, С. Я. Байчоров, А. Ж. Будаев, Б. Х. Мусукаев, Ф. Гарипова, Х.-М. И. Хаджилаев, А. М. Байрамкулов.

Однако в глазах В. И. Каминского все эти ученые выглядят «отъявленными националистами» и лишь В. И. Абаев — сама невинность.

Как бы ни усердствовал Каминский, как бы ни «выворачивали» письменные источники его покровители, какие бы оскорбления в мой адрес ни сыпались, неизменным остается главное: многое в «аксиоме» Абаева притянута за волосы, а потому выпирает во все стороны из прокрустова ложа, уготованного для этнической истории Северного Кавказа.

Поскольку этимологии В. И. Абаева давно и всерьез оспариваются видными учеными: индоевропеистами, тюркологами, вайнаховедом, адыговедами, то уместно поздравить моих оппонентов с тем, что они в лице сонскателя В. И. Каминского получили очень «серьезную» поддержку. Правда, многие его попытки оправдать «доверие» иллюстрируют одну красочную балкарско-карачаевскую мудрость: «Не умеющий бросать камень, непременно попадет себе по голове». Крепко бьет себя по голове Каминский, когда опирается на статью своих коллег (А. О. Наглера, Л. А. Чипировой), не имеющую достаточной аргументации для со-

поставления термина «тюрк» и этнонима «алан». Сомнительную услугу оказывает ему и абаевская «вариация»: «Беллон — балц — балзон — амбал — бар». Не перестает он бить себя по голове и когда опирается на упомянутую выше навязчивую идею превратить мифическое «аллон» в этноним «алан».

Вместо того чтобы отыскать источники об ираноязычности алан, В. Н. Каминский принялся упрекать меня работами путешественников XIII—XV веков, преднамеренно «не заметив», как и его единомышленники, что все эти работы были мной разобраны на с. 86—87, когда речь шла об отождествлении алан и асов. А разве в их трудах есть хоть что-либо о языковой принадлежности алан? Плано Карпини вообще не был на Северном Кавказе, а Гильом Рубрук, возвращаясь из Азии в устье р. Итиль (Волги), называет аланский город Суммеркент, у которого находились зимние ставки Бату и Сартаха. Вряд ли без целенаправленного насилия над фактами эти сведения можно использовать в пользу ираноязычности алан, назвавших свой город «Суммеркент». Увлеченный оппонент не устает бить себя, вспоминая работу И. С. Чичурова. Для него и его руководителя должно быть мало утешительного в том, что имя «Итаз», переводимое Абаевым — «Вдовец», звучало в оригинале «Хотакси». С учетом передачи звуков Ч, Ш в греческом через КС (Э. Эйхвальд), это имя, «оставшееся без внимания комментаторов», звучит в действительности «Хотачи». Этот термин образован от тюркского слова КУТ/ГУТ — благо, благодать, счастье, успех, величие с помощью характерного словообразовательного аффикса «чи» (В. В. Бартольд; Древнетюркский словарь).

В расчете «сразить наповал» обнаружил оппонент, что я использую источники через «вторые руки». Я не знаю, через которые руки дошли до меня Илиада, трагедии Эсхила, «История» Геродота, но уверен, что суть их от этого мало изменилась. Эпитеты «доители кобылиц», «конеяды» до сих пор приемлемы только к тюрко-монгольским народам. Сколько бы алановеды ни пытались в различных изданиях искать сведения об ираноязычии алан и асов — попытки тщетны. Вот в чем второй основной гвоздь проблемы, которую я предлагал обсудить без каприз.

Мой оппонент был плохо информирован: «Армянская география» еще до издания Сукри издавалась трижды: в Марселе — 1683 год; в Эчмиадзине — 1698 год; в Лондоне — 1736 год. И если бы Каминский работал с этим источником, он знал бы, что выдающийся армянист К. Патканов не придавал изданию Сукри никакого значения, хотя уже много лет Ю. С. Гаглойти тщетно пытается «реанимировать» это издание, чтобы любой ценой прочесть «алан» вместо написанного в источнике «албан». Дело не в том, сколько раз издавался источник, а в том, что он не дает возможности для подобного отождествления, ибо под специальным номером, как указывалось, названы и «алан», и «агван», а не «албан», как это подмечено К. Паткановым.

Вероятно, оппонент не держал в руках и работу К. Багря-

народного «Об управлении империей», иначе не исказил бы до неузнаваемости титульный лист, указал бы полные исходные данные, назвал бы указанные там имена подготовивших труд к изданию. Не знает он, что у этого автора были три книги, и вовсе не обязательно, чтобы во всех упоминались одни и те же этнонимы. Надо было прочесть «Церемонии византийского двора», «О фемах и народах», на которые я ссылался. В них оппонент нашел бы и «ассиев», и «аланов», и «узов», и «турок». Причем понял бы, что асов он помещает южнее алан, у Дарьяльского прохода, что заметил и Ю. С. Гаглойти. Так что упрек оппонента равносителен упованию на то, что Пьера Безухова нет в «Анне Карениной».

Касаясь деликатных вопросов исторического наследия народов, ученый всегда обязан держать на острие своего пера слова Г. П. Разумовского: «Никак не годится подменять защиту собственной позиции навешиванием ярлыков, доказательство своей правоты — ее декларированием». И в этой связи сомнительную услугу оказал своему ученику маститый ученый-алановед, навязав устаревшую трактовку (уровня 1935—1938 годов) Галиатского могильника из каменных ящиков и склеповидных сооружений. Невежество, конечно, достойно сожаления и пощады, но когда человек знает и преднамеренно декларирует ложь,— это преступно. В. А. Кузнецов и его ученик не могли не знать, что подобные Галиату погребения не аланские, поскольку последним приписываются земляные катакомбы. Не могли они не знать, что галиатское деревянное седло давно вошло в типологическую классификацию тюркских седел (А. А. Гаврилова) и что в этом погребении было захоронение коня. Знают, что ни в одной катакомбе «эталонной» аланской культуры Восточного варианта (В. А. Кузнецов) не найдено ни одного скелета коня, но лукавят, утверждая, что «обычай сопровождать умерших конем присутствовал и у алан» (СА. 1988. № 4. С. 277). Сколько можно прикрываться голыми декларациями? Назовите хотя бы одну земляную катакомбу на территории обеих Осетий с тушей коня — и спору конец! Может, теперь отыщутся?

Говоря словами В. И. Абаева, только с их «кочки» зрения можно спекулятивно утверждать, будто бы низкие столики трех-четырехножки принадлежат исключительно только алано-осетинам. Подобные «подношения» осетинскому народу — это односторонняя правда — хуже лжи. Такие столики ни разу не найдены в земляных катакомбах Осетии: Мощева Балка — это не катакомбы. Эти столики в основном известны из скальных захоронений, о которых мы говорили выше, и сильно «тюркизированным» катакомб окрестностей Кисловодска (А. А. Иерусалимская, А. П. Рунич). Аналогичные столики обнаружены в курганах алтайских тюрков скифского времени, подобный столик выставлен в чуме шамана в Этнографическом музее Прибайкалья (З. Соколова, С. И. Руденко). Столики — «тепси» и «Юч-аякъ» — широко бытовали в традиционной культуре карачаевцев и балкарцев XIX века (Карачаевцы. С. 185, 241). На с. 41 своей книги я приводил слова Г. Руб-

рука, что куманы/половцы вместе с умершим клали в могилу столик с кониной. Интересно было бы знать, какой, с позиции Каминского, столик имел в виду путешественник? Неужто современный — столовый?

А вот еще образчик декларативной амбиции: «Но позвольте, ведь любой кочевник, разводивший лошадей, независимо от этнической принадлежности употреблял в пищу аналогичные продукты» — кумыс, конину, сыр из кумыса. Непозволительно, пока не назовете хотя бы одно неурало-алтайское племя «доителей кобылиц». Попробуйте назвать — и дело с концом! Могу подсказать. Чуждо это индоевропейцам-цыганам, которым трудно отказать в кочевой жизни и любви к лошадям. Чужды эти продукты и северокавказским коневодам адыго-кабардинцам, даже перенявшим кочевую курганный обряд захоронения, соблюдавшим подвижный образ жизни еще в XIV—XVI веках (А. Х. Нагоев). Не употребляли кумыс и узбеки-дурмены, потому что на протяжении многих веков испытывали большое культурное влияние соседних ираноязычных таджиков (Н. Г. Борозна).

Вполне объяснимо двойственное положение Каминского между алановедами и «тюрковедами» и стремление «набрать очки» за счет одобрения работ Я. А. Федорова, А. В. Гадло и др. Важную значимость их трудов мы отмечали, и это трудно переоценить. Но они пока затрагивают «крышу» здания, а не его «фундамент», говорят о бесспорном гунно-болгарском пласте, а не о древнейших истоках тюркского этноса на Кавказе и в Европе.

В который раз из «рецензии» В. Н. Каминского выпирает явное двурушничество: термин «алан» переводил не Мизиев, а Н. Г. Чернышевский, Л. П. Потапов, О. Т. Молчанов, Г. Ф. Сатаров и др. («Шаги к истокам...», с. 85). Кому непонятна ситуация, в которой оппонент не может показать свою «объективность», убоявшись распространить свою злобу и на этих авторов. Еще полшага — и великий Чернышевский становится «тенденциозным вульгаризатором».

Передергивание вырванных из контекста фраз по поводу терминов «ас» и «таулу» говорит лишь о высоком уровне «искусства» ученика В. А. Кузнецова. Хотелось бы услышать их удивление по поводу того, как образованы этнонимы: «тавлин» — горные, «мешари» — лесные, «буряты» — лесные, «брежане» — береговые, «дреговичи» — болотные и т. п. (В. А. Никонов). Не правда ли, странные, с «кочки» зрения Каминского, этнотопонимические метаморфозы?

Вопреки усилиям оппонента извратить мои слова, термин «алан» я трактую не только по голой тюркской этимологии, а вкуче с археолого-этнографическими, этнотопонимическими, этнолингвистическими данными. Если бы не чрезмерное желание оскорбить автора, оппонент прочел бы на с. 160 моей книги, как я отношусь к голым этимологиям. Не секрет, что там моя фраза была направлена против В. И. Абаева, который строит всю свою теорию-аксиому только на насильственных натяжках.

В наши дни правдивая история — это одно из главных требований каждого народа. Спекулятивные выпады в этой области, подношения в виде черным по белому «заштопанной» истории вряд ли кому угодны. Я долго искал термин, спасибо за подсказку. Коллективными усилиями и откровенным насилием над историко-этнографическими фактами, всякого рода дефинициями, переполняющими работы ряда алановедов, «потомки алан» в пору нарастающего поиска правдивой истории оказываются в незавидном положении и с легкой руки своих ученых-апологетов предстают в пестрой гамме народов северокавказского региона в виде эдаких страдающих «провалом» культурно-исторической, этносоциальной памяти:

1. Народ не помнит, в языке, в фольклоре, этно-топонимике не отложились этнонимы «ас» и «алан» применительно к самому себе.

2. Где-то в верховьях Кубани, как старую рухлядь при переселении, народ «забыл» свое имя «ас», которое будто бы еще в XII—XV веках ему принадлежало, и называет своим именем балкарцев и карачаевцев.

3. Даже в нартском эпосе, будто бы отражающем скифо-алано-осетинскую историю (В. И. Абаев, Ж. Дюмезиль, В. А. Кузнецов), как отмечалось, не отложилась специфическая скифская этнокультура: кумыс, конина, способ доения кобылиц; не нашлось ираноязычного термина для обозначения понятий: «море», «лошадь», «шатер», «кумыс» и т. п.

4. Как могло случиться, что в осетинском языке и фольклоре не нашлось иранского термина для обозначения «льва», на которого охотились скифы, изображения которого занимали большое место в скифском искусстве (С. И. Руденко).

5. Аланы, с которыми «осетины осознают свои родственные связи» (В. А. Кузнецов), оставили о себе память, как указывалось в этнотопонимике Подунавья, Алтая, Туркмении, Балкарии, Карачая. А на основной территории интеграции в осетинский народ — в обеих Осетиях — начисто все забыли. Но в то же время «вспомнили» и зафиксировали в 147 тюркских топо-гидронимах имена гуннов, огузов, басмалы, басилов и др.

6. Что могло случиться с этнопсихологической памятью ираноязычных скифо-сармато-алан, когда они, только перешедши через Дон и Азов, «забыли» назвать иранским термином хотя бы одну мало-мальски значимую реку Северного Кавказа. В отношении иранской гидронимики Скифии очень важно еще раз напомнить, что Геродот, во времена скифов, не знает рек: Днепр, Дунай, Днестр, Дон. Над этим стоит подумать сторонникам сплошного ираноязычия скифских племен.

7. Если асы — это те же аланы, жившие в верховьях Кубани (В. А. Кузнецов), или их второе имя, как объяснить наличие там сотен скальных гробниц и ни одного подобного захоронения в горах Осетии. Вероятно, и эту традицию аланы забыли вместе со своим именем в верховьях Кубани.

8. Что могло случиться с памятью народа, особенно иронцев, что **со скифо-сармато-аланами** обнаруживаются параллели **только на дигорском материале**. А дигорцы, как известно, в своей народной памяти отлично сохранили кровнородственные связи с балкар-карачаевцами.

Этот ряд можно продолжать долго, но стоит ли? Ни один из оппонентов не замечает этих неувязок в ложной аксиоме В. И. Абаева. Не замечает потому, что нет ответов. А ведь я предлагал дискуссию именно об этом — и это третий главный гвоздь книги.

Сложившейся ситуацией осетинский народ обязан вовсе не мне, а В. И. Абаеву, В. А. Кузнецову, Ю. С. Гаглойти и др., которые теперь, ради спасения своих трудов, вместо спокойного анализа фактов, вынуждены спекулировать на книге И. М. Мизиева, где все эти неувязки выстроены в стройный логический ряд и вскрыли истинное значение трудов указанных авторов для истории осетинского народа.

Как ни насилуй источники, сколько раз их ни переиздавай, как бы «тенденциозно» к ним ни относился Мизиев, осетинскому народу даже с топором в руках не прикажешь именовать себя асами, доить кобылиц, кушать конину. Не заставить и мегрелов именовать аланами не карачаевцев, а осетин.

Мягко говоря, «чуждаковатыми» кажутся в работах моих оппонентов и все соседние народы, которые на протяжении двух тысяч лет были тесно связаны с аланами и их предками (до XIV века), а уже к XVI веку (времени появления первых русских документов) не помнят имени алан применительно к осетинам. «Хуже всех» здесь выглядят сами осетины, мегрелы и сваны, именующие асами, аланами, овсами балкарцев и карачаевцев. В этом отношении выгодно отличаются древние болгары и их соседи, сохранившие этноним «болгар», несмотря на языковую и культурную ассимиляцию сравнительно небольшой аспаруховской орды. А на Северном Кавказе ираноязычные племена ассимилировали кавказцев — тагауров, куртатов, двалов, а свое имя «забыли». Очевидно, северокавказцы в своем «умственном» развитии очень отставали от южнославянских и фракийских племен, поскольку не замечали (даже в пределах Кубани и Терека), кто, когда, как и куда переселялся. Разве не парадоксально, что болгары замкнулись в южнославянском мире в VII веке и сохранили свое имя, а «ираноязычные» аланы, замкнувшиеся в кавказских ущельях в XIV веке, ассимилировавшие соседние племена, ничего не помнят?

Я положу балзам на сердца своих оппонентов: допустим на мгновение, что я принимаю буквально все замечания, неприкрытые угрозы, оскорбления и пр. Помогает ли это объективной истории Северного Кавказа? В отличие от амбициозных оппонентов, я могу отказаться от своих идей, но искоренит ли эта жертва всю нелепость последствий априорного утверждения о сплошной ираноязычии скифо-сармато-аланских племен?

— Как заставить Геродота и Иоана Цеца отказаться от тюркских слов?

— Как заставить римских, византийских, арабских, грузинских авторов хоть однажды, хотя бы по ошибке, назвать скифами «ираноязычных» алан?

— Что делать с Юстином, который «беззастенчиво» намекает, что язык скифов и мидян разный?

— Как заставить хотя бы одно иранское племя или народ «вспомнить» хоть что-нибудь из этнокультуры скифов?

Вопросов этих не счесть, просто мои оппоненты увиливают от ответа.

В заключение следует отметить, что в трудах В. И. Абаева и его последователей четко просматриваются попытки приукрасить историю своего народа и принизить историю балкарцев и карачаевцев, пользуясь тем, что последние были лишены автономных прав с 1944-го по 1956 год. Вся беда в том, что «исторический кафтан» с чужого плеча не украшает богатейшую историю осетинского народа. Я не случайно сказал «принизить», судите сами.

1. В 1949 году В. И. Абаев при интерпретации староосетинских терминов «кам», «дан», при толковании Аланского приветствия Иоана Цеца, в других аспектах своего труда постоянно прибегал к помощи карачаево-балкарского языка, но одновременно заявлял: «...культурное и языковое влияние балкарцев на осетин в силу объективного соотношения сил было и не могло не быть совершенно ничтожным. Следовательно, осетинский должен был соседствовать в прошлом с какими-то другими северотюркскими языками». Неужто, с якутским?

2. В. И. Абаев хорошо знает двухтысячелетнее соседство и теснейший контакт аланов и осетин с гуннами, болгарами, хазарами, кипчаками, балкарцами и карачаевцами, знает, что Прокопий Кесарийский писал о гуннах, владевших Дарьяльским проходом, однако даже в 1987 году по примеру тех же мифических «северотюркских» языков 1949 года, все, что есть тюркского в языке, культуре, фольклоре осетин, объявляет «монгольским», чтобы ни за что не увидеть извечных тюркоязычных соседей, буквально живущих на «том берегу речки», — балкарцев. Трудно допустить, чтобы молниеносный, «сабельный» удар монгол мог заменить столь долгий контакт и разносторонние связи с древнетюркскими племенами — предками балкаро-карачаевцев. Сомнения эти имеют основание:

а) монголы никогда не жили на Северном Кавказе большой и сплошной массой. Ставки ордынских ханов в северокавказских городах — это лишь иллюстрация власти Золотой Орды, а не монголо-аланской языковой и культурной интеграции;

б) за какие-то 150—160 лет (от монгольских походов до погромов Тимура) вряд ли можно было изменить и название, и имена главных героев эпоса, культивировавшегося со времен скифов;

в) если даже допустить эту «монголо-аланскую» метаморфозу, ее трудно применить к адыгам, вайнахам, у которых бытовали те же «монгольские» имена нартов;

г) а как же быть с абхазскими и сванскими нартами, которые не имели понятия ни о монголах, ни о Золотой Орде?

д) наконец, почему же более чем 430-летнее адыго-русское, 200-летнее осетино-русское культурное и языковое общение не привнесли ничего русского в нартский эпос? Неужто контакты были слабее, чем с монголами?

3. Если добавим сюда абаевские ухищрения в словарях, тогда картина получается достаточно однозначная.

4. Не отстает от Абаева и В. А. Кузнецов, не сумевший сказать, что у балкарцев и карачаевцев есть свой вариант нартского эпоса, ограничившись «подачкой» в виде того, что эпос этот «известен также балкарцам и карачаевцам».

В вопросах истории и культуры северокавказских народов В. И. Абаев и его последователи часто противоречат главной идее ленинского понимания национального вопроса — быть предельно тактичными и внимательными. В этом отношении известному ученому очень уместно вернуть его же слова, сказанные им в упрек адыговедам: «Если национальная принадлежность ученого диктует ему его научные позиции и решения, то это уже не наука. Такой «наукой» можно пренебречь как субъективной писаниной, не имеющей никакого научного значения».

Оказавшись между «молотом и наковальней» — книгой И. М. Мизиева и требованием своего народа правдивой истории, группа оппонентов предпринимает отчаянный «бросок» на книгу и ее автора, изощряясь в подборе ярлыков. Вероятно, знают «чье мясо съели», иначе не стали бы упражняться в бесплодном и бесстыдном фарсе вместо того, чтобы «убить» мои идеи комплексом фактов. Например, такими, какие я указывал выше относительно аланов и асов.

Отсутствие подобного (далеко не полного) ряда конкретностей заставляет их любое прикосновение к скифо-сармато-аланской проблеме со стороны представителей соседних народов воспринимать так же, как воспринимается красное полотнище быками в кориде. Вместо трезвого анализа постоянно нарастающих возражений они яростно набрасываются на своих оппонентов с набором устаревших доводов и ярлыков, а потому чаще всего промахиваются и воюют с воздухом. Печальный исход опрометчивых бросков общеизвестен. Озлобленность наглядно вскрывает самую болевую точку в алановедении, в которую попала книга И. М. Мизиева. Если в рецензиях В. Н. Каминского, В. А. Кузнецова, Ю. С. Гаглойти сосредоточено все, что могли мне противопоставить, я уверенно могу сказать, что ни одно из стержневых положений книги не поколеблено. Эти рецензии представляют собой последнюю агонию, вскрывшую весь искусственный блеск и действительную нищету скифо-иранской теории.

Хорошо сказала Мэри Анн Эванс (Элиот), что факты — упрямая вещь. От них можно действительно только отмахнуться, либо умолчать и не признавать их, как это делают мои оппоненты. Но беда в том, что они настолько упрямы, что от этого не перестают оставаться фактами.

В книгу, которая лежит перед Вами, дорогой читатель, я ровным счетом ничего от себя не внес, кроме нити, связующей множество историко-археологических и этнокультурных фактов в стройную логическую цепь. Поэтому желаю своим будущим оппонентам таким же образом исходить из фактического материала. И рекомендую: «разорвите «нить» на куски, или расщепите ее, если желаете. Что же до букета фактов, то вы никогда не сможете уничтожить их. Вы можете лишь не признавать их, но не более» (Е. Блаватская).

Вероятно, настала пора говорить на языке фактов, на языке первоисточников, особенно, когда речь идет о таких болезненных вопросах, как история и культурное наследие народов. Давайте в плодотворных дискуссиях двигать науку вперед, а не толкаться в амбициозной суетлоке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СА — журнал «Советская археология».

СЭ — журнал «Советская этнография».

КСИА — Краткие сообщения института археологии АН СССР.

КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.

ИГАИМК — Известия государственной академии истории материальной культуры.

ВДИ — Вестник древней истории.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1.
- Абрамова М. П.* Подкумский могильник. М.: Наука, 1987.
- Абрамова М. П.* Кочевые ираноязычные племена Предкавказья по данным археологии//XV крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1988.
- Адамс Р.* Изучение бронзового века Месопотамии и соседних регионов// Древние цивилизации Востока. Материалы 2-го симпозиума советско-американских археологов. Ташкент: Фан, 1986.
- Алексеев В. П.* Палеоантропология Саяно-Алтайского нагорья в эпоху неолита и бронзы // Антропологический сборник. Труды ИЭ АН СССР, новая серия. М., 1961. Т. 1.
- Алексеев В. П.* О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры//СЭ. 1961. № 1.
- Алексеев В. П.* Антропологический тип населения западного распространения андроновской культуры//Научные труды Ташкентского государственного университета. Ташкент, 1964. Вып. 235.
- Алексеев В. П., Кияткин Т. П., Ходжайлов Т. К.* Палеоантропологические материалы эпохи неолита и бронзы с территории Средней Азии//Древние цивилизации Востока...
- Арменко И. И.* О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры// КСИА. М.: Наука, 1963. Вып. 93.
- Артамонов М. И.* Вопросы истории скифов в советской науке//ВДИ. 1947. № 3.
- Археология СССР. Энеолит СССР.* М.: Наука, 1982.
- Ахинжанов С. М.* Кимаки-Уран-Кай (уранкай)//Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX сессии Постоянной Международной Алтаистической Конференции (Р I A C). Ташкент, 1986.
- Байчоров С. Я.* Гунно-протобулгарско-северокавказские языковые контакты//Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.
- Барта А.* Проблемы этнической археологии в уралистике и алтаистике// Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1985.
- Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
- Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1973. Т. 8.
- Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985.
- Баскаков Н. А.* Об этнониме «башкир»//Этническая ономастика. М.: Наука, 1984.
- Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Быллым// Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1.
- Бернштам А. Н.* В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня//По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954.
- Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии...
- Бетрозов Р. Ж.* К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1982.
- Браун Ф.* Разыскания в области Гото-славянских отношений. Ч. 1. Готы и их соседи до V в.//Сборник отд-ния Русского языка и словесности импер. Академии наук. Спб., 1899. Т. 64.

- Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Брюсов А. Я. Об экспансии «культур боевых топоров» в конце III тыс. до н. э. // СА. 1961. № 3.
- Брюсов А. Я. Восточная Европа в III тыс. до н. э. // СА. 1965. № 2.
- Вулиятов З. М. Государство Хорезмшахов Ануштегинидов 1097—1231 гг. М., 1986.
- Виноградов Н. М., Кузьмина Е. Е. Контакты степняков с земледельцами в Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986.
- Вишнявская О. А., Итани М. А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
- Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- Вулли Л. Забытое царство. М.: Наука, 1986.
- Гаглойти Ю. С. Действительность и домыслы // Известия Юго-Осетинского НИИ. Тбилиси, 1987. Т. 31.
- Гаджиева З. Н. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М.: Наука, 1979.
- Галкин Л. Я. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из саратовского Заволжья // СА. 1977. № 3.
- Гамкрелдзе Т. В., Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ и протокультура. Тбилиси, 1984.
- Гарипова Ф. Г. Татарстан гидронимары сюзлеги. Казань, 1984.
- Гинзбург В. В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // МИА. М., 1962. Вып. 120.
- Гобеджишвили Г. Ф. Беденские курганы // Тезисы докладов пленарных заседаний Всесоюзной конференции по итогам полевых исследований археологов и этнографов в 1970 году. Тбилиси: Мацниереба, 1974.
- Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // Известия ГАИМК. Л., 1927. Т. 5.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степной и лесостепной областях европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. Л., 1952.
- Грозный Б. Древнейшие судьбы Передней Азии // ВДИ. 1940. № 3—4.
- Грязнов М. П. О кельтеминарском доме // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
- Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948.
- Добродомов И. Г. Пути проникновения болгарской лексики в славянские языки // Тюркизмы в восточно-славянских языках. М.: Наука, 1974.
- Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3.
- Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956.
- Дьяконов И. М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.
- Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе Ч 1 М., 1962; Ч. 2. М., 1966.
- Иерусалимская А. А. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 1958. № 2.
- Иессен А. А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе // МИА. 1965. Вып. 125.
- Исаев М. И. Осетинский язык // Языки народов СССР. Индоевропейские языки. М., 1966. Т. 1.
- История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1966. Т. 1.
- Итани М. А. Проблемы археологии Хорезма. (К 40-летию Хорезмской экспедиции) // СА. 1977. № 4.

Итина М. А. Древнехорезмийские земледельцы//История, археология и этнография Средней Азии. М., 1966.

Итина М. А. О месте тазабагыябской культуры среди культур степной бронзы//СА. 1960. № 2.

Качалова Н. К. Бережновский горизонт срубной культуры Нижнего Поволжья//Проблема археологии Нижнего Поволжья и Приаралья. Куйбышев, 1976.

Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.

Киселев С. В. Бронзовый век СССР//Новое в советской археологии. М., 1965.

Клейн Л. С. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры//Археологический сборник. М.; Л.: Советский художник. 1966. Вып. 8.

Козенкова В. И. Новые материалы по бронзовому веку Западного Предкавказья//КСИА. М., 1973. Вып. 134.

Колобова К. М. К вопросу о сарматском языке//Из истории докапиталистических формаций. (Сборник в честь П. Я. Марра). М.; Л., 1933.

Косарев М. Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграции в Западной Сибири//СА. 1972. № 4.

Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и средневековье. М.: Наука, 1980.

Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы//МИА. М., 1955. Вып. 46.

Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Курганы у станции Мекенской//Древности Чечено-Ингушской АССР. М., 1963.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа//МИА. М., 1962. Вып. 106.

Кузнецов В. А. Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа//Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов н/Д, 1987. № 3.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв.//СА. 1973. № 2.

Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986.

Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы Средней Азии//Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.

Куклина И. В. Этногеография скифии по античным источникам. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985.

Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры южного Кавказа. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970.

Кызласов Л. Р. Афанасьевские курганы на реках Упбат и Бюрь//СА. 1962. № 2.

Кызласов Л. Р. Карасукский могильник Хара-хая//СА. 1971. № 3.

Кшибеков Д. Кочевое общество. Алма-Ата: Наука КазССР, 1984.

Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности//Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Спб., 1887. Т. 4.

Латышев В. В. Известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе. Спб., 1906. Т. 2. Вып. 2.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе//ВДИ, № 1—4 за 1947—1949 гг.

Максименко Г. А. Окуневцы в Южной Сибири//Новое в советской археологии. М., 1965.

Мамонтов В. И. О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья//СА. 1975. № 3.

Массон В. М. Средняя Азия и древний Восток. М.; Л., 1964.

Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.

- Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа
Нальчик: Эльбрус, 1986.
- Мизиев И. М.* Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1
- Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3.
- Миллер В. Ф.* Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. Спб., 1886. Ч. 247.
- Мищенко Г. Ф.* К вопросу о царских скифах//Киевская старина. Киев, 1884. Т. 9.
- Мнацаканян А. О.* Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан//СА. 1960. № 2.
- Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981
- Муравьев С. Н.* Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа//ВДИ. 1988. № 1.
- Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984.
- Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982.
- Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- Патканов К.* Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому//ЖМНП. Спб., 1883. Ч. 225.
- Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Понамарев С.* К вулканам Кавказа//Ветер странствий. 1986. № 21.
- Попова Т. Б.* Дольмены у станицы Новосвободной. М., 1963.
- Попова Т. Б.* К вопросу о курильницах северокавказского типа//СА 1957 № 1.
- Путешествие* в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Ростунов В. Л., Наглер А. О.* Об этнокультурных и социально-экономических процессах в центральном Закавказье в конце III тыс. до н. э.//Археология и вопросы хозяйственно-экономического развития Северного Кавказа. Грозный, 1987.
- Сарианиди В. И.* Геоксюрский некрополь//Новое в советской археологии М., 1965.
- Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Сарианиди В. И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане М 1972 Вып. 1.
- Синицин И. В.* Древние памятники низовьев Еруслана//МИА. М., 1960. Вып. 78.
- Смирнов А. П.* Скифы. М.: Наука, 1966.
- Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Соколов С. Н.* Язык Авесты//Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
- Стеблева И. В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М.: Наука, 1976.
- Стоколов В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
- Струве В. В.* Предисловие к книге Э. Маккея «Древнейшая культура долины Инда». М., 1951.
- Сухачев Н. Л.* Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы//ВДИ. 1988. № 1.
- Тихвинский С. Л.* Состояние и задачи координации исторических исследований//Вопросы истории. 1986. № 9.
- Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма//ВДИ. 1941. № 1.
- Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сыр-Дарьи. (По материалам Тагискена)//СА. 1966. № 2.
- Толстов С. П., Итина М. А.* Проблема суяргинской культуры//СА. 1960. № 1.
- Толстов С. П.* Древнехорезмийские памятники Каракалпакии//ВДИ. 1939. № 1.

Толстова Л. С. Исторические предания южного Приаралья. М.: Наука, 1984.

Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.

Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1881. Вып. 10.

Хетагуров Коста. Сочинения. М., 1974. Т. 2.

Хлобыстина М. Д. Древние могильники горного Алтая//СА. 1975. № 1.

Хлопин Н. И. Могильники эпохи энеолита и бронзы в юго-западной Туркмении//Древние цивилизации Востока...

Хлопин Н. И. Юго-западный Туркмения в эпоху поздней бронзы. (По материалам Сумбарских могильников). Л., 1983.

Цуцкин Е. В. О раскопках в Сарпинской низменности//Тезисы докладов IX крупновских чтений по археологии Кавказа. Элиста, 1979.

Чагдуров С. Ш. Происхождение Гэсэриады. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1980.

Чайлд Гордон. Прогресс и археология. М., 1949.

Чеченов И. М. Вторые курганные группы у селений Кишпек, Чегем II//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1.

Чеченов И. М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1987. Т. 3.

Чистякова Е. В. Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история» //Вестник истории мировой литературы. М., 1961. № 1.

Шилов В. П. Модели скотоводческого хозяйства в степных областях Евразии в эпоху энеолита и ранней бронзы // СА. 1975. № 1.

Шнайдитейн Е. В. Погребения срубной культуры в Калмыкии//Тезисы докладов IX крупновских чтений по археологии Кавказа...

Эрднеев У. Э. Основные итоги археологического изучения южной Калмыкии//Тезисы докладов IX крупновских чтений по археологии Кавказа...

Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона)//ВДИ. 1987. № 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Человек — творец истории	4
Нальчик в древнейшей истории Юго-Восточной Европы	8
Древнейшие курганы Кабардино-Балкарии рассказывают	19
Древнейшие кочевники на пути в Закавказье и Переднюю Азию	27
О чем поведали курганы	33
Всё ли мы знаем о скифах?	51
Кто такие аланы и асы?	73
О чем и как спорят ученые?	97
Список сокращений	138
Библиография	139

Научно-популярное издание

Исмаил Мусаевич Мизиев

ИСТОРИЯ РЯДОМ

Художник *Х. М. Пишихачев*

Художественный редактор *В. Л. Захохов*

Технический редактор *К. Б. Жамбеева*

Корректор *Е. Е. Терушкина*

ИБ № 2102

Сдано в набор 23.08.89. Подписано к печати 15.01.90. Ч00909. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9.
Усл. кр.-отт. 9,25. Уч.-изд. л. 10,21. Тираж 1000 экз. Заказ № 4981. Цена 75 к.
Издательство «Эльбрус». Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6. Полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года Госкомиздата КБАССР. Нальчик, пр. Ленина, 33